

ҚҰҚЫҚ ЖӘНЕ МЕМЛЕКЕТ
ПРАВО И ГОСУДАРСТВО
LAW and STATE

№ 2 (103), 2024

В НОМЕРЕ ОБСУЖДАЮТСЯ ПРОБЛЕМЫ:

- Иммануил Канттын 300 жылдыгына орай;
- Global Health Security in the Age of Transnational Malicious Cyber Operations;
- Проблема обоснования естественных прав в теориях New Classical Natural Law;
- Соотношение понимания и объяснения в юриспруденции;
- Релятивизм в философии права;
- Киберкеңістіктегі юрисдикция қайшылығы: мәселелер мен мүмкін болатын шешімдер;
- Международная компетенция и территориальная подсудность судов Республики Казахстан.

ҚҰҚЫҚ және МЕМЛЕКЕТ ПРАВО и ГОСУДАРСТВО LAW and STATE

№ 2 (103), 2024

В НОМЕРЕ ОБСУЖДАЮТСЯ ПРОБЛЕМЫ:

- Иммануил Канттын 300 жылдыгына орай;
- Global Health Security in the Age of Transnational Malicious Cyber Operations;
- Проблема обоснования естественных прав в теориях New Classical Natural Law;
- Соотношение понимания и объяснения в юриспруденции;
- Релятивизм в философии права;
- Киберкеңістіктегі юрисдикция қайшылығы: мәселелер мен мүмкін болатын шешімдер;
- Международная компетенция и территориальная подсудность судов Республики Казахстан.

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ РЕДАКЦИЯЛЫҚ КЕҢЕСІ:

1. КAUDырова Т.Е. (төраға) – д.ю.н., Teaching professor Департамента частного права Maqsut Narikbayev University (Астана қ.);
2. Ахпанов А.Н. – з.ғ.д., профессор, Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университетінің қылмыстық-құқықтық пәндер кафедрасының профессоры (Астана қ.);
3. Борчашвили И.Ш. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Кешірім жасау мәселелері жөніндегі комиссияның мүшесі (Астана қ.);
4. Дәуленов М.М. – PhD, Coventry University Kazakhstan Президенті (Астана қ.);
5. Дулатбеков Н.О. – з.ғ.д., профессор, Е.А. Бөкетов ат. Қарағанды университетінің ректоры, Қазақстан Республикасы Ұлттық Ғылым Академиясының корреспондент-мүшесі (Қарағанды қ.);
6. Зиемблицкий, Бартош – PhD, Вроцлав экономикалық университеті (Вроцлав қ., Польша);
7. Козловски, Артур – доктор хабиль, профессор, Вроцлав университеті (Вроцлав қ., Польша);
8. Кэлер Л. – заң ғылымдарының докторы, Бремен Университетінің заң факультетінің профессоры (Бремен қ., Германия);
9. Лундмарк Т. – заң ғылымдарының докторы, Халл Университетінің Жоғары құқық мектебінің профессоры (Ұлыбритания);
10. Мелкевик, Бьярн – з.ғ.д., құқық профессоры (teluge), Лаваль Университеті профессоры (Квебек қ., Канада);
11. Мороз С.П. – з.ғ.д., профессор, Каспий Университеті «Фидлет» Жоғары құқық мектебінің деканы (Алматы қ.);
12. Нурмағамбетов А.М. – з.ғ.д., Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті конституциялық және азаматтық құқық кафедрасының профессоры (Астана қ.);
13. Оглезнев В.В. – ф.ғ.д., Бремен Университетінің заң факультетінің шақырылған профессоры (Бремен қ., Германия);
14. Рогов И.И. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Адам құқықтары жөніндегі комиссияның төрағасы, Қазақстан Республикасының Құқық арқылы демократия үшін Еуропалық Комиссияның (Венеция комиссиясы) мүшесі, Қазақстан Республикасы Конституциялық Кеңесінің экс-Төрағасы (Астана қ.);
15. Сәрсембаев М.А. – з.ғ.д., Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті халықаралық құқық кафедрасының профессоры (Астана қ.);
16. Саидов А.Х. – з.ғ.д., профессор, Өзбекстан Республикасы Адам құқықтары жөніндегі ұлттық орталықтың директоры, Өзбекстан Олий Мажлисі Заң шығару палатасының (Парламентінің) Демократиялық институттар, мемлекеттік емес ұйымдар және азаматтардың өзін-өзі басқару органдары комитетінің төрағасы, Өзбекстан Республикасы Ұлттық Ғылым Академиясының академигі (Ташкент қ., Өзбекстан);
17. Стоилев Я.Б. – Болгарияның Конституциялық Сотының судьясы, құқық докторы, Әулие Климент Охридский ат. София университетінің профессоры (София қ., Болгария);
18. Слаат Т. – заң ғылымдарының докторы, Стокгольм Университетінің заң факультетінің профессоры (Стокгольм, Швеция);
19. Ударцев С.Ф. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Конституциялық Сотының судьясы (Астана қ.);
20. Химма К. – заң ғылымдарының докторы, Вашингтон университетінің Жоғары заң мектебінің профессоры (Сиэтл, АҚШ).

РЕДАКЦИЯЛЫҚ АЛҚА МҮШЕЛЕРІ:

1. Диджин А.Б. (бас редактор) – фил.ғ.д., з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Associate professor (Астана қ.);
2. Абдрасулова Г.Э. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Жеке құқық департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
3. Аубакирова И.У. – з.ғ.д., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Assistant professor (Астана қ.);
4. Ахмади М.А. – PhD, Maqsut Narikbayev University ғылыми қызмет және зерттеулер жөніндегі Вице-Провосты, Assistant professor (Астана қ.);
5. Бектибаева О.С. – PhD, Maqsut Narikbayev University Құқық жоғары мектебінің директоры (деканы) (Астана қ.);
6. Биебаева А.Ә. – з.ғ.к., доцент, ҚР Жоғарғы Сотының жанындағы Сот төрелігі академиясы Қылмыстық-құқықтық пәндер ғылыми-білім беру орталығының директоры (Астана қ.);
7. Возняк О.А. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Қылмыстық сот төрелігі департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
8. Ешниязов Н.С. – PhD, Maqsut Narikbayev University Халықаралық құқық департаментінің Assistant professor (Астана қ.);
9. Есенкулова Б.Б. – Орталық Азиядағы Америка университетінің PhD, Associate professor (Бішкек қ., Қырғызстан Республикасы);
10. Жұмағұлов М.И. – з.ғ.д., ҚР Президенті жанындағы Қазақстандық стратегиялық зерттеулер институты директорының орынбасары;
11. Жүсіпов А.Д. – з.ғ.д., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
12. Идрیشهва С.К. – Maqsut Narikbayev University Жеке құқық департаментінің Professor Emeritus (Астана қ.);
13. Калишева Ж.Г. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Professor Emeritus, Заңгерлерді бағалау және сертификаттау бюросының басшысы (Астана қ.);
14. Қим К.В. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Қылмыстық сот төрелігі департаментінің Professor Emeritus (Астана қ.);
15. Қоғамов М.Ш. – з.ғ.д., профессор, Maqsut Narikbayev University қылмыстық сот төрелігі және ғылыми сараптама саласындағы ғылыми жобалардың жетекшісі (Астана қ.);
16. Корабеев И. – Maqsut Narikbayev University Халықаралық экономика мектебінің PhD, Associate professor (Астана қ.);
17. Малиновский В.А. – з.ғ.д., «Нархоз Университеті» КАҚ профессоры (Алматы қ.);
18. Мельник Р.С. – з.ғ.д., Associate professor, Maqsut Narikbayev University әкімшілік және неміс құқығы ғылыми мектебінің директоры (Астана қ.);
19. Нәрікбаев Т.М. – Maqsut Narikbayev University Басқарма Төрағасы (Астана қ.);
20. Нуртаев Р.Т. – з.ғ.д., Maqsut Narikbayev University Қылмыстық сот төрелігі департаментінің Professor Emeritus (Астана қ.);
21. Оразбаева Ә.А. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
22. Пен С.Г. – з.ғ.к., Maqsut Narikbayev University Провосты (Ректоры) (Астана қ.);
23. Подопригора Р.А. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасы Конституциялық Сотының судьясы (Астана қ.);
24. Саяпин С.В. – құқық докторы, КИМЭП Университетінің Құқық мектебі қауымдастырылған деканы, қауымдастырылған профессор (Алматы қ.);
25. Сейтенов Қ.Қ. – з.ғ.д., профессор, Қазақстан Республикасының Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының бірінші проректоры (Астана қ.);
26. Темірбеков Ж.Р. – PhD, Maqsut Narikbayev University Жария құқық департаментінің Teaching professor (Астана қ.);
27. Тлепина Ш.В. – з.ғ.д., профессор, Л.Н. Гумилев ат. Еуразия ұлттық университеті халықаралық құқық кафедрасының меңгерушісі (Астана қ.);
28. Хасенов М.Х. – PhD, Maqsut Narikbayev University Жеке құқық департаментінің Assistant professor (Астана қ.).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

1. Каудыров Т.Е. (председатель) – д.ю.н., Teaching professor Департамента частного права Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
2. Ахпанов А.Н. – д.ю.н., профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана);
3. Борчашвили И.Ш. – д.ю.н., профессор, член Комиссии по вопросам помилования при Президенте Республики Казахстан (г. Астана);
4. Дауленов М.М. – PhD, Президент Coventry University Kazakhstan (г. Астана);
5. Дулатбеков Н.О. – д.ю.н., профессор, Ректор Карагандинского университета им. Е.А. Букетова, член-корреспондент Национальной Академии Наук Республики Казахстан (г. Караганда);
6. Зиемблицкий, Бартош – PhD, Экономический университет во Вроцлаве (г. Вроцлав, Польша);
7. Козловски, Артур – доктор хабиль, профессор, Вроцлавский Университет (г. Вроцлав, Польша);
8. Кэлер Л. – доктор права, профессор юридического факультета Университета Бремена (г. Бремен, Германия);
9. Лундмарк Т. – доктор права, профессор Высшей школы права Университета Халла (Великобритания);
10. Мелкевик, Бьярн – д.ю.н., профессор (tenure) права, профессор Университета Лавала (г. Квебек, Канада);
11. Мороз С.П. – д.ю.н., профессор, декан Высшей школы права «Адilet» Каспийского Университета (г. Алматы);
12. Нурмагамбетов А.М. – д.ю.н., профессор кафедры конституционного и гражданского права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана);
13. Оглезнев В.В. – д.ф.н., приглашенный профессор юридического факультета Университета Бремена (г. Бремен, Германия);
14. Рогов И.И. – д.ю.н., профессор, Председатель Комиссии по правам человека при Президенте Республики Казахстан, член Европейской комиссии за демократию через право (Венецианская комиссия) от Республики Казахстан, экс-Председатель Конституционного Совета Республики Казахстан (г. Астана);
15. Сарсембаев М.А. – д.ю.н., профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана);
16. Саидов А.Х. – д.ю.н., профессор, директор Национального центра Республики Узбекистан по правам человека, председатель Комитета по демократическим институтам, негосударственным организациям и органам самоуправления граждан Законодательной палаты Олий Мажлиса (Парламента) Узбекистана, академик Национальной Академии Наук Республики Узбекистан (г. Ташкент, Узбекистан);
17. Стопоя Я.Б. – судья Конституционного Суда Болгарии, доктор права, профессор Софийского университета им. Святого Климента Охридского (г. София, Болгария);
18. Спаак Т. – доктор права, профессор юридического факультета Университета Стокгольма (г. Стокгольм, Швеция);
19. Ударцев С.Ф. – д.ю.н., профессор, судья Конституционного Суда Республики Казахстан (г. Астана);
20. Химма К. – доктор права, профессор Высшей школы права Вашингтонского университета (г. Сизтл, США).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

1. Дидикин А.Б. (главный редактор) – д.фил.н., к.ю.н., Associate professor Департамента публичного права Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
2. Абдрасулова Г.Э. – к.ю.н., Teaching professor Департамента частного права Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
3. Аубакирова И.У. – д.ю.н., Assistant professor Департамента публичного права Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
4. Ахмади М.А. – PhD, Assistant professor, Вице-Провост по научной деятельности и исследованиям Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
5. Бектибаева А.С. – PhD, директор (декан) Высшей школы права Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
6. Биебаева А.А. – к.ю.н., доцент, директор Научно-образовательного центра уголовно-правовых дисциплин Академии правосудия при Верховном Суде РК (г. Астана);
7. Возняк О.А. – к.ю.н., Teaching professor Департамента уголовного правосудия Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
8. Ешниязов Н.С. – PhD, Assistant professor Департамента международного права Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
9. Есенкулова Б.Б. – PhD, Associate professor Американского университета Центральной Азии (г. Бишкек, Республика Кыргызстан);
10. Жумагулов М.И. – д.ю.н., профессор, Заместитель Директора Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК (г. Астана);
11. Жусупов А.Д. – д.ю.н., Teaching professor Департамента публичного права Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
12. Идрышева А.К. – к.ю.н., Professor Emeritus Департамента частного права Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
13. Калишева Ж.Г. – к.ю.н., Professor Emeritus Департамента публичного права, руководитель Бюро по оценке и сертификации юристов Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
14. Ким К.В. – к.ю.н., Professor Emeritus Департамента Уголовного правосудия Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
15. Когамов М.Ч. – д.ю.н., профессор, руководитель научно-исследовательских проектов по вопросам уголовного правосудия и научной экспертизы Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
16. Корабоев И. – PhD, Associate professor Международной школы экономики Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
17. Малиновский В.А. – д.ю.н., профессор НАО «Университет Нархоз» (г. Алматы);
18. Мельник Р.С. – д.ю.н., Associate professor, директор Научной школы административного и немецкого права Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
19. Нарикбаев Т.М. – к.ю.н., Председатель Правления Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
20. Нуртаев Р.Т. – д.ю.н., Professor Emeritus Департамента уголовного правосудия Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
21. Оразбаева А.А. – к.ю.н., Teaching professor Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
22. Пен С.Г. – к.ю.н., Провост (Ректор) Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
23. Подопригора Р.А. – д.ю.н., профессор, судья Конституционного Суда Республики Казахстан (г. Астана);
24. Саягин С.В. – доктор права, ассоциированный профессор, ассоциированный декан Школы права Университета КИМЭП (г. Алматы);
25. Сейтенов К.К. – д.ю.н., профессор, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (г. Астана);
26. Темирбеков Ж.Р. – PhD, Teaching professor Департамента публичного права Высшей школы права Maqsut Narikbayev University (г. Астана);
27. Тлепина Ш.В. – д.ю.н., профессор, заведующая кафедрой международного права Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилева (г. Астана);
28. Хасенов М.Х. – PhD, Assistant professor Департамента частного права Maqsut Narikbayev University (г. Астана).

**Maqсут Narikbayev University. INFORMATION SCIENTIFIC JOURNAL «LAW AND STATE»,
PUBLISHED SINCE 1997, FREQUENCY OF PUBLICATION - 4 ISSUES PER YEAR.**

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL:

1. Каудырова Т.Е. (chairman) – д.ю.н., Teaching professor Департамента частного права Maqсут Narikbayev University (г. Астана);
2. Akhpanov A.N. – Doctor of Juridical Science, Professor of the Department of Criminal Law disciplines at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana);
3. Borshashvili I.Sh. – Doctor of Juridical Science, Professor, Member of the Commission on Pardons under the President of the Republic of Kazakhstan (Astana);
4. Daulenov M.M. – Ph.D., President, Chairman of the Board of NJSC «Narxoz University» (Almaty);
5. Dulatbekov N.O. – Doctor of Juridical Science, Professor, Rector of Academician E.A. Buketov Karaganda University, Member of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan (Karaganda);
6. Ziemlicki, Bartosz – Ph.D., Wrocław University of Economics and Business (Wrocław, Poland);
7. Kozłowski, Artur – Dr. Hab., Professor, University of Wrocław (Wrocław, Poland);
8. Kähler L. – Doctor of Law, Professor, Department of Law, University of Bremen (Germany, c. Bremen);
9. Lundmark T. – Doctor of Law, University of Hull, Law School, Professor (Great Britain);
11. Melkevik, Bjarne – Doctor in Law, Professor (tenure) of Laval University (Quebec, Canada);
12. Moroz S.P. – Doctor of Juridical Science, Professor, Dean of the “Adilet” Higher School of Law at Caspian University (Almaty);
13. Nurmagambetov A.M. – Doctor of Juridical Science, Professor of the Department of Constitutional and Civil Law at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana);
14. Ogleznev V. - Doctor of Philosophy, Visiting Professor, Department of Law, University of Bremen (Germany, c. Bremen);*
16. Rogov I.I. – Doctor of Juridical Science, Professor, Chairman of the Human Rights Commission under the President of the Republic of Kazakhstan, member of the European Commission for Democracy through Law (the Venice Commission) of the Council of Europe representing Kazakhstan, former Chairman of the Constitutional Council of the Republic of Kazakhstan (Astana);
17. Sarsembayev M.A. – Doctor of Juridical Science, Professor of the Department of International Law at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana);
18. Saidov A.Kh. – Doctor of Juridical Science, Professor, Director of the National Center of the Republic of Uzbekistan for Human Rights, Chairman of the Committee for democracy institutes, non-governmental bodies and civil self-government bodies of Legislative Chamber of Uzbekistan, Academician of the National Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan (Tashkent, Uzbekistan);
19. Stoilov, Yanaki – judge of the Constitutional Court of Bulgaria, Doctor of Law, Professor of St. Kliment Ohridski Sofia University (Sofia, Bulgaria);
20. Spaak T. - Doctor of Law, Professor, Department of Law, University of Stockholm (Sweden, c. Stockholm);
21. Udartsev S.F. – Doctor of Juridical Science, Professor, judge of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan (Astana);
22. Himma K. - Doctor of Law, Professor, Law School, University of Washington (USA, c. Seattle).

EDITORIAL BOARD:

1. Didikin A.B. (Chief Editor) – Doctor of Philosophy Science, Candidate of Legal Sciences, Associate professor of the Department of Public Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
2. Abdrasulova G.E. – Candidate of Legal Sciences, Teaching professor of the Department of Private Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
3. Aubakirova I.U. – Doctor of Juridical Science, Assistant professor of the Department of Public Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
4. Akhmedi A.M. – Ph.D, Assistant professor, Vice-Provost for Research of Maqсут Narikbayev University (Astana);
5. Bektibayeva O.S. – Ph.D, Head (Dean) of KAZGUU Law School of Maqсут Narikbayev University (Astana);
6. Biyebayeva A.A. – Candidate of Legal Sciences, Associate professor, Director of the Research and Educational Center of Criminal Law Disciplines of Academy of Justice under the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan (Astana);
7. Voznyak O.A. – Candidate of Legal Sciences, Teaching professor of the Department of Criminal Justice at Maqсут Narikbayev University (Astana);
8. Yeshniyazov N.S. – Ph.D, Assistant professor of the Department of International Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
9. Esenkulova B. – Ph.D in Law, Associate Professor, American University of Central Asia (Kyrgyzstan Republic, c. Bishkek);
10. Zhumagulov M.I. – Doctor of Juridical Science, Professor, Deputy Director of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (Astana);
11. Zhushupov A.D. – Doctor of Juridical Science, Teaching professor of the Department of Public Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
12. Idrysheva S.K. – Doctor of Juridical Science, Professor Emeritus of the Department of Private Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
13. Kalisheva Zh.G. – Candidate of Legal Sciences, Professor Emeritus of the Department of Public Law, Head of the Legal Assessment and Certificate Bureau at Maqсут Narikbayev University (Astana);
14. Kim K.V. – Candidate of Legal Sciences, Professor Emeritus of the Department of Criminal Justice at Maqсут Narikbayev University (Astana);
15. Kogamov M.Ch. – Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the research projects in the field of criminal justice and scientific expertise of Maqсут Narikbayev University (Astana);
16. Koraboyev I. – Ph.D, Associate Professor, International School of Economics, Maqсут Narikbayev University (c. Astana);
17. Malinovsky V.A. – Doctor of Juridical Science, Professor of NJSC «Narxoz University» (Almaty);
18. Melnyk R.S. – Doctor of Juridical Science, Director of the Scientific School of Administrative and German Law Maqсут Narikbayev University (Astana);
19. Narikbayev T.M. – Chairman of the Board of M. Narikbayev KAZGUU University (Astana);
20. Nurtayev R.T. – Doctor of Juridical Science, Professor Emeritus of the Department of Criminal Justice at Maqсут Narikbayev University (Astana);
21. Orazbayeva A.A. – Candidate of Legal Sciences, Teaching professor of the Department of Public Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
22. Pen S.G. – Candidate of Legal Sciences, Provost (Rector) of Maqсут Narikbayev University (Astana);
23. Podoprigora R.A. – Doctor of Juridical Science, Professor, judge of the Constitutional Court of the Republic of Kazakhstan (Astana);
24. Sayarin S.V. – Driur, Associate Professor, Associate Dean School of Law at KIMEP University (Almaty);
25. Seitenov K.K. – Doctor of Juridical Science, first Vice Rector of the Academy of Law Enforcement Agencies under the Prosecutor General’s Office of the Republic of Kazakhstan (Astana);
26. Temirbekov Zh.R. – Ph.D, Teaching professor of the Department of Public Law at Maqсут Narikbayev University (Astana);
27. Tlepina Sh.V. – Doctor of Juridical Science, Professor, Head of the Department of International Law at L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana);
28. Khassenov M.Kh. – Ph.D, Assistant professor of the Department of Private Law at Maqсут Narikbayev University (Astana).

СОДЕРЖАНИЕ

Құқық және мемлекет
Право и государство
Law and State
№ 2 (103), 2024

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

Temirbekov Zh. (Republic of Kazakhstan, c. Astana) Global Health Security in the Age of Transnational Malicious Cyber Operations: A Taxonomic Analysis of Non-State and State-Backed Cyber Threats 6

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Нехаев А.В. (Россия, г. Тюмень) Проблема обоснования естественных прав в теориях New Classical Natural Law 18

Алова Д.Г. (Россия, г. Москва) Соотношение понимания и объяснения в юриспруденции 26

ПЕРЕВОДЫ РАБОТ ВЫДАЮЩИХСЯ УЧЕНЫХ

Спаак Т. (Швеция, г. Стокгольм) Релятивизм в философии права 34

Трибуна молодых ученых

Шамишева А.Ө. (Астана қ., Қазақстан Республикасы) Киберкеңістіктегі юрисдикция қайшылығы: мәселелер мен мүмкін болатын шешімдер (Ұлыбритания мен Канада мысалында) 45

Мотталев М.А. (Республика Казахстан, г. Астана) Международная компетенция и территориальная подсудность судов Республики Казахстан: пробелы гражданского процессуального законодательства 54

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Серікбай Б. (Астана қ., Қазақстан Республикасы) Иммануил Канттың 300 жылдығына орай. Канттың құқық, заң және әділеттілік туралы ілімдерінің философиялық сөздігі 60

МАЗМҰНЫ 64

CONTENTS 64

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН АҚПАРАТ 65

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 66

INFORMATION FOR AUTHORS 67

GLOBAL HEALTH SECURITY IN THE AGE OF TRANSNATIONAL MALICIOUS CYBER OPERATIONS: A TAXONOMIC ANALYSIS OF NON-STATE AND STATE-BACKED CYBER THREATS

ZH. TEMIRBEKOV,

PhD in Jurisprudence
(Maqsut Narikbayev University),
LLM in International Law
(University of Reading),
Teaching Professor,
Maqsut Narikbayev University
(Astana, Republic of Kazakhstan)
e-mail: zh_temirbekov@kazguu.kz

The paper emphasises the critical nature of the cybersecurity threats to the global healthcare sector. The examination of quantitative and qualitative research results from official reports, bulletins, and journals is combined in the study to demonstrate the scope and impact of non-state and state-backed malicious cyber operations directed at healthcare systems. In today's digital age, cyber operations against the healthcare sector are increasing in rate and becoming more sophisticated. Therefore, the paper is *relevant*. The paper's *subject* is analysing the nature, scope, and consequences of malicious cyber activity; it examines how it can impact healthcare systems, patient privacy, and public health. By analysing recent incidents, conducting a taxonomic analysis, and proposing some general strategies to enhance healthcare protection in the face of cybersecurity threats, the paper sheds light on the critically important issue of cybersecurity threats in the healthcare sector, which is the *purpose* of the paper. The study's *novelty* is that this paper offers a taxonomic analysis of cybersecurity threats that provides a structured framework to understand the threats and propose some general suggestions to enhance the protection of the global healthcare sector.

Brief conclusions: 1) State-backed malicious cyber operations can significantly compromise the quality of healthcare and patient safety; 2) Decision-making centers in the healthcare sector are recommended to pay attention to the need to modernize cybersecurity policies since, as studies show, more and more healthcare organisations are becoming victims of transnational malicious cyber operations.

Keywords: malicious cyber operations, data privacy, right to health, global health, healthcare, cyber-attack resilience, healthcare infrastructure, cybersecurity, cyber threat taxonomy

Introduction

In the healthcare sector, which has become one of the prime targets for non-state and state-backed cyber operations, the evolving landscape of cybersecurity threats presents unprecedented challenges. This article aims to introduce the critical issue of malicious cyber activities directed at healthcare organisations and discuss the nature, scope, and impact of these threats. The article examines the general consequences of such attacks on the integrity of healthcare systems, patient privacy, and public health. An analysis of some recent incidents and their impact on healthcare infrastructures sheds light on the urgent need for robust cybersecurity measures to protect healthcare infrastructures against sophisticated cyber threats.

Basic Provisions Materials and Methods

This study adopts a mixed-methods approach to examine the scope and impact of non-state and state-backed malicious cyber operations on global healthcare systems. It examines the results of quantitative and qualitative data analyses and case studies. Part of studying the results of existing quantitative analyses is assessing the frequency, nature, and outcomes of cyber operations targeting healthcare organisations worldwide. Qualitative data is collected from official reports and journals and, *inter alia*, was used to assess the threat of malicious cyber operations against the healthcare sector.

Results

1. *Malicious cyber operations and their impact on healthcare: some flagrant cases*

As former FBI Director Robert Mueller has noted, ‘there are only two types of companies: those that have been hacked and those that will be’ [30]. Over the past decade, cybersecurity attacks have steadily increased in the healthcare sector [10, p. 17]. In 2016, Hollywood Presbyterian Medical Centre suffered a ransomware attack that impaired access to medical records and equipment for ten days until the hospital paid the ransom (approximately \$17,000) [51]. A website selling personal information about children vaccinated in China’s hospitals was revealed in the same year – unauthorised access and malicious insiders working with cyber attackers led to the acquisition of this data, including home address and parent contact information [13]. Furthermore, it was reported in 2018 that Singapore’s Prime Minister’s medical information and that of 1.5 million other patients had been stolen [47, p. 2]. A phishing attack was detected on March 20th, 2020, targeting the World Health Organization (WHO) – a malicious website was launched to copy WHO’s internal email system to steal passwords [37].

One group of writers correctly argues that among the most dangerous types of cyberattacks are those perpetrated by state actors across national boundaries [47, p. 3]. The advantages of territorial sovereignty (monopoly for jurisdiction, for example) and considerable financial and human potential make states dangerous actors in global cyberspace. Combining a sense of impunity and great power may lead to sad consequences. Indeed, state organs or state-backed hacker groups are responsible for the most devastating transnational malicious cyber operations in the last ten years.

Below the key aspects of a state-backed transnational malicious cyber operation carried out on Anthem Corporation in 2015 will be described. Also, it will briefly discuss two state-backed malicious cyber operations from 2017 that, *inter alia*, hit the healthcare sector in the territory of the UK and Ukraine—WannaCry and NotPetya, respectively.

***

Anthem, one of the largest health insurance providers in the United States (US), announced an important data breach in February 2015 [1]. In a statement released by Anthem, the company said the breach was caused by a ‘very sophisticated external hacking attack’ [50, p. 1]. Notwithstanding that Anthem Inc. ‘demonstrated sound cybersecurity policies and procedures that limited the impact of the breach’ [15, p. 81], a report on Anthem’s website indicated that the company discovered that large amounts of consumer information were being accessed by unauthorised parties, including names of members, member health identification numbers, date of birth, social security numbers, addresses, telephone numbers, email addresses, employee information and income information [7].

According to prosecutors, the hackers breached Anthem’s computer network without authorisation by using spear phishing attacks to gain access to the network. They used sophisticated techniques to penetrate the company’s computer network without its permission [27]. Even though the hackers ‘patiently waited months’ to steal the data, they were still successful [27]. It appears that the Anthem cyberattack was executed by or through the Chinese government, which would make it an appropriate candidate to be classified as a ‘nation-state’ attack [49].

In May 2017 various companies, including FedEx, Renault, Telefonica and Deutsche Bahn, were affected by the WannaCry ransomware. However, England's National Health Service (NHS) was the hardest hit [39]. The malware encrypted all computer data, locked the operating system, and demanded a ransom in Bitcoin [52]. Despite NHS 'was not the specific target' of the malware [21], as a result of the WannaCry attack, there was a postponement of many surgical procedures; an estimated 20,000 appointments were cancelled; it affected the activity of GP surgeries, dental practices, and pharmacies; some patients were unable to be treated by five emergency departments, and they were diverted to other facilities; the incident affected 80 out of 236 NHS trusts and 603 NHS organisations [26]. The United Kingdom's National Cyber Security Centre (NCSC) speculated that the operation was launched by the hacker group 'Lazarus', which is believed to be affiliated with the North Korean government [31].

According to the findings of a group of researchers, all NHS trusts' activity went down over the WannaCry week for all functionality. Infected trusts experienced 50% more daily cancellations than unaffected trusts after the beginning of the attack. During WannaCry attack week, Accident and Emergency Department attendance dropped by 6% daily. The lesser activity at the affected trusts was worth £5.9 million economically that week. Despite all this, the authors cannot determine the true impact of the attack on complications, care procedures, or patient outcomes. At the same time, no trust significantly differed in the death rate from the baseline week. Also, according to the authors, finding the 'kill switch' on the same day as the attack reduced WannaCry's potential effect on health services [17].

In June 2017 in Ukraine, the NotPetya attack hit at least four hospitals and two airports in Kyiv, six power companies, more than 22 Ukrainian banks, ATMs and card payment systems in retailers and transport, practically every Ukrainian governmental agency, National Bank of Ukraine, Chernobyl Nuclear Power Plant's monitoring system, and at least 300 companies. One senior Ukrainian government official estimated that 10 per cent of all computers in the country were wiped out [19].

The president of the Boris Clinic group of Kyiv hospitals, Mikhail Radutskiy, recalled that, in addition to cancelling all upcoming appointments, the GPS used to locate ambulances at the hospitals had failed as a result of the NotPetya attack. Although IT administrators are able to retrieve a copy of all their systems from three days earlier, all tests performed since then, such as blood tests, MRIs, and CAT scans, would have to be repeated [18].

The consequences of the NotPetya attack were global. As the US State Department stated, NotPetya damaged the computers of hospitals and other medical facilities in the Heritage Valley Health System in western Pennsylvania, a large U.S. pharmaceutical manufacturer, and other US private sector entities [46]. In total, the NotPetya attack caused worldwide damage for 10 billion US dollars [48]. However, there is no information about physical harm or injury to individuals [38].

It is believed that the Russian government was behind the NotPetya cyber operation. For instance, the NotPetya attack against Ukraine has been reported by the Ukrainian government to have been carried out by Russian security services in an attempt to destroy important data [45]. It has been reported that the Russian military carried out the NotPetya attack 'almost certainly' [36]. A reward of up to \$10 million has been offered by the US in exchange for information concerning six people described as Russian military intelligence officers who had allegedly carried out the NotPetya attack [35].

2. An understanding of healthcare cyber security risks

Overview

The abovementioned examples are only a small part of malicious cyber operations against healthcare organisations. By way of illustration, of the 4026 Patient Health Information breaches that affected 303,284,800 people in the United States from January 1, 2011, to December 31, 2021 – 43% were primarily hacking/IT related [44, p. 180]. During the year 2021, there were 5,212 confirmed data breaches due to malicious cyber operations worldwide, of which 571 were in the healthcare sector [11]. At the same time, 75% of all data breaches in Europe are unreported [8].

Cashwell observes that there are two types of vulnerable objects in the healthcare sector: (i) computer networks and electronic equipment; (ii) infrastructure essential to anticipating, preparing for, responding to, and minimising public health emergencies (power grid or telecommunication infrastructure, for example) [9, p. 29].

Harkins and Freed's work shows that personal health information is an ideal target for ransom demands due to its fluid nature. They also argue that healthcare organisations are ill-prepared to counter cyber-attacks, which makes them attractive targets [20].

Thus, there are two reasons why the healthcare sector may be attractive to cyber adversaries. It is a rich source of valuable data and a soft target that makes it a tempting target for cyberattacks [24].

Valuable data includes clinical personal health information, personally identifiable information, and research intellectual property. For example, a credit card number or social security number can be sold for between \$1 and \$15 on the dark web, whereas personal medical information can be sold for as much as \$60 [28]. The reason for such a high price for personal medical information may be that it cannot be reset, and one's records may contain enough information to open a bank account, obtain a loan, or get a passport [24].

The healthcare sector may be a soft target because of cybersecurity weaknesses (it was explored, for example, in the works of Mattei [25], Mrcela and Vuletic [29], Thamer and Alubady [43]), including the particularities of data usage by personnel. For instance, openness and sharing of healthcare information are essential [4, p. 3]. This is why the health information systems in almost every department in a hospital store personally identifiable information and protected health information. Electronic health records, e-prescribing software, remote patient monitoring, dietitian information systems, and laboratory information systems are used by all healthcare providers (including physicians, physician assistants, nurses, pharmacists, and physical therapists) [3, p. 2]. As a result, the wide access to healthcare information increases the risk of violation of its integrity or confidentiality.

Cyber threats to the healthcare sector

The relevant literature analysis indicates that malicious cyber operations against the healthcare sector may be classified based on their form, aims, location of the breached information, types of cyber adversaries, and motivations.

The authors of examined papers [4, 32, 22, 5, 47] generally distinguish seven forms of malicious cyber operations against the healthcare sector:

- Malware or malicious software. Several types of malicious software are designed to cause harm to a computer system or compromise it without the user's consent. Malware is spread physically by using an external drive or online by using emails posing as 'phishing' attacks. These programs perform several functions, such as altering, damaging, spying, or deleting user information. Some common malware is known as worms, bots, viruses, trojans, spyware, adware, backdoors, ransomware, and rootkits. Among the mentioned malware, a ransomware attack is probably the most popular form among cyber adversaries. A ransomware malicious program prevents users from using their operational systems until they pay a fee to the attacker [16]. Cyber adversaries use ransomware to encrypt vital data in order to prevent an organisation from accessing that data. Access is granted (not in all cases) only after the attackers receive payment for the ransom.

- Denial-of-Service (Dos) or Distributed-Denial-of-Service (DDoS) attack. The attack occurs when a cyber adversary actor floods a network with traffic to the point that the network cannot react and is, therefore, unable to be accessed. Medical teams are often unable to retrieve or send patient data due to DoS events, which are usually intended to damage the hospital's reputation or make the hospital's services unavailable to patients. The most famous example of a DDoS attack is the 2007 attack against the Estonian critical infrastructure, which resulted in almost total unavailability of online public services.

- Man-in-the-middle. As a result of this attack, an unauthorised party can insert itself into the middle of communication transmission by exploiting a vulnerability in the target party's net-

work connection. Information being exchanged can be intercepted, stolen, or altered by the attacker before it reaches the receiving end of the communication.

- SQL attack. An attack consisting of a sequence of character inputs is designed to target a particular vulnerability in a system, resulting in the destabilisation or inaccessibility of system functions and potentially the exposure of data. This form of attack is generally conducted on internet servers or database systems.

- Spoofing occurs when hackers manipulate a medical device to receive an external signal, enabling them to access or manipulate data, system settings, and other system components. Sometimes, it is not difficult and requires no special equipment. However, it may be especially dangerous for some types of devices on the Internet of Medical Things (pacemakers, for example).

- Drone-specific attack. At first, a drone flies over a healthcare facility. Then, as part of drone attacks, users are generally required to disconnect from the network to perform re-authentication. After that, the drone creates a new one, which appears to be a legitimate access point on the healthcare organisation's network. Deceived personnel of a healthcare organisation log into it. The personnel provide their login information on an infected page before proceeding to the internal (as they think) of a healthcare organisation's network. The hackers use this method to steal the logins and passwords of the personnel from the internal network of a healthcare organisation.

- Web-based attacks. These attacks attract hackers because they exploit various systems, provide malicious URLs and scripts, or even download malware content in order to exploit the various systems. In addition to affecting accessibility, web-based attacks can compromise data integrity and confidentiality. The most common Web-based attacks are form jacking, malicious browser extensions, and malicious software downloads via online software.

The main aims of malicious cyber operations against the healthcare sector may be:

- Collection of information. Personally identifiable information (PII), protected health information (PHI), and results of clinical research may be attractive for hackers seeking financial gain or motivated by political reasons;

- Attacks on databases. Managing information resources effectively and efficiently in a digital society is an essential component of decision-making and scientific research in a digital society. Medical databases contain information about electronic medical records, medical equipment, websites, and other relevant information. An attack on a database in the medical area may result in doctors being unable to retrieve patient information, which may delay treatment;

- Attacks on websites. The doctor can access patient information and provide prescriptions through a website connected to the hospital database. The website may be compromised if malicious attackers send incorrect information instead of accurate patient information. In another case, the website may crash, resulting in a delay in treatment [34];

- Attacks on operation devices. By developing technology, patients' treatment will inevitably become more accurate, which means they depend more on medical equipment such as the Internet of Medical Things (IoMT). This poses a threat to the patient's safety, as the operating devices may be vulnerable to attacks through the Internet. In some cases, such as those involving pacemakers, it can be fatal if communication is disrupted [33].

The study by a collective of authors [44] has revealed that the breached information of the US healthcare sector between January 1, 2001, to December 31, 2021, was located (from highest to lowest per cent of breaches) on:

- network servers (26 per cent, affected 227,686,822 individuals)
- email (24 per cent, affected 30,071,008 persons)
- paper/film (17 per cent, affected 5,315,442 people)
- other (11 per cent, 15,758,977 affected)
- laptop (9 per cent, 5,662,706 affected)
- desktop computer (8 per cent, 11,529,003 affected)
- electronic medical records (6 per cent, 7,260,842 affected)

As for the types of cyber adversaries who may be interested in carrying out malicious cyber operations against the healthcare sector, Bris and Asri [6], for example, divided them into five groups:

- Individuals and small groups. Profit and notoriety are their primary motivations, so they usually target targets based on opportunities and employ crude tactics;
- Political groups and paparazzi. Their motivations include hacktivism as well as political and financial gain. They are typically interested in embarrassment, discredit, blackmail or the sale of information about prominent citizens;
- Criminal organisations. In addition to financial gain, they are motivated by criminal activities such as extortion, blackmail, and coercion. It is possible that they would seek to obtain medical records about targeted individuals and threaten or harm them due to these activities. Additionally, they may benefit from the exploitation of massive amounts of untargeted electronic health records;
- Terrorists. Typically, their objective is to harm or threaten individuals. The motive behind their activities is to inspire fear and cause harm;
- Nation-states are likely to present the greatest threat to health care. Indeed, enemy nations may seek to harm or threaten individuals and obtain personal information, such as patient electronic health records, to exploit massive groups of individuals.

As one can see from the abovementioned, there may be many reasons why individuals, groups or states may decide to carry out malicious cyber operations against healthcare organisations or affiliated entities.

Nevertheless, according to the Data Breach Investigations Report in 2021, most breaches (approximately ninety per cent) were related to financial gain and in the second place (nearly 5 per cent) breaches that occurred due to political purposes [11]. According to Seebruck, cyber adversaries motivated by ideology or profit are the ones who use highly sophisticated methods [40, p. 39].

Thus, financial motivation is the main reason for most malicious cyber operations against the healthcare sector. One group of writers argued that after examining 35 articles from mid-2016–2021, they revealed that in 91% of data breaches that occurred in the healthcare sector, cyber adversaries were motivated by money [47]. Another group of authors found that during the COVID-19 outbreak, ‘cybercriminals are mercilessly increasingly utilising disruptive malware against vital infrastructure and healthcare organisations because of the potential for financial gain’ [2].

Aside from the financial benefits, healthcare organisations are increasingly targeted by foreign governments who undertake cyberattacks with nefarious political and disruptive goals. For example, in a report issued by the World Anti-Doping Agency (WADA), Tsar Team (APT28), a Russian cyber espionage group also known as Fancy Bear, has illegally accessed WADA’s Anti-Doping Administration and Management System database through an account created for the Rio 2016 Games by the International Olympic Committee. It is believed that the group gained access to athlete data – such as medical information provided by International Sports Federations and National Anti-Doping Organizations related to the Rio Games; they then released a portion of the data into the public domain, along with a threat to release additional information [42].

Discussion and Conclusion

Although none of the examined in Part 1 of the Results section malicious cyber operations led to documented explicit injury or death, the negative consequences of such adverse cyber activity may be serious, even causing the death of a patient. For example, Corman has drawn attention to the fact that an ambulance traffic delay of fewer than five minutes led to four per cent more hospital deaths over the following thirty days [18, p. 214]. Furthermore, there is a lot of information in an individual’s medical file, including blood type, past surgeries and diagnoses, as well as other medical information, since these records contain personal information such as names, dates of birth, insurance and health provider information, along with health and genetic information, restoring privacy or reversing psychological harm when private data is compromised cannot be achieved [3, p. 1].

Furthermore, patients can suffer permanent or temporary injuries not only as a result of direct consequences, such as failing to perform appropriate medical acts or turning off critical medical devices but their health can also be adversely affected by indirect actions aimed at disrupting medical care. For example, it is extremely likely that any alteration of a patient's health records, the compromise of medicine inventory systems, or the interruption of power supply in an operating room will dramatically impact a patient's health [6, p. 1]. Moreover, the link between malicious cyber operations and disease morbidity and mortality rates among patients has also been found in recent studies to be concerning [44, p. 3].

It should be noted that healthcare services can be categorised into two distinct categories: critical services and administrative services. The medical devices and medicine delivery systems are a part of the first ones, which ensure continuity of care. Due to the disruption of these services, patients' health may be adversely affected. The administrative services are responsible for ensuring the smooth operation of the hospital. Among these services are the systems that handle work orders, medicine inventory, prescriptions, bills, or appointments. However, the unavailability of these systems is less of a concern if the downtime is brief. In addition, it is important to remember that the reputation of the facility and the medical staff is also a non-negligible asset. Certainly, patients have to feel comfortable placing their trust in the medical staff and feel safe knowing that the facility is safe and reliable [6, p. 2].

As for the taxonomy of malicious cyber operations, a comprehensive literature review identifies a diverse and sophisticated set of cyberattacks targeting the healthcare industry. Healthcare organisations face various cybersecurity challenges because of the complexity of these threats. The generalised classification below provides a structured framework for understanding these challenges.

Forms of Malicious Cyber Operations. According to the literature review, cyber operations involve a broad range of malware infections, including ransomware attacks and more nuanced approaches like man-in-the-middle attacks and SQL injections. In 2017, when WannaCry ransomware led to a significant disruption of NHS services in England, the sophistication of these attacks highlighted how vulnerable healthcare systems are to cyber-attacks. Cybersecurity is becoming more complex as new attack vectors emerge, including drone-specific attacks and web-based threats. Comprehensive and dynamic defence strategies are required to counter these threats.

Aims of Malicious Cyber Operations. Despite the variety of forms cyberattacks take, their primary objectives remain the same. PII and PHI thefts, as well as attacks on operational devices that disrupt medical services, reveal that the motives behind these operations are a mixture of economic and political. Taking advantage of vulnerabilities in the IoMT raises significant concerns about potential catastrophic outcomes due to the intersection of technology and patient safety.

Locations of Breached Information. According to an analysis of data breaches reported by healthcare organisations in the U.S. from 2001 to 2021, the most vulnerable systems were network servers and email systems. This trend underscores the importance of implementing cybersecurity measures in healthcare as it undergoes digital transformation.

Types of Cyber Adversaries. The healthcare sector faces a wide spectrum of cyber threats, including individuals and small groups, political groups, criminal organisations, terrorist groups, and nation-states. It is important to differentiate between these types of threats so that nuanced and targeted countermeasures can be implemented in response to the unique threats posed by each type of opponent.

Motivations of Cyber Adversaries. Most data breaches committed against the healthcare sector are driven by monetary incentives, with financial gain as the principal motivation. In addition to these financial incentives, foreign governments are increasingly targeting the sector for political and disruptive purposes, posing a dual threat to national security and the economy.

The categorisation of cyber threats offers a framework for comprehending cybersecurity issues, stressing the need for strategies to combat various types of malicious cyber operations. Collaboration is essential, necessitating efforts from countries, healthcare organisations, and cybersecurity experts to exchange information and assets in order to enhance the global healthcare sector's ability to withstand cyber threats.

In conclusion, it can be claimed that the investigation into cybersecurity threats posed by non-state and state-backed actors to the global healthcare sector is critical and emphasises the importance of implementing thorough and coordinated measures to safeguard healthcare cyberspace. Instances such as the Anthem data breach and WannaCry attack underscore the susceptibility of healthcare information and the potential risks to patient well-being and public health. Protecting health systems from malicious cyber activities should be one of the key public health priorities that require proactive and collaborative approaches. By implementing cybersecurity measures and fostering partnerships, the healthcare industry can strengthen its defences against evolving cyber risks, ensuring continuous delivery of high-quality care and safeguarding public health on a global scale. Therefore, it is crucial for decision-making centres to adopt a multifaceted strategy that includes strengthened cybersecurity policies and protocols, as well as effective response mechanisms.

Ж.Р. Темірбеков, PhD in Jurisprudence, LLM in International Law, Teaching Professor Maqсут Narikbayev University (Астана қ., Қазақстан Республикасы): Трансұлттық зиянды кибероперациялар дәуіріндегі жаһандық денсаулық қауіпсіздігі: мемлекеттік емес және мемлекеттер демеушілік ететін киберқауіптердің таксономиялық талдауы.

Мақалада жаһандық денсаулық сақтау үшін киберқауіпсіздік қатерлерінің маңыздылығы көрсетілген. Зерттеу денсаулық сақтау жүйесіне бағытталған мемлекеттік емес және мемлекеттер демеушілік ететін зиянды кибероперациялардың ауқымы мен әсерін көрсету үшін ресми есептердің, бюллетеньдердің және журналдардың сандық және сапалық талдауын біріктіреді. Бүгінгі цифрлық заманда денсаулық сақтау саласына қарсы кибероперациялардың саны өсіп, олардың жүзеге асырылу жолдарының күрделенуі мақаланы өзекті етеді. Мақаланың пәні – зиянды кибер әрекеттің сипатын, көлемін және салдарын талдау арқылы оның денсаулық сақтау жүйелеріне, пациенттердің жеке деректерлеріне және қоғамдық денсаулыққа қалай әсер етуі мүмкін екендігін қарастыру. Соңғы оқиғаларды зерделеу, таксономиялық талдау жүргізу және киберқауіпсіздік қатерлері жағдайында денсаулық сақтауды қорғауды күшейтудің кейбір жалпы стратегияларын ұсына отырып, мақаланың мақсаты – денсаулық сақтау секторындағы киберқауіпсіздік қатерлерінің маңызды мәселесіне жарық түсіру. Зерттеудің жаңалығы – мақалада денсаулық сақтау саласына қатысты киберқауіпсіздік қатерлерінің таксономиялық талдауы ұсынылып, сол қауіптерді түсіну үшін құрылымдық негіз қалыптастырылады, сондай-ақ жаһандық денсаулық сақтаудың киберқауіпсіздігін нығайту бойынша кейбір жалпы ұсыныстар әзірленеді.

Қысқаша қорытындылар: 1) Мемлекеттер демеушілік ететін зиянды кибероперациялар денсаулық сақтау сапасы мен пациенттердің қауіпсіздігіне айтарлықтай қатер туғызуы мүмкін; 2) Денсаулық сақтау саласындағы шешім қабылдау орталықтарына киберқауіпсіздік саясатын жаңғырту қажеттілігіне назар аудару ұсынылады, өйткені зерттеулер көрсеткендей, трансұлттық зиянды кибероперациялардың құрбанына айналатын денсаулық сақтау ұйымдарының саны күннен-күнге өсіп барады.

Түйін сөздер: зиянды кибероперациялар, деректердің құпиялылығы, денсаулыққа құқық, жаһандық денсаулық сақтау, денсаулық сақтау, кибершабуылға төзімділік, денсаулық сақтау инфрақұрылымы, киберқауіпсіздік, киберқауіптердің таксономиясы

Ж.Р. Темірбеков, PhD in Jurisprudence, LLM in International Law, Teaching Professor Maqсут Narikbayev University (г. Астана, Республика Казахстан): Глобальная безопасность здравоохранения в эпоху транснациональных вредоносных киберопераций: таксономический анализ негосударственных и поддерживаемых государствами киберугроз.

В статье подчеркивается опасность киберугроз для глобального здравоохранения. В исследовании объединено изучение количественных и качественных результатов исследований из официальных отчетов, бюллетеней и журналов, с целью продемонстрировать масштабы и последствия негосударственных и поддерживаемых государствами вредоносных

киберопераций, направленных на системы здравоохранения. В современную цифровую эпоху кибероперации против сектора здравоохранения происходят все чаще и становятся все более изощренными, поэтому статья актуальна. Предмет статьи заключается в том, что анализируя природу, масштабы и последствия вредоносной киберактивности, в статье рассматривается, как такая активность может повлиять на киберсистемы здравоохранения, конфиденциальность данных пациентов и общественное здравоохранение. Анализируя недавние инциденты, проводя таксономический анализ и предлагая некоторые общие стратегии по усилению защиты здравоохранения перед лицом угроз кибербезопасности, статья проливает свет на критически важную проблему угроз кибербезопасности в секторе здравоохранения, что является целью статьи. Новизна исследования заключается в том, что в статье предлагается таксономический анализ угроз кибербезопасности для сферы здравоохранения, который обеспечивает структурированную основу для понимания таких угроз, а также формируются некоторые общие предложения по усилению киберзащиты глобального сектора здравоохранения.

Краткие выводы: 1) Вредоносные кибероперации, поддерживаемые государствами, могут оказывать существенное негативное влияние на качество здравоохранения и безопасность пациентов; 2) Центрам принятия решений в сфере здравоохранения рекомендуется обратить внимание на необходимость модернизации политики кибербезопасности, поскольку, как показывают исследования, все больше организаций здравоохранения становятся жертвами транснациональных вредоносных киберопераций.

Ключевые слова: вредоносные кибероперации, конфиденциальность данных, право на здоровье, глобальное здравоохранение, здравоохранение, устойчивость к кибератакам, инфраструктура здравоохранения, кибербезопасность, таксономия киберугроз

References:

1. A sophisticated cyber attack resulted in unauthorized access to one of our IT systems. Here's what you need to know. Anthem. 2015. URL: <https://www.anthem.com/wisconsin/state-ment-regarding-cyber-attack-against-anthem/> (accessed: 13.02.2024).
2. Alawida M. and others. A deeper look into cybersecurity issues in the wake of Covid-19: A survey // Journal of King Saud University. Computer and information sciences. 2022. № 10. Pp. 8176-8206.
3. Argaw S. and others. Cybersecurity of Hospitals: discussing the challenges and working towards mitigating the risks. British Medical Journal (medical informatics and decision making). 2020. № 1. Pp. 1-146.
4. Bhosale K., Nenova M., Iliev G. A study of cyber attacks: In the healthcare sector // 2021 Sixth Junior Conference on Lighting (Lighting): IEEE, 2021. Pp. 1-6.
5. Bhuyan S. and others. Transforming Healthcare Cybersecurity from Reactive to Proactive: Current Status and Future Recommendations. Journal of medical systems. 2020. № 5. Pp. 98-98.
6. Bris A., Asri W. State of Cybersecurity & Cyber Threats in Healthcare Organizations. Cergy, France: ESSEC Business School, 2016.
7. California Department of Insurance. Consumer information on Anthem Blue Cross data breach // California Department of Insurance. 2015. URL: <https://www.insurance.ca.gov/0400-news/0100-press-releases/anthemcyberattack.cfm> (accessed: 09.02.2024).
8. Campbell N. Over 75% of Data Breaches Unreported. Cleaver Fulton Rankin. 2019. URL: <https://cleaverfultronrankin.co.uk/legal-update/over-75-of-data-breaches-unreported/> (accessed: 08.02.2024).
9. Cashwell G. Cyber-vulnerabilities & Public Health Emergency Response. Journal of Health Care Law and Policy. 2018. № 1. Pp. 29-58.
10. Clarke M., Martin K. Managing cybersecurity risk in healthcare settings. Health Manage Forum. 2024. № 1. Pp. 17-20.

11. Data Breach Investigations Report: Verizon, 2022. URL: <https://www.verizon.com/business/en-au/resources/reports/2022/dbir/2022-data-breach-investigations-report-dbir-industries.pdf> (accessed: 5.03.2024).
12. Djenna A., Eddine D. Cyber Attacks Classification in IoT-Based-Healthcare Infrastructure // 2018 2nd Cyber Security in Networking Conference (CSNet): IEEE, 2018. Pp. 1-4.
13. Desk D. Cyber attacks are bad for your health. Sunday business post. 2016. URL: <https://www.proquest.com/newspapers/cyber-attacks-are-bad-yourhealth/docview/1904871232/se-2?accountid=13460> (accessed: 08.02.2024).
14. Dreyfuss E. As Cyberattacks Destabilize the World, the State Department Turns a Blind Eye. Wired. 2017. URL: <https://www.wired.com/story/state-department-cybersecurity/> (accessed: 10.02.2024).
15. Ferrillo P. To over Disclose or Not: That Is the Question with Cybersecurity. Florida State University Business Review. 2021. № 1. Pp. 79-96.
16. Ghafur S. and others. Improving Cyber Security in the NHS. London: Imperial College London, 2019. 38 pp.
17. Ghafur S. and others. A retrospective impact analysis of the WannaCry cyberattack on the NHS // npj Digit. Med. 2019. № 1. Pp. 98.
18. Greenberg A. Sandworm: a new era of cyberwar and the hunt for the Kremlin's most dangerous hackers. New York: Doubleday, 2019. 348 Pp.
19. Greenberg A. The Untold Story of NotPetya, the Most Devastating Cyberattack in History. Wired. URL: <https://www.wired.com/story/notpetya-cyberattack-ukraine-russia-code-crashed-the-world/> (accessed: 19.02.2024).
20. Harkins M., Freed A. The Ransomware Assault on the Healthcare Sector. Journal of Law & Cyber Warfare. 2018. № 2. Pp. 148-164.
21. Investigation: WannaCry cyber attack and the NHS: UK National Audit Office, 2017. URL: <https://www.nao.org.uk/reports/investigation-wannacry-cyber-attack-and-the-nhs/> (accessed: 5.03.2024).
22. Kandasamy K. and others. Digital Healthcare – Cyberattacks in Asian Organizations: An Analysis of Vulnerabilities, Risks, NIST Perspectives, and Recommendations. IEEE access. 2022. № 10. Pp. 12345-12364.
23. Maia E. and others. Security Challenges for the Critical Infrastructures of the Healthcare Sector // Cyber-Physical Threat Intelligence for Critical Infrastructures Security: A Guide to Integrated Cyber-Physical Protection of Modern Critical Infrastructures / Edn. J. Soldatos, J. Philpot, G. Giunta: Now Publishers, 2020. Pp. 141-165.
24. Martin G. and others. Cybersecurity and healthcare: how safe are we? British Medical Journal (Online). 2017. № 358. Pp. j3179-j3179.
25. Mattei T. Privacy, Confidentiality, and Security of Health Care Information: Lessons from the Recent WannaCry Cyberattack World Neurosurgery. 2017. № 104. Pp. 972-974.
26. Mayor S. Sixty seconds on ... the WannaCry cyberattack. British Medical Journal. 2018. № 361. Pp. k1750-k1750.
27. Member of Sophisticated China-Based Hacking Group Indicted for Series of Computer Intrusions, Including 2015 Data Breach of Health Insurer Anthem Inc. Affecting Over 78 Million People. URL: <https://www.justice.gov/opa/pr/member-sophisticated-china-based-hacking-group-indicted-series-computer-intrusions-including> (accessed: 09.02.2024).
28. Morrissey D. Malicious Actors and Medical Data: Where Are We Heading? AT&T Cybersecurity. 2020. URL: <https://cybersecurity.att.com/blogs/security-essentials/malicious-actors-and-medical-data-where-are-we-heading> (accessed: 08.02.2024).
29. Mrcela M., Vuletic I. Healthcare, Privacy, Big Data and Cybercrime: which one is the weakest link? // Annals of Health Law. 2018. № 2. Pp. 257 – [viii].
30. Mueller R. Director of Federal Bureau of Investigation, RSA Cyber Security Conference. URL: <https://www.fbi.gov/news/speeches/combating-threats-in-the-cyber-world-outsmarting-terrorists-hackers-and-spies> (accessed: 13.02.2024).

31. NHS cyber-attack was «launched from North Korea». BBC News. 2017. URL: <https://www.bbc.com/news/technology-40297493> (accessed: 19.02.2024).
32. Niki O. and others. Cyber-attacks are a permanent and substantial threat to health systems: Education must reflect that. *Digital health*. 2022. № 8. Pp.1-3.
33. Peterson A. Connected medical devices: The Internet of things-that-could-kill-you. *Washington Post*. 2015. URL: <https://www.washingtonpost.com/news/the-switch/wp/2015/08/03/connected-medical-devices-the-internet-of-things-that-could-kill-you/> (accessed: 25.02.2024).
34. Razaque A. and others. Survey: Cybersecurity Vulnerabilities, Attacks and Solutions in the Medical Domain // *IEEE access*. 2019. № 7. Pp. 168774-168797.
35. Reuters. U.S. offers \$10 mln reward for information on Russian intelligence officers - State Dept // *Reuters*. 2022. <https://www.reuters.com/world/us-offers-10-mln-reward-information-russian-intelligence-officers-state-dept-2022-04-26/> (accessed: 25.02.2024).
36. Russian military ‘almost certainly’ responsible for destructive 2017 cyber attack. *Wired-Gov*. 2018. URL: <https://www.wired-gov.net/wg/news.nsf/articles/Russian+military+almost+certainly+responsible+for+destructive+2017+cyber+attack+16022018091500?open> (accessed: 25.02.2024).
37. Satter R., Stubbs J., Bing C. Exclusive: Elite hackers target WHO as coronavirus cyberattacks spike. *Reuters*. 2020. <https://www.reuters.com/article/us-health-coronavirus-who-hack-exclusive/exclusive-elite-hackers-target-who-as-coronavirus-cyberattacks-spike-idUSKB-N21A3BN/> (accessed: 08.02.2024).
38. Schmitt M., Biller J. The NotPetya Cyber Operation as a Case Study of International Law // *Blog of the European Journal of International Law*. 2017. URL: <https://www.ejiltalk.org/the-notpetya-cyber-operation-as-a-case-study-of-international-law/> (accessed: 20.02.2024).
39. Schmitt M., Fahey S. WannaCry and the International Law of Cyberspace. *Just Security*. 2017. URL: <https://www.justsecurity.org/50038/wannacry-international-law-cyberspace/> (accessed: 10.02.2024).
40. Seebruck R. A typology of hackers: Classifying cyber malfeasance using a weighted arc circumplex model. *Digital investigation*. 2015. № 14. Pp. 36-45.
41. Sengupta K. Isis carried out cyber-attack on NHS sites // *Independent*. 2017. URL: <https://www.independent.co.uk/news/uk/crime/isis-islamist-hackers-nhs-websites-cyber-attack-syrian-civil-war-images-islamic-state-a7567236.html> (accessed: 10.02.2024).
42. Compromise of the World Anti-Doping Agency // *Council on Foreign Relations*. 2016. URL: <https://www.cfr.org/cyber-operations/compromise-world-anti-doping-agency> (accessed: 10.02.2024).
43. Thamer N., Alubady R. A Survey of Ransomware Attacks for Healthcare Systems: Risks, Challenges, Solutions and Opportunity of Research // 2021 1st Babylon International Conference on Information Technology and Science (BICITS). Babil, Iraq: IEEE, 2021. Pp. 210-216.
44. Tin D. and others. Cyberthreats: A primer for healthcare professionals. *The American Journal of Emergency Medicine*. № 68. 2023. Pp. 179-185.
45. Ukraine points finger at Russian security services in recent cyber attack. *Reuters*. 2017. URL: <https://www.reuters.com/article/idUSKBN19M39P/> (accessed: 13.02.2024).
46. US offering \$10 million for info on Russian military hackers accused of NotPetya attacks. *The Record*. 2022. URL: <https://therecord.media/notpetya-reward-state-department-10-million-gru-sandworm/> (accessed: 19.02.2024).
47. Wasserman L., Wasserman Y. Hospital cybersecurity risks and gaps: Review (for the non-cyber professional). *Frontiers in digital health*. 2022. № 4. Pp. 1-20.
48. What is NotPetya? 5 Fast Facts. *Security Encyclopedia*. <https://www.hypr.com/security-encyclopedia/notpetya> (accessed: 19.02.2024).
49. Whittaker Z. Justice Department charges Chinese hacker for 2015 Anthem breach. *Techcrunch*. 2019. URL: <https://techcrunch.com/2019/05/09/anthem-breach-indictment/> (accessed: 13.02.2024).

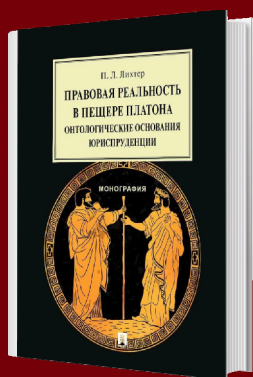
50. Wild A. The Anthem and Premiera data breaches put the healthcare industry on notice: you are a target. Database and network journal. 2015. № 2. Pp. 15+.

51. Winton R. Hollywood hospital pays \$17,000 in bitcoin to hackers; FBI investigating. Los Angeles Times. 2016. URL: <https://www.latimes.com/business/technology/la-me-ln-hollywood-hospital-bitcoin-20160217-story.html> (accessed: 08.02.2024).

52. Zetter K. What Is Ransomware? A Guide to the Latest Global Cyberattack. Wired. 2017. URL: <https://www.wired.com/2017/05/hacker-lexicon-guide-ransomware-scary-hack-thats-rise/> (accessed: 09.02.2024).

Для цитирования и библиографии: Temirbekov Zh. Global Health Security in the Age of Transnational Malicious Cyber Operations: A Taxonomic Analysis of Non-State and State-Backed Cyber Threats // Право и государство. № 2(103), 2024. – С. 6-17. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_2_6

Материал поступил в редакцию 11.04.2024.

НОВЫЕ КНИГИ

Лихтер П.Л. Правовая реальность в пещере Платона: онтологические основания юриспруденции. Изд.: Проспект, 2024 г. – 263 с.

ISBN 978-5-392-41377-5

В монографии рассматриваются различные аспекты формирования правовой реальности. Ставятся вопросы о том, что представляют собой феномены права, каким образом они воспринимаются человеком и можно ли избежать их субъективизации. Через призму объективного идеализма исследуются некоторые гносеологические, аксиологические и этические проблемы фундаментальной юриспруденции. Особое внимание уделяется концепциям Платона об оптимальном устройстве политико-правовых институтов в свете современных научных подходов. Постулируется возможность логической супервентности правовых феноменов на идеальных категориях, обосновывается их самостоятельный онтологический статус. По результатам исследования делается вывод об инструментальном значении эстетического холлизма для формирования онтологических конструкций права. Издание предназначено для научных работников, аспирантов и студентов юридических вузов и всех, кто интересуется вопросами философии права.

ПРОБЛЕМА ОБОСНОВАНИЯ ЕСТЕСТВЕННЫХ ПРАВ В ТЕОРИЯХ NEW CLASSICAL NATURAL LAW

А.В. НЕХАЕВ,

доктор философских наук,
профессор Института
социально-гуманитарных наук
Тюменского государственного
университета
(Россия, г. Тюмень)
e-mail: a.v.nekhaev@utmn.ru

Актуальность настоящего исследования обусловлена необходимостью анализа зарубежной научной литературы в области философии права, раскрывающей тенденции эволюции и развития естественно-правовых концепций. Несмотря на значительное число публикаций по теории естественного права, ее ключевые тезисы и аргументы обсуждаются постсоветскими учеными в отрыве от современных дискуссий зарубежными правоведами. *Предметом* исследования в статье является реконструкция и рациональная интерпретация аргументов теорий естественного права, образующих доктрину так называемого *New Classical Natural Law* (NCNL) и представленных в работах Джона Финниса и Жермена Гризе. *Целью* настоящего исследования выступает попытка раскрыть логическую структуру аргументации юснатуралистов, в особенности ответов на вопрос «Почему для агентов было бы рациональным уважать чужие естественные права?».

В статье применены традиционные методы, характерные для философско-правовых исследований, в том числе методы логического и лингвистического анализа, исторической реконструкции и рациональной интерпретации. *Новизна* данной научной статьи обусловлена новым подходом к раскрытию аргументов и логической структуры рассуждений сторонников теории естественного права. Прояснение характера, преимуществ и недостатков такой аргументации может стать основой для дальнейших философско-правовых исследований.

Ключевые слова: аналитическая философия права; теория естественного права; естественные права; общее благо; агент; права и обязанности; обязательства.

Введение

Принято различать три типа отношений (корреляции), в которых могут состоять права и обязательства агентов: юридические, логические и моральные.

В первом случае обязательства агента *Б* в отношении агента *А* возникают как результат реализации (социально установленной) процедуры наделения *А* некоторыми конкретными правами. Проще говоря, обязательства агента *Б* в отношении *А* возникают на основе определенных социальных фактов в виде принятых в их обществе законов или статутов, или (как вариант) на основе добровольных контрактов между *А* и *Б*, которые порождают и регулируют некоторые конкретные права и обязательства сторон (вроде договора купли-продажи и т.п.).

Основные положения

Ядром доктрины логической корреляции прав и обязательств агентов является тезис о том, что утверждения о правах *всегда* влекут за собой определенные утверждения об обязательствах. Есть (как минимум) две устойчивые интерпретации требований и содержания такой доктрины. Во-первых, можно считать, что точно так же, как утверждения о правах *всегда* влекут определенные утверждения об обязательствах, утверждения об обязательствах *всегда* влекут за собой определенные утверждения о правах [7, р. 48, 53-54; 6, р. 179; 2, с. 212-213]. Если утверждение «*А имеет право на Ф в отношении Б*» *всегда* влечет за собой «*Б имеет обязательство Ф в отношении А*», то *верным должно быть также и обратное*. При таком понимании нормативное отношение агента *А* к праву на *Ф* не порождает обязательства агента *Б* как некоторой отдельной и отличной от самого этого права вещи. Права и обязательства являются в этом случае просто разными названиями одного и того же нормативного отношения (в зависимости от точки зрения агента, с которой оно рассматривается). Если принять данную интерпретацию, то тогда вопрос Q1 – «Почему для агентов было бы рациональным уважать чужие естественные права?» – тривиален, так как всякое успешное обоснование права агента *А* на *Ф* будет одновременно и обоснованием обязательства *Ф* агента *Б* в отношении *А*. Например, право *А* на жизнь будет логически эквивалентно обязательству *Б* не причинять своими действиями *А* смерть и т.д.

Вопрос Q1 отчасти сохраняет свой *технический* смысл в том случае, если доктрина логической корреляции прав и обязательств подразумевает, что (по крайней мере при определенных условиях) право агента *А* на *Ф* логически предшествует обязательству *Ф* агента *Б* в отношении *А*. При таком понимании факты существования обязательств со стороны агентов в отношении других лиц устанавливаются на основе аргументов в пользу существования прав этих лиц, которые становятся основой таких обязательств. Самый простой пример этого можно найти в аргументах о существовании прав животных как основы наших обязательств не причинять им своими действиями смерть или избыточные страдания. Для тех, кто выступает за права животных, ссылки на подобные права играют роль оправдания или объяснения наших обязательств перед животными. В этом случае ответ на вопрос Q1 будет дополнительным выводом, производным от аргумента, обосновывающего существование определенного права. Проблема однако в том, что защитники доктрины NCNL, и прежде всего Джон Финнис [1], вряд ли бы согласились принять такое понимание отношений прав и обязательств. Ведь оно предполагает интерпретацию естественных прав в терминах индивидуальных прав (или того, что иногда называется агент-относительной трактовкой естественных прав).

Материалы и методы

В статье в качестве источников использованы зарубежная философско-правовая литература, а также характерные для философии права методы логического анализа, исторической реконструкции и интерпретации.

Результаты и обсуждение

Приведем простой пример. Возьмем утверждение «Неправильно причинять смерть людям», которое выражает факт о существовании определенного естественного права (права на жизнь). Интерпретация этого естественного права в терминах индивидуальных прав (или агент-относительная трактовка) требует аргументации следующего вида: *А* имеет «право на *Ф*» (в данном случае право на жизнь); значит, *Б* имеет «обязательство *Ф* в отношении *А*» (не причинять своими действиями смерть *А*); если *Б* нарушает «обязательство *Ф* в отношении *А*» (причиняет смерть *А*), он действует неправильно. В то время как аргументы защитников доктрины NCNL оперировали бы интерпретацией этого естественного права в терминах базовых благ (или агент-нейтральной трактовкой): существует «*Ф*» (жизнь является базовым благом); всякое преднамеренное действие против «*Ф*»

(причинение смерти кому-либо) всегда неправильно; значит, *Б* имеет ‘обязательство в отношении *Ф*’ (не причинять кому-либо своими действиями смерть); если *Б* нарушает ‘обязательство в отношении *Ф*’ (причиняя своими действиями агенту *А* смерть), он действует неправильно. Несмотря на одни и те же выводы, это два разных по своей форме аргумента: ‘обязательство *Ф* в отношении *А*’ ≠ ‘обязательство в отношении *Ф*’. Это различие играет принципиальную роль в доктрине NCNL и его нельзя игнорировать или недооценивать. Оно демонстрирует почему доктрина NCNL находится в потенциальном конфликте с тезисом о логической корреляции прав и обязательств. В аргументах защитников доктрины NCNL искомый ответ на вопрос Q1 не является простой логической производной от понятия естественного права (интерпретируемого в виде индивидуального права либо как ‘*А* имеет право на *Ф* в отношении *А*’ ↔ ‘*А* имеет обязательство *Ф* в отношении *А*’, либо как ‘*А* имеет право на *О*’ → ‘*Б* имеет обязательство *Ф* в отношении *А*’), напротив, он является *практическим эффектом* морального статуса естественного права как базового блага.

Используем в качестве иллюстрации аргумент Джона Финниса. Практическая разумность, согласно точке зрения Дж. Финниса [1], сводится к способности людей пользоваться своими свободой и разумом как важнейшими характеристиками нашей агентности. Основой практической разумности служат принципы, необходимые для того, чтобы люди формировали представление о базовых благах и принимали участие в действиях, имеющих своей целью определенные базовые блага (и выражающие их соответствующие естественные права). Если человек ведет себя в согласии с принципами практической разумности и продвигает своими действиями базовые блага, тогда *практическим результатом* этих действий будет состояние, в котором достигается *минимально достойное* обращение со всеми людьми.

Как известно, Дж. Финнис приводит девять принципов практической разумности, из которых наибольший интерес для аргумента имеют следующие три: (V.7) уважать базовые блага в каждом из своих действий; (V.4) не проявлять произвольных предпочтений в отношении людей; (V.8) содействовать общему благу своих сообществ. Принимая во внимание данные принципы, Дж. Финнис строит свой аргумент как ответ на интересующий нас вопрос Q1:

(P1) Существуют *Ф* (базовые блага).

(P2) Действовать против *Ф* (базовых благ) *всегда* неправильно (читай – каждый агент имеет ‘обязательство в отношении *Ф*’).

(P3) Совершать некоторые действия с людьми (например, причинять им своими действиями смерть) означало бы действовать против *Ф* (базового блага).

(C1) Следовательно, некоторые действия (если агент этих действий отвечает принципам практической разумности) никогда не должны совершаться в отношении людей.

(C1*) А значит, предоставление ЕП (в виде базовых благ) *всем* агентам (без исключения) *всегда* отвечает принципам практической разумности.

Защитники доктрины NCNL отнюдь не случайно характеризуют корреляцию прав и обязательств агентов как *моральное отношение*. Для них всякое ‘моральное суждение о том, что правильно’ есть не более, чем ‘разумное во всех отношениях практическое суждение’, – результат здравого практического мышления, отвечающего всем требованиям практической разумности. И в этом смысле для защитников доктрины NCNL представимы ситуации, где существующее право агента *А* на *Ф* не служит основанием соответствующей обязанности с чьей-либо стороны, равно как и ситуации существования таких обязанностей *Ф*, которые не создают чьих-либо прав. Иными словами, для защитников доктрины NCNL, в отличие от сторонников доктрины логической корреляции, существуют права, которые не имеют коррелятов в форме определенных обязательств с чьей-либо стороны, точно так же как есть обязательства, не имеющие коррелятов в виде чьих-либо прав (то, что иногда называется ‘*imperfect duty*’). В частности, для них не было бы ошибкой утверждать, что иногда *быть бенефициаром определенного обязательства с чьей-либо стороны*

ей-либо стороны не значит то же самое, что иметь на это право. Например, если агент *A* принимает принцип практической разумности (V.8) в виде требования содействовать общему благу своих сообществ, тогда путем практических размышлений он может обнаружить для себя обязательство быть благотворителем (особенно в случае, когда *A* обладает большими материальными ресурсами, которые приобретены законным образом). Но признание подобного обязательства вовсе не означало бы, что в мире есть такой агент *B*, который имеет право на данное обязательство со стороны *A*. Для доктрины логической корреляции все подобные ситуации были бы источником проблем из-за отсутствия в ней удовлетворительного способа провести различие между правами, являющимися основой обязательств со стороны других агентов, и правами, которые таковыми не являются, а также аналогичным образом, между так называемыми ‘совершенными’ и ‘несовершенными’ обязательствами.

Следует также отметить, что и в целом вопрос Q1 «Почему для агентов было бы рациональным уважать чужие естественные права?», если понимать его, прежде всего, как вопрос Q1* «Почему агент должен признавать в качестве обязательства для своих действий требование содействовать либо (как минимум) благосклонно учитывать некоторые важные интересы других людей (особенно в случаях, когда они вступают в конфликт с его собственными)?», может встретить сопротивление со стороны консервативно настроенных защитников доктрины NCNL. В частности, они могли бы настаивать на том, что вопрос Q1* имеет смысл тогда и только тогда, когда мы имплицитно предполагаем возможность редукции базовых благ (и стоящих за ними соответствующих естественных прав) к некоторым ограниченным видам ресурсов.

Для многих консервативно настроенных защитников доктрины NCNL кажется очевидным, что вопрос Q1* имеет смысл только в том случае, если мы заведомо признаем, что ‘базовое благо Φ ’ = ‘некоторый ресурс X ’, и сам по себе такой ресурс X ограничен или исчерпаем, поэтому действие агента *A* по освоению X (пусть даже и просто выраженное им в форме притязания) составляет для агента *B* проблему по причине ограниченности или исчерпаемости ресурса X (данный момент намеренно акцентируется сделанной в вопросе Q1* явной оговоркой – ‘особенно в случаях, когда они [некоторые важные интересы других людей] вступают в конфликт с его собственными’).

Есть способ заблокировать вопрос Q1*, указав на то, что имплицитная посылка ‘базовое благо Φ ’ = ‘некоторый ресурс X ’ либо требует отдельного независимого обоснования, либо попросту является ложной. Первая из этих альтернатив широко представлена в дискуссиях о том, является ли так называемое ‘right to subsistence’ (право на средства к существованию) примером естественного права, в отличие от того же ‘right to life’ (права на жизнь). В частности, мы можем не считать его таковым, объясняя его присутствие в перечне основных прав человека (п. 1 статьи 25 Всеобщей декларации прав человека) как результат реализации политической концепции прав, а не доктрины естественных прав. Попытка трактовать право на средства к существованию в качестве примера естественного права требовала бы признания посылки ‘базовое благо Φ ’ = ‘некоторый ресурс X ’, а вслед за этим неизбежно ставила бы и вопрос о справедливой дистрибуции ресурса X .

Именно в этом смысле кажется неслучайным стремление многих консервативно настроенных защитников доктрины NCNL сопротивляться включению в перечень естественных прав любых кандидатов на роль базового блага, которые были бы прямо или косвенно связаны с вопросом дистрибуции некоторого ограниченного ресурса X (даже если сами они объясняют свое стремление другими мотивами). Например, что мешает включить в перечень базовых благ опыт сексуальной близости, романтической любви, родительства и т.п.? Каждый из представленных примеров вполне удовлетворяет ключевым характеристикам базового блага (является чем-то, что было бы в целом хорошо делать, либо обладать этим, либо быть этим, – то есть чем-то, что обладает внутренней ценностью для агентов). Допустим, существует сообщество (в своих основных чертах похожее на типичное сообщество людей), в котором опыт сексуальной близости принят как

базовое благо, и некоторый агент *A* этого сообщества продвигает в своей жизни ценность опыта сексуальной близости (соблюдая требования принципа практической разумности (V.3) в форме запрета на произвольные предпочтения среди базовых благ). Проблема в том, что принятие такого опыта за базовое благо (как минимум) косвенно предполагает возможность редукции данного блага к некоторому ресурсу *X* – в виде ограниченного набора незанятых и открытых для такого опыта партнеров. Допустим теперь для простоты, во-первых, что в нашем воображаемом сообществе нет половых различий между агентами (они являются гермафродитами), и во-вторых, что число незанятых и открытых для опыта сексуальной близости партнеров ограничивается тремя агентами – *A*, *B* и *V*. Реализация ценности опыта сексуальной близости *A* в отношениях с *B* ставила бы третье лицо – агента *V* – в проблематичную ситуацию, когда сам факт того, что *A* продвигает в своей жизни данную ценность, лишает *B* возможности делать то же самое (опять же ради простоты нашего примера исключим из рассмотрения всякие экзотические практики). Очевидно, подобная ситуация ставила бы доктрину естественного права перед необходимостью отвечать на вопрос о справедливой дистрибуции ограниченного ресурса *X*, скажем, требовало бы разного рода ‘оговорок’ в духе Дж. Локка ‘оставлять другим то же количество ресурса *X* и надлежащего качества’. Поэтому консервативно настроенные защитники доктрины NCNL при желании могут заблокировать вопрос Q1* применяя то, что можно было бы назвать ‘тестом на дистрибуцию’ – *некоторое Ф является базовым благом тогда и только тогда, когда реализация Ф в жизни любого из агентов некоторого сообщества не способна поставить других агентов в дискриминируемое положение.*

Важно отметить также, даже если мы представим наш исходный вопрос в модифицированной формулировке, как вопрос Q2: «Можно ли обосновать естественные права, признавая обособленность людей и вытекающую из этого агент-относительную природу ценности?». Этот новый вопрос также может встретить возражения со стороны консервативно настроенных защитников доктрины NCNL. Прежде всего, они могли бы оспорить довольно популярный ответ на него в форме следующего вида рассуждения: люди по природе своей социальные и зависимые существа (каждый человек испытывает в своей жизни периоды острой нужды в помощи и заботе со стороны других людей), поэтому реализация ими в своих собственных жизнях большинства базовых благ требует отзывчивости к потребностям и интересам других людей. Такое рассуждение существенно и, как кажется, не совсем оправданно ограничивает универсализм доктрины естественных прав, по крайней мере, в той его форме, о которой заявляет сам автор. Консервативно настроенные защитники доктрины NCNL могли бы заметить, что стандартная дефиниция естественных прав гласит: Естественные права – это базовые моральные права, которыми обладают не только все люди, но также и все существа с определенными морально значимыми свойствами (например, на существ обладающих сентиментальностью (способностью испытывать чувства, вроде боли или удовольствия), свободой, практической рациональностью и др.).

В принципе такое расширение класса моральных агентов, на которых может быть распространено действие естественного права, не только вполне допустимо, но и обычно не вызывает особых возражений. Проблема однако в том, что тогда рассуждение, в котором содержится ответ на вопрос Q2, перестанет справляться с возлагаемой на него универсальной ролью. Ведь оно существенным образом основывается на понимании *способа*, которым базовые блага могут быть связаны с человеческой природой.

Для защитников доктрины NCNL наиболее правдоподобными видятся следующие два варианта:

(i) базовые блага находятся в *контрфактической* зависимости от человеческой природы, поэтому, если бы она была в достаточной степени иной, чем есть, то и базовые блага были бы другими;

(ii) базовые блага находятся в *каузальной* зависимости от природы человека, поэтому, если со временем она изменится, то и базовые блага также станут иными (как прямое следствие изменений в естественных свойствах человека). Оба эти варианта создают проблемы.

Для иллюстрации представим Морального Робинзона – воображаемое существо с морально значимыми свойствами (обладающее свободой и способное действовать на основе требований практической разумности). Моральный Робинзон во всем похож на людей, за исключением того, что его природа позволяет ему в течение всей жизни не испытывать никакой зависимости от каких-либо других существ. Для простоты нашего примера допустим, что посредством практической рефлексии Моральный Робинзон определил для себя список базовых благ, почти полностью идентичный списку человеческих базовых благ Дж. Финниса (жизнь, знание, игра, эстетический опыт, практическая разумность, религия), исключая лишь то, что люди называют «дружбой или общительностью». Представим далее, что в мире, где обитает Моральный Робинзон, появляется еще одно воображаемое существо с морально значимыми свойствами – Моральный Пятница. В такой ситуации было бы вполне естественным задаться двумя вопросами. Во-первых, уже знакомым вопросом Q1* «Имеет ли Моральный Робинзон рациональные основания содействовать либо (как минимум) благосклонно учитывать некоторые важные интересы Морального Пятницы?». И во-вторых, важным дополнительным вопросом Q1** «Учет каких именно важных интересов других существ с морально значимыми свойствами (вроде Морального Пятницы) следует Моральному Робинзону принимать во внимание, когда он действует?». Благодаря специфическим условиям воображаемого примера с Моральным Робинзоном и Моральным Пятницей возможные ответы на вопрос Q1* и вопрос Q1** можно рассматривать как составные части ответа на вопрос Q2. Очевидно, что в своих ответах на вопросы Q1* и Q1** Моральный Робинзон не может воспользоваться приведенным выше рассуждением (ссылками на социальный и зависимый характер своей собственной природы). Здесь ему потребовался бы аргумент более универсального характера (в данном случае ‘универсальный’ не значит ‘агент-нейтральный’), – аргумент, действенность которого не опиралась бы на тезис о контрфактической или каузальной связи базовых благ с особенностями природы существ, обладающих морально значимыми свойствами.

Таких аргументов не так много, но они все же существуют. Это мог бы быть, например, аргумент Алана Гевирта, в основе которого находится The Principle of Generic Consistency (PGC) [3, p. 135]. В своей ассерторической форме данный принцип гласит: (APGC) *каждый агент должен действовать в соответствии с общими правами реципиентов своих действий в той же степени, что и собственными*. Принцип (APGC) логически следует из посылки ‘агенты должны делать то, что они логически обязаны признать, что они должны делать’ и диалектической формы принципа: (DPGC) *каждый агент логически обязан признать, что он должен действовать в соответствии с общими правами реципиентов своих действий в той же степени, что и собственными*.

Заключение

Обоснование (DPGC) включает в себя следующие этапы:

(а) каждый агент имплицитно делает аксиологические суждения о благодати *своих* целей и, следовательно, о благодати свободы и благополучия, которые являются *необходимыми условиями* для его действий по достижению своих целей;

(б) из-за этой необходимой благодати каждый агент имплицитно выносит деонтическое суждение, в котором он утверждает, что *имеет право на свободу и благополучие*;

(с) каждый агент должен претендовать на эти права по той достаточной причине, что он является потенциальным агентом, имеющим цели, которые он хочет достигнуть, а значит, логически обязан принять обобщение, что *все потенциальные целеустремленные агенты имеют право на свободу и благополучие*.

Наконец, из (с) можно сделать заключение о том, что каждый агент должен признать определенные общие обязательства в отношении всех других потенциальных агентов, а именно, что *обязан воздерживаться* от вмешательства в их свободу и благополучие, и что *обязан помогать* им обрести свободу и благополучие всякий раз, когда они не могут иметь эти необходимые блага каким-либо иным образом. Поскольку принцип (APGC) основан

на понятиях разума и агентности [3, р. 21], он (и это для нас особенно важно) обеспечивает независимую от природы каких-либо потенциальных агентов переменную, по отношению к которой можно судить о правильности совершаемых действий. Ни одно действие не может получить рациональное оправдание, если нарушает требования принципа (APGC). Представленный Гевиртом аргумент содержит в себе все нужные ответы на вопросы Q1* и Q1**: для Морального Робинзона (независимо от того, какова его природа, включая факты наличия или отсутствия в его жизни значительных периодов острой нужды в помощи и заботе со стороны других агентов и т.п.) *было бы рациональным содействовать свободе и благополучию Морального Пятницы (как существа с морально значимыми свойствами) во всех случаях, когда тот не может иметь их каким-либо иным образом.*

А.В. Нехаев, философия ғылымдарының докторы, Тюмень мемлекеттік университетінің әлеуметтік-гуманитарлық ғылымдар Институтының профессоры (Ресей Федерациясы, Тюмень қ.): New classical natural law теорияларындағы табиғи құқықтарды негіздеу мәселесі.

Бұл зерттеудің *өзектілігі* табиғи-құқықтық тұжырымдамалардың эволюциясы мен даму тенденцияларын ашатын Құқық философиясы саласындағы шетелдік ғылыми әдебиеттерді талдау қажеттілігіне байланысты. Табиғи құқық теориясы бойынша көптеген жарияланымдарға қарамастан, оның негізгі тезистері мен дәлелдерін посткеңестік ғалымдар шетелдік заңгерлердің заманауи пікірталастарынан бөлек талқылайды. Мақаладағы зерттеу *тақырыбы* – *New Classical Natural Law (NCNL)* деп аталатын доктринаны құрайтын және Джон Финнис пен жермен Гриздің еңбектерінде ұсынылған табиғи құқық теорияларының дәлелдерін қайта құру және ұтымды түсіндіру. Бұл зерттеудің *мақсаты* – юснатуралистердің дәлелдерінің логикалық құрылымын ашуға тырысу, әсіресе «Неліктен агенттер үшін басқалардың табиғи құқықтарын құрметтеу ұтымды болар еді?».

Мақалада философиялық-құқықтық зерттеулерге тән дәстүрлі әдістер, соның ішінде логикалық және лингвистикалық талдау, Тарихи қайта құру және ұтымды түсіндіру әдістері қолданылады. Бұл ғылыми мақаланың жаңалығы табиғи құқық теориясын жақтаушылардың дәлелдері мен логикалық ойлау құрылымын ашудың жаңа тәсіліне байланысты. Мұндай Аргументтің сипатын, артықшылықтары мен кемшіліктерін нақтылау одан әрі философиялық-құқықтық зерттеулер үшін негіз бола алады.

Түйінді сөздер: құқықтың аналитикалық философиясы; табиғи құқық теориясы; табиғи құқықтар; жалпы игілік; агент; құқықтар мен міндеттер; міндеттемелер.

A.V. Nekhaev, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Social Studies and Humanities, Tumen State University (Tumen, Russia): The Problem of Natural Rights Justification in the New Classical Natural Law Theories.

The relevance of this study is due to the need to analyze foreign scientific literature in the field of philosophy of law, revealing trends in the evolution and development of natural law theories. Despite the significant number of publications on the theory of natural law its key theses and arguments are discussed by post-soviet scientists in isolation from modern discussions by foreign jurists. *The subject of the research* in the paper is the reconstruction and rational interpretation of the arguments of natural law theories forming the doctrine of the so-called New Classical Natural Law (NCNL) and presented in the works of John Finnis and Germain Grisez. *The purpose of this study* is an attempt to reveal the logical structure of the natural law argumentation, especially the answers to the Question «Why would it be rational for agents to respect other people's natural rights?».

The paper uses traditional methods typical of philosophical and legal research, including methods of logical and linguistic analysis, historical reconstruction and rational interpretation. *The novelty of this paper* is due to a new approach to the disclosure of arguments and the logical structure of the reasoning of proponents of the theory of natural law. Clarification of the nature, advantages and disadvantages of such an argument can become the main one for further philosophical and legal research.

Keywords: analytical philosophy of law; theory of natural law; natural rights; common good; agent; rights and obligations; obligations.

Список литературы:

1. Финнис Дж. Естественное право и естественные права. М.: ИРИСЭН, Мысль, 2012. 554 с.
2. Хофельд У. Н. Некоторые основные юридические понятия в приложении к судебной аргументации. Правоведение. 2012. No. 3 (302). С. 203–227.
3. Gewirth A. Reason and Morality. Chicago: The University of Chicago Press, 1978. 393 p.
4. Grisez G. Christian Moral Principles. Vol. 1: Way of the Lord Jesus. Chicago: Franciscan Herald Press, 1983. 971 p.
5. Grisez G. The First Principle of Practical Reason: A Commentary on the Summa Theologiae, 1-2, Question 94. The Natural Law Forum. 1965. Vol. 10. No. 1. P. 168–201.
6. Hart H. L. A. Are There Any Natural Rights? The Philosophical Review. 1955. Vol. 64. No. 2. P. 175–191.
7. Ross D. The Right and the Good. Oxford: Oxford University Press, 2002. 183 p.

References:

1. Finnis J. Estestvennoe pravo i estestvennie prava [Natural Law and Natural Rights]. Moscow, Mysl, 2012. 554 p.
2. Hofeld U.N. Nekotorie osnovnie uridicheskie ponyatia v prilozhenii k sudebnoi argumentacii [Some basic legal concepts in judgment argumentation]. Pravovedenie. 2012. No. 3 (302). P. 203–227.
3. Gewirth A. Reason and Morality. Chicago: The University of Chicago Press, 1978. 393 p.
4. Grisez G. Christian Moral Principles. Vol. 1: Way of the Lord Jesus. Chicago: Franciscan Herald Press, 1983. 971 p.
5. Grisez G. The First Principle of Practical Reason: A Commentary on the Summa Theologiae, 1-2, Question 94. The Natural Law Forum. 1965. Vol. 10. No. 1. P. 168–201.
6. Hart H. L. A. Are There Any Natural Rights? // The Philosophical Review. 1955. Vol. 64. No. 2. P. 175–191.
7. Ross D. The Right and the Good. Oxford: Oxford University Press, 2002. 183 p.

Для цитирования и библиографии: Нехаев А.В. Проблема обоснования естественных прав в теориях New Classical Natural Law // Право и государство. № 2(103), 2024. – С. 18-25. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_2_18

Материал поступил в редакцию 25.04.2024.

СООТНОШЕНИЕ ПОНИМАНИЯ И ОБЪЯСНЕНИЯ В ЮРИСПРУДЕНЦИИ

Д.Г. АЛОВА,

преподаватель факультета права
НИУ Высшая школа экономики
(Россия, г. Москва)
e-mail: alova.dar@gmail.com

Проблемы объяснения и понимания являются наиболее актуальными вопросами в развитии юриспруденции. Актуальность обусловлена тем, что в зависимости от выбираемой оптики исследования результат может принимать различные формы и сущности. При этом на данном этапе развития науки наблюдается рост междисциплинарных исследований, в которых связующим звеном между различными областями знания становится общенаучная методология. Таким связующим звеном для правовых междисциплинарных исследований становятся «понимание» и «объяснение», без которых нельзя представить себе ни одну познавательную процедуру. Предмет исследования – вопросы соотношения понимания и объяснения в праве. Целью исследования является проведение разграничения между двумя познавательными процедурами и представление перспектив их применения в правовой науке. Методология исследования определяется предметом исследования и интересна тем, что методология используется для изучения способа исследования сущностей в праве – юридического объяснения. Так, преимущественно в статье использованы общефилософские методы познания (синтез, анализ, индукция дедукция), а также методы логического и лингвистического анализа. Новизна темы заключается в разработке границы понимания юридического объяснения и соотношения его с этапами правового исследования. Основной вывод статьи заключается в том, что юридическое объяснение является правовой методологической категорией, которая описывает процесс познания в правовой сфере, неразрывно связанный с пониманием субъекта познания исследуемого правового феномена.

Ключевые слова: юридическое объяснение, понимание, методология права, правовая онтология, способы познания в праве, развитие правовой теории, дедуктивно-номологическая модель объяснения, правовая герменевтика, правовое исследование.

Введение

На данном этапе исторического развития обыденной юридической деятельности до сих пор не проводится разграничение между двумя хотя и взаимосвязанными, но различными понятиями «понимание» и «объяснение». Однако в зависимости от словоупотребления формируется человеческая деятельность и, как следствие, правовая реальность. Безусловно, существуют случаи, когда вопросы такого порядка не имеют никакого значения. Представим себе, что вы нарушили правила дорожного движения, а именно не пропустили пешехода, двигаясь на автомобиле. Вас останавливает представитель власти, просит предъявить документы и оформляет протокол о нарушении правил дорожного движения.

Конечно же, в таком случае в правоприменительной практике вопросы о понимании и объяснении не ставятся. Но представим себе научную деятельность в схожей ситуации. Например, аналитический центр по борьбе с правонарушениями ставит своей целью подготовить комплекс профилактических мер для снижения количества дорожно-транспортных происшествий, в частности, связанных с происшествиями на пешеходных переходах. В таком случае перед исследователем встанет вопрос о том, как понять и объяснить сложившуюся правоприменительную практику, и есть ли разница между пониманием и объяснением в данном случае? При этом в последнее время ощущается всё больший разрыв между правоприменительной деятельностью и теоретической юриспруденцией, вопросы сближения которых имеют место в научной литературе. Так, профессор И.Л. Честнов утверждает, что «кроме того, их – юридических понятий – практическое использование предполагает несколько сложных манипуляций: конкретизацию в операциональных понятиях, закрепление в соответствующей форме права, интериоризацию в правосознании, принятие решения» [16, с. 14]. Другими словами, методологический аппарат науки не вполне адекватно соответствует требованиям практической юриспруденции, что выражается в сложности применения юридических категорий на практике. Мы предполагаем, что сближающим методологическим аппаратом может служить юридическое объяснение и понимание, определение и соотношение которых является темой настоящей статьи.

При первом приближении становится ясно, что понимание всегда неразрывно связано с объяснением. Это становится очевидным, если нет возможности что-то объяснить, то это и не понять (бывают и обратные случаи, но их мы оставим за скобками). При этом, рассматривая проблему соотношения двух понятий с научной точки зрения, выявляется не только их взаимосвязь, но и некоторые функциональные различия. Так, первым обратил внимание на эти различия финский философ и логик Г. фон Вригт. В своем фундаментальном труде *Логико-философские исследования* философ отмечал, что «в слове ‘понимание’ содержится психологический оттенок, которого нет в слове ‘объяснение’» [1, с. 45]. Этот «психологический оттенок» в первую очередь раскрывается направлением мышления на определенный предмет, который неразрывно связан с пониманием какого-либо события или явления.

Здесь следует сделать ремарку о том, что научное познание, в рамках которого мы рассматриваем соотношение объяснения и понимания, не было присуще человеческой деятельности на протяжении всей истории. Так, большинство природных и социальных явлений в донаучной эпохе объяснялись либо мифологическими аспектами, либо позднее - религиозными. Безусловно, такие виды объяснения имеют место быть в обыденной жизни, но не в научной. Однако и в XX-XXI вв. наблюдаются остатки такого мироощущения и миропредставления. Например, традиции карго-культа, существующие и по сей день, могут быть поняты только членами той социальной группы, которые обладают фрагментарными научными знаниями о мироустройстве, а значит должны быть объяснены исключительно в терминах рациональности исследуемой культуры с точки зрения субъектов таких действий, что, однако, будет относиться не к научной рациональности, а скорее к мифологическим воззрениям. То есть два рассматриваемых термина «понимание» и «объяснение» безусловно отличаются своим наполнением. По верному замечанию В.В. Оглезнева и И.П. Тарасова, «термины по своей природе должны что-то обозначать, иначе их нельзя было бы отличить от нечленораздельных звуков, которые априори не могут этого делать» [11, с. 102]. Именно поэтому различие двух смежных терминов представляет как сложность, так и актуальность для методологии правовой науки. Особенно следует отметить, что существует и «интуитивное объяснение», связанное с пониманием исследуемого события или процесса через так называемое «озарение» [15, с. 58]. Однако данные метафизические категории не являются предметом рассмотрения данной статьи.

Первоначальное появление и дальнейшая эволюция научного знания проявила себя не только в изменении сложившихся общественных отношений, но и вызвала изменения в структуре научного знания. Именно тогда впервые были сформулированы важнейшие

научные термины и правила развития научных теорий. При этом следует отметить, что первоначально наука развивалась преимущественно параллельно со становлением механистического мировоззрения, которое повлияло на развитие естественнонаучных дисциплин. Позднее в XIX в. со становлением теории позитивизма О. Конта и Дж. С. Милля стала развиваться собственно гуманитарная методология исследований, которая имеет большое влияние на правовую реальность и по сей день. Проблемы развития научного знания, в частности сопутствующие им вопросы понимания и объяснения феноменов общественной жизни, неизменно встают перед любым исследователем, который изучает и генерирует научное знание. Так, основной функцией правового знания неизменно является прогнозирование социальных явлений, которое невозможно себе представить без важного этапа планирования. В книге С. Шапиро *Законность* отмечено, что планирование представляет собой поэтапную деятельность, которая изначально является «пустой оболочкой», наполняемой смыслами лишь при принятии прошлых размышлений [5, с. 99]. При этом, по нашему мнению, смысловое содержание появляется именно там, где присутствует объяснение как форма мышления.

Материалы и методы

В статье в качестве источников использованы зарубежные и отечественные научные издания, а также характерные для философии права и юриспруденции методы логического анализа, исторической реконструкции и интерпретации.

Основные положения

Объяснение является главной функцией науки [10]. В процессе научного познания главным образом происходит преобразование знания: из неизвестного нечто превращается в известное, описанное в доктринальных терминах, не вызывающих сомнений в наукоемкости таких характеристик. То есть новый факт или событие сопоставляется с общепринятой теорией или каким-либо общим законом. Вместе с этим дедуктивно-номологическая модель К.Г. Гемпеля и П. Оппенгейма, основанная на выявлении обусловленности исследуемого объекта, может быть использована как в естественных, так и в гуманитарных дисциплинах [4, с. 7]. Проблема объяснения с научной точки зрения чаще всего рассматривается с позиций причинно-следственной связи [18; 19, р. 285]. Так, например, К. Поппер дает следующую характеристику объяснения: «Дать причинное объяснение событий, значит дедуцировать положение, приписывающего его, используя в качестве посылок дедукции один или более универсальных законов совместного с определенными единичными положениями – начальными условиями» [12, с. 83]. Однако в данном определении особо подчеркивается причинно-следственная связь, без учета того большого количества факторов, которые могут влиять как на субъекта принятия решения, от которого зависит исследуемое событие или явление, так и на ученого, объясняющего конкретное событие или явление. Именно поэтому не стоит забывать о разнообразии объяснительных моделей, варьирующихся от телеологической до историко-ретроспективной моделей.

Современный канадский философ истории У. Дрей утверждал, что дедуктивно-номологическая модель объяснения не принимает в расчет важный фактор формирования всех событий и явлений – свободу воли [7, с. 37-72]. В качестве альтернативы философ предложил модель рационального объяснения, суть которой заключается в том, что нам как исследователям необходимо выявить мотивы, которыми руководствовался субъект принятия решения. Возьмем тот же пример с нарушителем правил дорожного движения, который не пропустил пешехода в положенном месте. Чем руководствовался такой субъект? Не пропустил ли он пешехода потому, что не заметил его? Или, возможно, позади него ехала другая машина, которая могла бы врезаться в нашего субъекта, если бы он резко нажал на тормоз? Каждая из приведенных гипотез должна служить основанием отдельной модели юридического объяснения, которая может видоизменяться в зависимости от мотивов субъекта принятия решений. Именно поэтому при использовании моделей

юридического объяснения мы всегда должны помнить о конкретных ограничениях любой применяемой модели. В первую очередь это связано с тем, что моделирование само по себе имеет ограничения и не может в полной мере адекватно описать существующую правовую реальность, хотя и стремится к этому. Также это связано с разнообразием используемых моделей, выбор которых зависит от целей и задач конкретного исследования.

Понимание с точки зрения юриспруденции является внутренним процессом осмысления происходящих общественных явлений и процессов. Впервые концепт понимания был разработан на рубеже XVIII-XIX вв. в работах немецкого философа и теолога Ф. Шлейермахера, рассматривающего процесс понимания текста в качестве интерпретации смысла с точки зрения первоначального замысла автора. Для этого Ф. Шлейермахер предлагал обозначать как внутренние установки автора, в том числе его психологические особенности личности, так и внешние, повлиявшие на становление личности автора текста [17, с. 242-260]. В дальнейшем идеи объяснения и понимания были детально рассмотрены в трудах В. Дильтея, который утверждал, что природу необходимо объяснять, а духовную жизнь – понимать. Так, немецкий историк предполагал, что объяснение необходимо тогда, когда исследуемый объект не представлен в сознании непосредственно: «Под объяснительной наукой следует разуметь всякое подчинение какой-либо области явлений причинной связи при посредстве ограниченного числа однозначно определяемых элементов (т.е. составных частей связи)» [6, с. 160]. Таким образом, понимание предстает в качестве такой модели, которая успешно может быть применена, когда субъект познания может телеологически связать предпринимаемый поступок и чувства, испытываемые субъектом принятия решения. Так, человек может понять, как возможно не пропустить пешехода, когда ты его не заметил на дороге, так как это тот паттерн поведения, который каждый из нас не раз испытывал в жизни.

Интересными для краткого ретроспективного анализа являются идеи М. Хайдеггера, который строит свою теорию понимания, основываясь на термине *Dasein* (прим. на русский язык – «здесь-бытие», «тут-бытие», «присутствие») [14]. Немецкий философ-экзистенциалист утверждает, что единственный способ, через который мы можем понять бытие, — это наше человеческое бытие. Следовательно «понимание» М. Хайдеггер раскрывает с точки зрения самого исследователя и его бытия. Нельзя не упомянуть также точку зрения французского философа П. Рикёра, который продолжая традицию Г. Гадамера, утверждал, что любое понимание вне зависимости от контекста неразрывно связано с использованием символов и текстов [13]. При этом П. Рикёр утверждал, что понимание и объяснение неразрывно связаны друг с другом, компенсируя друг друга при необходимости. Так, при интерпретации текста читатель должен быть интенционально направлен на выяснение первоначального замысла автора текста. С другой стороны, читатель текста обладает собственными паттернами, влияющими на интерпретацию текста, и не сводящегося к набору символов и знаков. В. Кузнецов следующим образом раскрывает идеи П. Рикёра: «Понимание присваивает себе полученный в результате объяснения смысл, поэтому оно всегда следует во времени за объяснением. Объяснение опирается на гипотезы, реконструирующие смысл текста как целого» [8]. Однако можем ли мы перенести такую герменевтическую точку зрения на юридическую науку?

Результаты и обсуждение

К.Г. Гемпель определял понимание в качестве «духовной акции, которая предельно широко распространена во всем мире человеческого духа. Его назначение состоит в том, чтобы снять отчужденность понимаемых объектов, событий, явлений, создать у человека ощущение их естественности» [2, с. 164-165]. То есть создатель дедуктивно-номологической модели объяснения хотя и не оставляет места для позиции субъекта в своей авторской схеме, но тем не менее утверждает, что понимание, связанное с объяснением, неотделимо от субъекта познания, с чем мы безусловно согласны. В свою очередь современный философ права Л. Кэлер утверждает, что «понимание права как практической деятельности

временами было настолько влиятельным, что название «реализм» стало восприниматься как само собой разумеющееся, а объяснение определяемой им реальности отходило на второй план» [9, с. 41]. Данный тезис интересен для нас тем, что Л. Кэлер разделяет понимание и объяснение права, утверждая, что в правовом реализме субъектное понимание превалирует над абстрактным объяснением. Это позволяет нам утверждать, что порядок соотношения понимания и объяснения в юридической науке, в том числе зависит от теоретических воззрений исследователя и приверженности его к определенной правовой школе, где не размышляют в терминах «правильное/неправильное».

Общая трудность, которая возникает при рассмотрении термина «понимание» возникает в связи с частными характеристиками того или иного исследователя, его социального и правового опыта. Так, мы считаем, что понимание не может быть построено исключительно на индивидуальных характеристиках сознания познающего субъекта, хотя и не должно быть полностью исключено из него. Так, например, возможно ли заниматься правоприменительной практикой, не имея никакого понимания о том, что является отраслью права? Едва ли. В этом аспекте актуальной представляется извечная дихотомия теоретической и практической юриспруденции, которая, как мы полагаем, будет существовать всегда. Так, в правовой практике понимание должно стремиться к единообразию, так как от его наполнения будет зависеть функционирование государства, начиная от вынесения решения исполнительных органов, заканчивая единством судебной практики. Однако же в теоретической плоскости разность понимания тех или иных событий или процессов лишь только порождает простор для научной дискуссии и приближает нас к истине как к главной *ultima thule* всего теоретизирования. Именно поэтому пониманию следует рассматривать с диалектической позиции, где, с одной стороны, каждый правовед обладает собственным видением и пониманием проблемных вопросов теории прав, а с другой стороны если исследователь сделал для себя понятным какой-либо ранее неисследованный вопрос, то потенциально он сможет объяснить и сделать понятным этот предмет и другому человеку, находящемуся с ним в одной рациональной системе. Например, К.Г. Гемпель настаивал на том, что познание является универсальным подходом в теории познания, где исследователь «видит отражение человека» [3, с. 16-31]. При этом следует отметить, что объяснение и понимание существуют не в вакууме, а только лишь в терминах и категориях юридической доктрины. То есть процедура правового познания неразрывно связана с формированием правовой материи, черпая свой категориальный аппарат из нее же.

Заключение

В методологии юридической науки соотношение юридического объяснения и понимания является на данный момент актуальным вопросом, который формализуется посредством юридического мышления в целом. Это связано с тем, что семантически понимание и объяснение в юридической науке тесно переплетены, и в большинстве случаев не могут существовать друг без друга. Понимание субъектом исследования правовых феноменов и категорий создает основу для объяснительных юридических моделей, которые, в свою очередь, помогают углубить и уточнить процесс понимания. Совместное использование этих подходов позволяет юристам и исследователям разрабатывать более точные и обоснованные правовые теории и практики. Таким образом, соотношение понимания и объяснения является ключевым фактором для развития юридической науки и её эффективного применения в практической деятельности.

Юридическое объяснение является правовой методологической категорией, которая описывает процесс познания в правовой сфере. Оно направлено на углубление и улучшение понимания правовых явлений путем включения исследуемых явлений или событий в структуру существующих доктринальных положений. При этом формирование юридического объяснения направлено на уяснение сущности рассматриваемых феноменов, то есть на их понимание. Это позволяет выявить и раскрыть важные черты исследуемого явления. Таким образом, юридическое объяснение может рассматриваться с двух точек зрения.

1. В широком смысле юридическое объяснение является ключевым этапом познавательной деятельности в правовой сфере, который направлен на понимание сущности изучаемых правовых процессов и явлений.

2. В узком смысле юридическое объяснение является правовым методом, посредством которого отдельный изучаемый объект правовой реальности становится понятным с помощью существующих правовых теорий, категорий и аксиом. То есть применение метода юридического объяснения связано с установлением структурных и зависимых связей частей объясняемого явления, что позволяет однозначно раскрыть характеристики исследуемого правового явления или события в рамках существующих терминов правовой науки.

Д.Г. Алова, ФЗУ құқық факультетінің оқытушысы экономика Жоғары Мектебі (Ресей Федерациясы, Мәскеу қ.): Құқықтану саласындағы түсіну мен түсіндірудің арақатынасы.

Түсіндіру және түсіну мәселелері құқықтануды дамытудағы ең өзекті мәселелер болып табылады. *Өзектілігі* таңдалған зерттеу оптикасына байланысты нәтиже әртүрлі формалар мен нысандарды қабылдай алатындығына байланысты. Сонымен қатар, ғылым дамуының осы кезеңінде пәнаралық зерттеулердің өсуі байқалады, онда жалпы ғылыми әдістеме білімнің әртүрлі салалары арасындағы байланыс болады. Құқықтық пәнаралық зерттеулердің мұндай байланысы «түсіну» және «түсіндіру» болып табылады, онсыз ешқандай танымдық процедураны елестету мүмкін емес. Зерттеу *пәні* – заңдағы түсіну мен түсіндірудің арақатынасы мәселелері. Зерттеудің *мақсаты* – екі танымдық процедураның аражігін ажырату және оларды құқықтық ғылымда қолдану перспективаларын ұсыну. Зерттеу *әдістемесі* зерттеу пәнімен анықталады және қызықты, өйткені әдістеме заңдағы субъектілерді зерттеу әдісін – заңды түсіндіруді зерттеу үшін қолданылады. Сонымен, мақалада негізінен танымның жалпы философиялық әдістері (синтез, талдау, дедукция индукциясы), сондай-ақ логикалық және лингвистикалық талдау әдістері қолданылады. Тақырыптың *жаңалығы* – құқықтық түсіндірмені түсіну шекарасын және оның құқықтық зерттеу кезеңдерімен байланысын дамыту. Мақаланың негізгі *қорытындысы* – құқықтық түсініктеме – бұл зерттелетін құқықтық құбылыстың таным субъектісін түсінумен тығыз байланысты құқықтық саладағы таным процесін сипаттайтын құқықтық әдіснамалық категория.

Түйінді сөздер: құқықтық түсіндіру, түсіну, құқық әдістемесі, құқықтық онтология, құқықтағы таным тәсілдері, құқықтық теорияның дамуы, түсіндірудің дедуктивті-номологиялық моделі, құқықтық герменевтика, құқықтық зерттеу.

D.G. Alova, Lecturer, Faculty of Law of the National Research University Higher School of Economics (Moscow, Russia): The relationship of understanding and explanation in legal theory.

The problems of explanation and understanding are the most pressing issues in the development of legal theory. *The relevance* is due to the fact that, depending on the chosen optics of the study, the result can take various forms and essences. At the same time, at this stage of the development of science, there is an increase in interdisciplinary research, in which general scientific methodology becomes the link between various fields of knowledge. Such a link for interdisciplinary legal research is “understanding” and “explanation”, without which it is impossible to imagine any cognitive procedure. *The subject of the paper* is the issues of the relationship between understanding and explanation in law. *The purpose of the paper* is to distinguish between two cognitive procedures and to present the prospects for their application in legal science. *The methodology of the paper* is determined by the subject of the study and is interesting because the methodology is used to study the method of research in law – legal explanation. Thus, the paper mainly uses general philosophical methods of cognition (synthesis, analysis, induction, deduction), as well as methods of logical and linguistic analysis. *The novelty* of the topic lies in the development of the boundaries of understanding the legal explanation and its correlation with the stages of legal research. *The main conclusion of the paper* is that

legal explanation is a legal methodological category that describes the process of cognition in the legal sphere, inextricably linked with the understanding of the subject of cognition of the legal phenomenon under study.

Keywords: legal explanation, understanding, methodology of law, legal ontology, methods of cognition in law, development of legal theory, deductive-nomological model of explanation, legal hermeneutics, legal research.

Список литературы:

1. Вригт Г.Х. Логико-философские исследования. Избранные труды. М.: Прогресс, 1986. 600 с.
2. Гемпель К.Г. Мотивы и «охватывающие» законы в историческом объяснении. Философия и методология истории. М., 1977. С. 164-165.
3. Гемпель К.Г. Функция общих законов в истории. Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1998. 237 с.
4. Гемпель К.Г. Логика объяснения. М.: Дом интеллектуальной книги; Русское феноменологическое общество, 1998. 237 с.
5. Дидикин А.Б. Право как планирование. Рецензия на книгу Скотта Дж. Шапиро «Законность» (Пер. с англ., М., 2021). Право и государство. 2023. № 4 (101). С. 98-106.
6. Дильтей В. Описательная психология. СПб.: Алетейя, 1996. 160 с.
7. Дрей У. Еще раз к вопросу об объяснении действий людей в исторической науке. Философия и методология истории. М.: Издательство «Прогресс», 1977. 336 с.
8. Кузнецов В. Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления. Философско-литературный журнал «Логос». URL: https://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_10/04.htm
9. Кэлэр Л. Ослабленная реальность права. Право и государство. 2023. № 1 (98). С. 40-60.
10. Никитин Е.П. Объяснение-функция науки. М.: Издательство «Наука», 1970. 280 с.
11. Оглезнев В.В., Тарасов И.П. Аскриптивность как онтологическое свойство юридических понятий // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2010. № 4 (12). С. 101-110.
12. Поннер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. 302 с.
13. Рикер П. Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике. М.: Академический Проект, 2008. 695 с.
14. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2002. 452 с.
15. Химма К.Э. Мораль и природа права. Глава 8. Концептуальная возможность моральных критериев юридической действительности. Право и государство. 2023. № 4. С. 38-59.
16. Честнов И.Л. Переосмысление юридической практики с позиций постклассической методологии права. Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2024. №1. С. 13-16.
17. Шлейермахер Ф. Академические речи 1829 года. Метафизические исследования. Вып. 3. История II. СПб.: Лаборатория метафизических исследований при философском факультете СПбГУ, 1997. 340 с.
18. Hempel C.G., Oppenheim P. The Logic of Explanation. Philosophy of Science, Vol. 15, No. 2. (Apr., 1948), pp. 135-175.
19. Rescher N. On Prediction and Explanation. British Journal for the Philosophy of Science. Vol. 8. № 32. P. 281-290.

References:

1. Vright G.H. Logiko-filosofskie issledovaniya. Izbrannyye trudy. M.: Progress, 1986. 600 p. (In Russian).
2. Gempel' K. G. Motivyy i «ohvatyvayushchie» zakony v istoricheskom ob'yasnenii. Filosofiya i metodologiya istorii. M., 1977. P. 164-165. (In Russian)

3. Gempel' K.G. Funkciya obshchih zakonov v istorii // Logika ob"yasneniya. M.: Dom intellektual'noj knigi; Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1998. 237 p. (In Russian).
4. Gempel' K.G. Logika ob"yasneniya. M.: Dom intellektual'noj knigi; Russkoe fenomenologicheskoe obshchestvo, 1998. 237 p. (In Russian).
5. Didikin A.B. Pravo kak planirovanie. Recenziya na knigu Skotta Dzh. SHapiro «Zakonost'» (Per. s angl., M., 2021). Pravo i gosudarstvo. № 4 (101), 2023. P. 98-106. (In Russian).
6. Dil'tej V. Opisatel'naya psihologiya. SPb.: Aletejya, 1996. 160 p. (In Russian).
7. Drey U. Eshche raz k voprosu ob ob"yasnenii dejstvij lyudej v istoricheskoy nauke. Filosofiya i metodologiya istorii. M.: Izdatel'stvo «Progress», 1977. 336 p. (In Russian).
8. Kuznecov V. Germenevtika i ee put' ot konkretnoj metodiki do filosofskogo napravleniya. Filosofsko-literaturnyj zhurnal «Logos». URL: https://www.ruthenia.ru/logos/number/1999_10/04.htm (In Russian).
9. Keler L. Oslablennaya real'nost' prava. Pravo i gosudarstvo. № 1 (98), 2023. P. 41. (In Russian).
10. Nikitin E.P. Ob"yasnenie-funkciya nauki. M.: Izdatel'stvo «Nauka», 1970. 280 p. (In Russian).
11. Ogleznev V.V., Tarasov I.P. Askriptivnost' kak ontologicheskoe svojstvo yuridicheskikh ponyatij. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya. 2010. № 4 (12). P. 101-110. (In Russian).
12. Popper K. Logika i rost nauchnogo znaniya. M., 1983. 302 p. (In Russian).
13. Riker P. Konflikt interpretacij. Oчерki o germenevtike. M.: Akademicheskij Proekt, 2008. 695 p. (In Russian).
14. Hajdegger M. Bytie i vremya. SPb.: Nauka, 2002. 452 p. (In Russian).
15. Himma K.E. Moral' i priroda prava. Glava 8. Konceptual'naya vozmozhnost' moral'nyh kriteriev yuridicheskoy dejstvitel'nosti. Pravo i gosudarstvo. № 4 (101), 2023. P. 38-59. (In Russian).
16. Chestnov I.L. Pereosmyslenie yuridicheskoy praktiki s pozicij postklassicheskoy metodologii prava. Teoreticheskaya i prikladnaya yurisprudenciya. 2024. №1. P. 13-16. (In Russian).
17. Shlejermaher F. Akademicheskie rechi 1829 goda. Metafizicheskie issledovaniya. Vyp. 3. Istoriya II. SPb.: Laboratoriya metafizicheskikh issledovanij pri filosofskom fakul'tete SPbGU, 1997. 340 p. (In Russian).
18. Hempel C.G., Oppengeim P. The Logic of Explanation. Philosophy of Science, Vol. 15, No. 2. (Apr., 1948), pp. 135-175.
19. Rescher N. On Prediction and Explanation. British Journal for the Philosophy of Science. Vol. 8. № 32. P. 281-290.

Для цитирования и библиографии: Алова Д.Г. Соотношение понимания и объяснения в юриспруденции // Право и государство. № 2(103), 2024. – С. 26-33. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_2_26

Материал поступил в редакцию 02.05.2024.

РЕЛЯТИВИЗМ В ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Т. СПААК,

доктор права, профессор
юридического факультета
Университета Стокгольма
(г. Стокгольм, Швеция),
член Редакционного совета
журнала «Право и государство»
e-mail: torben.spaak@juridicum.
su.se

В рубрике «Переводы работ выдающихся ученых» публикуется перевод 29 параграфа «Релятивизм в философии права» профессора Торбена Спаака из книги *The Routledge Handbook of Philosophy of Relativism*. Martin Kusch (ed.). Routledge, 2019. P. 272-281. Перевод с английского языка выполнен доктором философских наук, Associate Professor Maqсут Narikbayev University А.Б. Дидикиным с согласия автора.

Торбен Спаак – шведский ученый-юрист, известный специалист в области аналитической философии права, метаэтики и теории права. Автор множества работ, посвященных скандинавскому и американскому правовому реализму, методологии аналитической юриспруденции. Автор книг и разделов коллективных монографий, в том числе *The Concept of Legal Competence: an Essay in Conceptual Analysis* (1994), *Guidance and Constraint: the action-guiding capacity of Theories of Legal Reasoning* (2007), *A Critical Appraisal of Karl Olivecrona's Legal Philosophy* (2014), *Cambridge Companion to Legal Positivism* (with Patricia Mindus, 2021), *Handbook on Legal Evolution* (chapter, 2022), *Legal Power and Legal Competence: Meaning, Normativity, Officials and Theories* (with Gonzalo Villa Rosas, 2023), *Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy* (chapter, 2023), *Philosophical Foundations of Precedent* (chapter, 2023), а также множества статей в ведущих зарубежных юридических журналах.

Ключевые слова: философия права; релятивизм; правовые понятия; право; мораль; правовые суждения; моральные суждения; истина.

Я рассматриваю в данном разделе труды двух видных философов права, Ганса Кельзена и Густава Радбруха. Кельзен поддерживает версию метаэтического релятивизма и отстаивает идею о том, что демократия предполагает такой релятивизм, который означает, что то, что верно сегодня, может оказаться ложным завтра, а потому те, кто в меньшинстве сегодня, и потому неправы, имеют шанс стать – через демократические процедуры – большинством завтра и таким образом правыми. Радбрух тоже поддерживает версию метаэтического релятивизма и отстаивает идею, что определение содержания права зависит не только от формальной справедливости, но и от целеполагания и правовой определенности, а формальная справедливость и правовая определенность являются абсолютными ценностями, поскольку целесообразность – это лишь относительная ценность, и судья должен отдавать приоритет правовой определенности, когда возникает коллизия между правовой определенностью и справедливостью, так как однозначного ответа на этот вопрос «Что правильно?» не существует. Я возражаю против аргументации Кельзена и Радбруха, утверждающих, что хотя они, по-видимому, думают иначе, «долженствование» в их выво-

дах может быть не более чем относительным «долженствованием», и что следовательно их релятивизм непоследователен. Я также предлагаю две темы для дальнейшего исследования, а именно релятивистские объяснения юридических утверждений первого порядка и правовых разногласий.

1. Введение

Релятивизм проявляется во многих формах, хотя обычно проводится различие между когнитивным и моральным релятивизмом, или в более широком смысле между когнитивным и оценочным релятивизмом. Однако не существует какой-либо конкретной юридической формы релятивизма. Напротив, те виды релятивизма, которые находят естественное применение в философии права, являются разновидностями морального релятивизма.

Я начну с нескольких слов о том, что я понимаю под релятивизмом, особенно моральным релятивизмом (раздел 2), и перейду к обзору работ, связанных с релятивистскими аргументами или теориями в области философии права (раздел 3). В конце приводятся некоторые предложения для будущей работы, связанные с релятивистскими аргументами или теориями в области философии права (раздел 4).

2. Когнитивный и моральный релятивизм

Философы часто проводят различия между когнитивным и моральным релятивизмом (см., например, [O’Грейди 2002, 4; Крауз и Мейланд 1982, 1]). Когнитивные релятивисты утверждают, что (i) истина, или знание, или рациональность, или даже реальность сама по себе соотносятся с определенной отправной точкой, такой как парадигма или концептуальная схема человека или группы, и (ii) что ни одна такая отправная точка не является объективно истинной. Томас Кун [1970b, 21-2], например, утверждает, что можно только сказать, что одна научная теория лучше другой в рамках данной парадигмы, при этом ни одна парадигма объективно не является единственно верной и что научные изменения могут быть объяснены только ссылками на психологические или социологические факторы. Действительно, Кун недвусмысленно заявляет, что нет и не может быть никакой независимой от парадигмы реальности, которая могла бы служить арбитром между различными парадигмами [1970a, 206]. Тип релятивизма, который я здесь приписываю Куну, обычно называют концептуальным релятивизмом, идея которого заключается в том, что (i) реальность (и, следовательно, истина и знание) зависят от наших понятий, и (ii) что не существует набора понятий, который объективно считался бы единственно верным набором (подробное обсуждение релятивизма Куна приведено в работе Доппельгта [1982]).

Моральный релятивизм проявляется, по крайней мере, в трех различных формах, а именно в дескриптивном, нормативном и метаэтическом релятивизме [Брандт, 2001; Франкена, 1973, р. 109-110]. В то время как дескриптивный релятивизм утверждает, что на самом деле у разных людей часто бывают разные фундаментальные моральные взгляды в том смысле, что различия во взглядах не обусловлены фактическими разногласиями, нормативный релятивизм утверждает, что человек должен действовать в соответствии со взглядами своей группы. С другой стороны, метаэтический релятивизм – это точка зрения, согласно которой моральная истина или обоснованность – всегда соотносятся с моральными рамками, и что ни одна из таких рамок объективно не является единственно верной. Как говорит Гилберт Харман, “моральная правильность и неправильность (добро и зло, справедливость и несправедливость, добродетель и порок и т.д.) всегда связаны с выбором моральной системы. То, что является морально правильным по отношению к одной моральной системе, может быть морально неправильным по отношению к другой моральной системе. И ни одна моральная система объективно не является единственной истинной моралью” [1996, 3].

3. Обзор работ в этой области

Дело в том, что в современной философии права не так много релятивистских теорий или аргументов. Хотя некоторые выдающиеся философы права не были когнитивистами (см., например, [Ross 1959, 6-11, 274-5, 280; Olivecrona 1951, 129-30; Hart 1982, 159-160]), очень немногие из них открыто защищали какую-либо форму релятивизма. Поэтому я рассмотрю двух самых выдающихся философов права более раннего периода, которые, по-видимому, были релятивистами, а именно Ганса Кельзена и Густава Радбруха. Оба автора придерживались того, что я назвал метаэтическим релятивизмом.

Ганс Кельзен

Как известно, Кельзен [1992 (1933), 18] придерживался взгляда, что так называемая чистая теория права нацелена на постижение права таким, как оно есть, а не таким, каким должно быть; и одна из причин, в силу которой он придерживается такой точки зрения, заключалась в том, как он считал, что мораль неизбежно субъективна, и не может быть объектом рационального познания [1992, р. 15-18]. Он возвращается к вопросу о статусе морали в *Общей теории права и государства* [1999 (1945), 6-8]. Объяснив, что утверждение о социальном порядке равносильно утверждению о том, что все люди находят в нем свое счастье, он указывает [1999, 6], что не существует рационального способа ранжирования интересов разных людей в случае конфликта, и добавляет, что ценностные суждения «определяются эмоциональными факторами и [являются], следовательно, субъективными по своему характеру, действительными только для оценивающего субъекта и, следовательно, только относительными».

Хотя его рассуждения об эмоциональных факторах могут быть истолкованы так, что Кельзен здесь придерживается некоторой формы эмотивизма, и хотя фраза «применимо только к субъекту оценки» может быть понята как то, что он придерживается некоторой формы морального субъективизма (о моральном субъективизме см. [Maskie 1977, 17-8], следующую цитату, в которой он утверждает, что система морали является социальным явлением, и что ценностные суждения относительны не к индивидуумам, но и группам индивидуумов, предполагает, что его лучше всего понимать как метаэтического релятивиста:

«Позитивная система ценностей – это не произвольное творение изолированного индивида, а всегда результат взаимного влияния, которое индивиды оказывают друг на друга в рамках данной группы, будь то семья, племя, класс, каста, профессия. Любая система ценностей, особенно система морали и ее центральная идея справедливости, являются социальным феноменом, продуктом общества и, следовательно, различаются в зависимости от природы общества, в котором они возникают [1999, р. 7-8]».

Какое значение имеет релятивизм Кельзена для его философии права? Во-первых, Кельзен утверждает во втором издании *«Reine Rechtslehre»* [1960, р. 71], что ошибочно принимать точку зрения естественного права, согласно которой правом может быть только система норм, удовлетворяющая определенным минимальным моральным требованиям, поскольку существует ряд моральных систем, ни одна из которых не является более истинной или корректной, чем та, которая удовлетворяет определенным минимальным моральным требованиям, и потому что любая правовая система будет соответствовать какой-то одной моральной системе, но не другим. Очевидно, что если это так, то почти любая правовая система пройдет процедуру проверки, и в результате теория естественного права будет более или менее лишена содержания.

Во-вторых, Кельзен [1948] утверждает, что демократия предполагает релятивизм в том смысле, что только релятивистская позиция может обосновать приоритет демократических принципов над основными моральными соображениями, когда речь заходит о законодательстве и принятии политических решений в целом. Идея состоит в том, поскольку релятивизм означает, что то, что правильно сегодня, может оказаться неправильным завтра (предпосылка), те, кто сегодня в меньшинстве, и кто следовательно неправ, у них должен

быть шанс стать – посредством демократической процедуры – большинством завтра, и таким образом оказаться правыми (заклучение).

«Исключительно из-за этой возможности, которую может допустить только философский релятивизм, – что то, что правильно сегодня, может оказаться неправильным завтра, – меньшинство должно иметь шанс свободно выражать свое мнение и иметь полную возможность стать большинством. Только в том случае, если невозможно однозначно решить, что правильно, а что неправильно, целесообразно обсудить проблему и после обсуждения предложить компромисс [1948, р. 913-914]».

Однако я не вижу, чтобы эта предпосылка подкрепляла вывод. Во-первых, в релятивистском анализе предпосылка является дескриптивной, а вывод – нормативным, и как первым указал бы Кельзен, учитывая его теорию основной нормы, дескриптивная предпосылка не может повлечь за собой нормативный вывод. Во-вторых, если, как представляется, идея состоит в том, чтобы заключение выражало не относительное «долженствование», то этот тип релятивизма является некогерентным, поскольку сама теория явно исключает любое не относительное «долженствование» (об этом см. [Williams 1982a]. Для полезной дискуссии о релятивизме Кельзена см. Vinx [2007, р. 134-144].

Густав Радбрух

В литературе принято проводить различие между довоенной и послевоенной философией Радбруха. Довоенная позиция Радбруха [1950] была позицией юридического позитивиста и морального релятивиста, который считал, что между правом и моралью нет необходимой связи, и что моральные суждения могут быть истинными или обоснованными только в соответствии с данной моральной системой, так как ни одна из таких систем объективно не является привилегированной в качестве единственно истинной системы. С другой стороны, его послевоенная позиция [2006 (1946), 7] заключалась в том, что право и мораль обязательно связаны; и в то время как законы, которые являются невыносимо несправедливыми, являются ошибочными и должны подчиняться справедливости (формула нетерпимости), а законы, которые даже не нацелены на справедливость, не имеют юридического характера (формула отрицания) (о двух формулах см. [Алекси 1999, 16]. В дальнейшем я, конечно, сосредоточусь на довоенной философии Радбруха.

Радбрух объясняет, что философия права – это (то, что он называет) оценочный взгляд на право [1950, р. 49-51], и такой взгляд на право может быть понят в терминах сочетания методического дуализма и релятивизма [1950, р. 53]. Согласно его анализу, методический дуализм – это взгляд, что существование и ценность принадлежат к разным сферам и невозможно вывести «должное» из «сущего» [1950, р. 53], а релятивизм – точка зрения, согласно которой ценностное суждение может быть истинным или корректным только в свете определенного взгляда на ценности и мир, и нет никакого способа вывести «должное» из «сущего», так как такой взгляд на ценности и мир верен сам по себе [1950, р. 57]. Однако он указывает, что релятивизм не означает, что индивид может избежать выбора между конкурирующими правовыми взглядами, которые были разработаны на основе конкурирующих отправных точек.

Ибо релятивизм [1950, р. 57], «...ограничивается исчерпывающим изложением ему [агенту] конечных предпосылок, но оставляет его решение за самим собой на усмотрение того, что он извлекает из глубины своей личности – ни в коем случае не для своего удовольствия, а скорее для своей совести». Радбрух приходит к выводу, что задача философии права, основанной на релятивизме, состоит в разработке системы ценностей и стандартов без выбора между ними [1950, р. 69].

Каково значение релятивизма Радбруха для философии права Радбруха? Во-первых, Радбрух считает, что понятие права – необходимое общее понятие, ориентированное на идею права как справедливости. Согласно этому анализу [1950, р. 73], право – это «реальность, смысл которой состоит в том, чтобы служить правовой ценности, идее права». Однако он тщательно следит за тем, чтобы справедливость определяла только форму, а не

содержание права. Причина в том, что справедливость, которая, согласно анализу Радбруха, требует, чтобы к равным относились одинаково, оставляет

открытым вопрос о том, кого считать равными, и как с ними следует обращаться. Чтобы понять содержание права, говорит Радбрух [1950, р. 91], мы должны добавить ценность целесообразности к ценности справедливости. Но, продолжает он, то, что является юридически целесообразным, зависит от того, какова цель закона, а цель закона может заключаться (i) в индивидуальных ценностях, (ii) в коллективных ценностях или (iii) в трудовых ценностях (*Werkwerte*), ни одна из которых не является более правильной, чем другая. Он также считается с третьим элементом в дополнение к ценностям справедливости и целесообразности, а именно ценностью правовой определенности (*Rechtssicherheit*). Нам нужна правовая определенность, указывает он [1950, р. 108], потому что не существует нерелятивистского ответа на вопрос «справедливость или целесообразность?».

Радбрух [1950, р. 108-109] объясняет, что в то время как (формальная) справедливость и правовая определенность являются абсолютными ценностями, целесообразность является лишь относительной ценностью, и что ранжирование этих трех элементов также является относительным вопросом. Таким образом, он признает, что эти три элемента иногда могут противоречить друг другу, и утверждает, что в коллизии между правовой определенностью и справедливостью судья должен отдавать приоритет правовой определенности [1950, р. 119]. Он рассуждает так: поскольку, согласно релятивизму, нет правильного ответа на вопрос: “Что является правильным или справедливым?”, задача права состоит в том, чтобы определить, что должно быть сделано [1950, р. 116-117]. Заметим, однако, что хотя Радбрух имеет в виду здесь не относительный термин «долженствование», соответствующее «долженствование» должно быть по основаниям, приведенным в разделе о Кельзене, относительным «долженствованием». Однако если это относительное «долженствование», то вывод будет представлять довольно ограниченный интерес.

Наконец, Радбрух утверждает [1950, р. 48], что релятивизм способен противодействовать моральной нетерпимости, потому что, по его словам, «если ни одна из сторонних точек зрения недоказуема, с каждой точкой зрения следует бороться с точкой зрения противоположного взгляда; и все же, если ни один из них не является опровержимым, следует уважать каждый из них, даже с точки зрения противоположного взгляда. Таким образом, релятивизм учит как решимости в собственном отношении, так и справедливости в отношении другого». Однако я считаю, что ошибочно полагать, будто принятие морального релятивизма обязательно приводит или должно приводить к терпимости к другим моральным взглядам. Во-первых, как указывает Джеффри Харрисон [1982, р. 240], выдвигаемое релятивистами утверждение о том, что одна моральная система «ничем не хуже» другой, или, как я выразился, что ни одна моральная система объективно не является единственно верной, может быть понято как с моральной, так и с неморальной точек зрения. Если мы примем «не хуже» как неморальное понятие, мы, конечно, не сможем прийти к моральному заключению (о терпимости или о чем-то еще), если только мы не добавим моральную предпосылку; если, с другой стороны, мы примем «не хуже» за моральное понятие, мы действительно сможем прийти к моральному заключению (о терпимости или о чем-то еще). Однако моральная интерпретация проблематична. Во-первых, кажется логически, а также психологически невозможным поверить в то, что чья-то собственная моральная теория не лучше с моральной точки зрения, чем любая другая моральная теория. По словам Харрисона это единственное моральное суждение, которое ни один участник моральной практики – в отличие от наблюдателя за моральной практикой – никогда не смог бы сформулировать [1982, р. 240]: «Может ли, например, христианин, признавший, что другие религиозные/моральные позиции ничуть не хуже христианства, по-прежнему считаться христианином? Я думаю, что нет, поскольку принятие морали обязательно повлечет за собой отказ, по крайней мере, от некоторых аспектов любой конкурирующей доктрины, которая несовместима с нашей собственной». Я нахожу рассуждения Харрисона убедительными,

и это оставляет нас с неморальной интерпретацией, которая не способна поддержать моральный принцип терпимости.

Однако обратите внимание, что если ни логически, ни психологически невозможно верить в то, что чья-то собственная моральная теория не лучше с моральной точки зрения, чем любая другая моральная теория (по аналогичному вопросу смотрите Фиш [1980, р. 319]), то есть, если невозможно принять моральную теорию первого порядка и объединить ее с метаэтическим релятивизмом, моральный агент или, если хотите, участник не может быть метаэтическим релятивистом. И это наводит на мысль о том, что теория метаэтического релятивизма в данном конкретном смысле сама себя опровергает. Однако я не думаю, что эта трудность подрывает теорию. Ибо, на мой взгляд, важный вопрос заключается не в том, может ли моральный агент быть метаэтическим релятивистом, а в том, является ли метаэтический релятивизм истинной или, по крайней мере, обоснованной теорией (об этом см. также [Harrison 1982, р. 239]). Я полагаю, что моя точка зрения здесь соответствует точке зрения Хармана [1996, 4, 17], что (его версия) метаэтического релятивизма не является теорией о том, что люди имеют в виду, когда выносят моральные суждения, но это теория об условиях истинности моральных суждений. Как говорит Харман [1996, р. 17], «моральный релятивизм – это тезис о том, как обстоят дела на самом деле, и тезис о том, как не обстоят дела на самом деле». Моральный релятивизм утверждает, что не существует таких вещей, как объективно абсолютное добро, абсолютное право или абсолютная справедливость; есть только то, что хорошо, правильно или только относится к тем или иным моральным принципам. Я прихожу к выводу, что теория метаэтического релятивизма по праву относится к уровню наблюдателя, а не участника.

Можно, однако, утверждать, что сочетание метаэтического релятивизма и морального принципа, который предусматривает, что мы не должны мешать людям, если мы не можем обосновать эти помехи для них, предполагает, что мы должны терпеть их моральных убеждения. Это подход Дэвида Вонга. Крис Гованс [2015, р. 43] формулирует принцип Вонга следующим образом: «...принцип, грубо говоря, заключается в том, что мы не должны вмешиваться в жизнь людей, если только мы не можем оправдать это вмешательство перед ними (если они были рациональны и хорошо информированы в соответствующих аспектах)». Это однако не доказывает, что метаэтический релятивизм предписывает терпимость, поскольку принцип оправдания не является частью теории метаэтического релятивизма. Более того, как я говорил выше, если метаэтический релятивизм верен, то сам принцип толерантности может быть истинным или обоснованным только в рамках заданных моральных рамок, и это делает аргументацию значительно менее интересной; если вместо этого идея состоит в том, чтобы вывод был сформулирован в терминах не относительной морали, тогда этот тип релятивизма, конечно, непоследователен.

4. Предложения для дальнейшей работы

Я предложу две темы для будущей работы по релятивизму в философии права. Во-первых, возникает вопрос о правильном анализе юридических утверждений, скажем, о том, что человек имеет законное право на свободу слова или что судья по закону обязан (или должен) вынести решение по делу в соответствии с простым смыслом закона, если только это не приведет к абсурдному результату, или явно несправедливому результату, или что к подобным случаям следует относиться одинаково, и т.д. Такие заявления бывают, по крайней мере, в трех различных формах, а именно: (i) правовые заявления первого порядка (нормативные), (ii) отдельные (нормативные) правовые заявления (см. [Raz 1979, р. 140-143; 1990, р. 170-177]) и (iii) юридические заявления второго порядка (дескриптивные). Но возникает вопрос, каков правильный метаэтический подход к юридическим заявлениям первого порядка? На этот вопрос очень трудно ответить, но я считаю, что метаэтический релятивизм, по крайней мере, является достойным соперником. Рассмотрим, например, теорию юридической и литературной интерпретации Стэнли Фиша. Согласно теории Фиша, лингвистическое значение включает существование таких объектов, как новелла или закон,

в зависимости от интерпретирующих сообществ [1980, 13-4, 322], то есть группы людей, которые разделяют определенные стратегии интерпретации [1980, р. 171-172]. Согласно анализу Фиша, нет никакого способа установить, какова правильная интерпретация текста независимо от каждого интерпретирующего сообщества. По его словам [1980, р. 16], «не существует единого способа чтения, который был бы правильным или естественным, есть только "способы чтения", которые являются расширением взглядов сообщества». Нравится нам это или нет, говорит он [1989, р. 141-142], «интерпретация – это единственная игра в городе».

Из анализа Фиша мы видим, что юридическое интерпретирующее утверждение первого порядка будет истинным или ложным только в свете интерпретирующих стратегий, принятых данным интерпретирующим сообществом, и нет такого интерпретирующего сообщества, которое имело бы привилегию быть единственным объективно истинным сообществом. Я нахожу привлекательной идею о том, что правильное толкование юридического текста зависит от интерпретирующих сообществ, ни одно из которых не является объективно истинным интерпретирующим сообществом, потому что я считаю, что нет никакого способа определить правильное толкование юридического текста, например, законодательного акта, который не зависит от методов и методик юридического обоснования, принятых в соответствующей юрисдикции. Однако в другом месте я утверждал [Спаак, 2008], что Фиш - концептуальный релятивист, и его теория интерпретации уязвима как перед возражением, что релятивизм в отношении истины сам себя опровергает, так и перед хорошо известным возражением Дональда Дэвидсона против концептуального релятивизма [Davidson 1984]. Однако о релятивизме Фиша можно сказать еще кое-что.

Во-вторых, возникает вопрос о том, могут ли релятивисты объяснить юридические – или моральные – разногласия. Дэвид Лайонс [1982, р. 211-213] проводит различие между групповым релятивизмом агента, согласно которому действие является правильным тогда и только тогда, когда оно соответствует нормам и ценностям, принятым группой агента, и групповым релятивизмом оценщика, согласно которому действие является правильным тогда и только тогда, когда это соответствует нормам и ценностям, принятым обществом группы оценщика. Это различие представляет интерес в данном контексте, поскольку релятивизм группы оценщиков может привести к ситуации, когда два человека, Смит и Джонс, которые являются членами разных групп с разными моральными нормами выносят, как представляется, противоречивые моральные суждения о действиях агента А, совершающего действие Х.

Лайонс объясняет [1982, р. 215], что релятивист из группы оценщиков может попытаться объяснить такую ситуацию, утверждая, что либо моральным суждениям не хватает истинностной ценности, либо что истина в данном контексте относительна, и следовательно в этом нет противоречия. Здесь я сосредоточусь на втором варианте, который, на мой взгляд, является очевидным выбором для релятивиста из группы оценщиков. Как указывает Лайонс [1982, р. 222], релятивист из группы оценщиков, который предпочитает утверждать, что кажущиеся противоречивыми суждения на самом деле непротиворечивы, потому что они истинны по отношению к другим моральным устоям, он обнаружит, что теперь сталкивается с новой проблемой, а именно с тем, что он не может объяснить то, что кажется очевидным, что стороны расходятся во мнениях. Поскольку, согласно этому анализу, стороны, которые считают, что они не согласны друг с другом, на самом деле будут спорить о противоположных целях, Смит утверждает, что рассматриваемое действие требуется (или разрешено) в соответствии со стандартами, одобренными его группой, а Джонс утверждает, что это действие не требуется (или разрешено) в соответствии со стандартами, одобренными ее группой.

Лайонс предполагает, что релятивист из группы оценщиков может попытаться объяснить такое несогласие либо с точки зрения противоречивых взглядов [1982, р. 222-223], либо ограничить сферу своего релятивизма подгруппой моральных суждений, скажем, «внутренними» моральными суждениями в смысле Гилберта Хармана [1982, р. 223]. Од-

нако Лайонс возражает против первой альтернативы, утверждая, что нельзя анализировать конфликтующие установки, не анализируя также конфликтующие убеждения, что такие убеждения должны анализироваться релятивистски в соответствии с анализом соответствующих моральных суждений, и что это означает, что мы вернулись к тому, с чего начинали [1982, р. 222]. И он возражает против последней альтернативы, утверждая, что проблема с попыткой Хармана ограничить сферу своего релятивизма “внутренними” суждениями заключается в том, что идея Хармана о том, что такие утверждения обязательно – в силу их значения – связаны с мотивационным набором агента, является произвольной. Что касается второй альтернативы, Лайонс отмечает, что, согласно анализу Хармана [1982, р. 190-193], “внутреннее” моральное суждение – это суждение о том, что агент должен сделать X или что это было правильно (или неправильно) со стороны агента сделать X; идея Хармана заключается в том, что такие суждения обязательно связаны с мотивационным набором агента, потому что они не имели бы смысла, если только кто-то не предполагал, что рассматриваемый агент способен руководствоваться соответствующими моральными соображениями; и что это означает, что они требуют релятивистского анализа группы агентов. Но, возражает Лайонс, с таким же успехом можно было бы утверждать, что причина, по которой мы не говорим, что человек должен что-то сделать (или не делать), или что это было неправильно (или правильно) с его стороны, в тех случаях, когда мы не верим, что агент способен руководствоваться соответствующими моральными соображениями, не означает, как считает Харман, что такие утверждения по самому своему значению указывают на мотивационный набор агента (и, следовательно, требуют релятивистского анализа группы агентов), но было бы бессмысленно давать советы человеку, который вряд ли обратит на них внимание [1982, р. 223-224]. Таким образом, Лайонс приходит к выводу, что попытка Хармана избежать проблемы несогласия из-за того, что он ограничил свой релятивизм “внутренними” суждениями, которые требуют релятивистского анализа соответствующих моральных суждений группой агентов, потерпела неудачу.

В более поздней публикации Харман [1996, р. 32-44] предлагает вместо этого, чтобы метаэтические релятивисты могли объяснить моральные разногласия, ссылаясь на теорию квазиабсолютизма (или квазиреализма), согласно которой каждая сторона в разногласии проецирует свое (относительное) мнение, навязывает миру моральные рамки и говорит так, как будто это единственно верные моральные рамки, признавая при этом, что этот способ рассуждения – всего лишь “как будто” (о квазиреализме см. также [Блэкберн 1984, глава 6; 1993]. Если Харман прав, то два релятивиста могли бы тогда содержательно спорить, скажем, о допустимости употребления мяса, потому что, высказывая свои конкурирующие моральные утверждения, они выражали бы свое противоречивое отношение к системе стандартов, которая разрешает (или запрещает) употребление мяса. Но, как указывает Харман [1996, р. 39-41], затем возникает проблема о том, как провести различие между квазиабсолютизмом и абсолютизмом (нерелятивизмом); и он предполагает, что разница заключается в том, что в то время как абсолютист считает, будто существуют объективные условия истинности для соответствующих утверждений, квазиабсолютист полагает, что таких объективных условий истинности нет. Но прав ли он?

Т. Спаак, заң ғылымдарының докторы, Стокгольм Университетінің заң факультетінің профессоры (Стокгольм, Швеция), «Құқық және мемлекет» журналының Редакциялық кеңесінің мүшесі: Құқық философиясындағы Релятивизм.

«Көрнекті ғалымдардың еңбектерінің аудармалары» рубрикасында профессор Торбен Спаактың «құқық философиясындағы Релятивизм» атты 29 абзацының *The Routledge Handbook of Philosophy of Relativism* кітабынан аудармасы жарияланады. *Martin Kusch (ed.). Routledge, 2019. P. 272-281.* Ағылшын тілінен аударманы философия ғылымдарының докторы, Associate Professor Maqсут Narikbayev University А.Б. Дидикин автордың келісімімен орындады.

Торбен Спаак – Швед заңгер ғалымы, аналитикалық құқық философиясы, метаэтика және құқық теориясының танымал маманы. Скандинавиялық және американдық құқықтық реализмге, аналитикалық Құқықтану әдіснамасына арналған көптеген жұмыстардың авторы. Ұжымдық монографиялардың кітаптары мен бөлімдерінің авторы, соның ішінде *The Concept of Legal Competence: an Essay in Conceptual Analysis* (1994), *Guidance and Constraint: the action-guiding capacity of Theories of Legal Reasoning* (2007), *A Critical Appraisal of Karl Olivecrona's Legal Philosophy* (2014), *Cambridge Companion to Legal Positivism* (with Patricia Mindus, 2021), *Handbook on Legal Evolution* (chapter, 2022), *Legal Power and Legal Competence: Meaning, Normativity, Officials and Theories* (with Gonzalo Villa Rosas, 2023), *Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy* (chapter, 2023), *Philosophical Foundations of Precedent* (chapter, 2023), сондай-ақ жетекші шетелдік заң журналдарындағы көптеген мақалалар.

Түйінді сөздер: Құқық философиясы; релятивизм; құқықтық ұғымдар; құқық; мораль; құқықтық пайымдаулар; моральдық пайымдаулар; шындық.

T. Spaak, Doctor of Law, Department of Law, Stockholm University (Sweden, c. Stockholm), Member of Editorial Board in Law and State Journal: Relativism in the Philosophy of Law.

The translation of the 29th paragraph «Relativism in the Philosophy of Law» by Professor Torben Spaak from the book *The Routledge Handbook of Philosophy of Relativism is published in the section «Translations of works by outstanding scientists»*. Martin Kusch (ed.). Routledge, 2019. P. 272-281. The translation from English was made by A.B. Didikin, Doctor of Philosophy, Associate Professor at Maqsut Narikbayev University, with the consent of the author.

Torben Spaak is a Swedish legal scholar, a well-known specialist in the field of analytical philosophy of law, meta-ethics and theory of law. He is the author of many works devoted to Scandinavian and American legal realism, methodology of analytical jurisprudence. Author of books and sections of collective monographs, including *The Concept of Legal Competence: an Essay in Conceptual Analysis* (1994), *Guidance and Constraint: the action-guiding capacity of Theories of Legal Reasoning* (2007), *A Critical Appraisal of Karl Olivecrona's Legal Philosophy* (2014), *Cambridge Companion to Legal Positivism* (with Patricia Mindus, 2021), *Handbook on Legal Evolution* (chapter, 2022), *Legal Power and Legal Competence: Meaning, Normativity, Officials and Theories* (with Gonzalo Villa Rosas, 2023), *Encyclopedia of the Philosophy of Law and Social Philosophy* (chapter, 2023), *Philosophical Foundations of Precedent* (chapter, 2023), as well as numerous articles in leading foreign law journals.

Keywords: philosophy of law; relativism; legal concepts; law; morality; legal judgments; moral judgments; truth.

Список литературы:

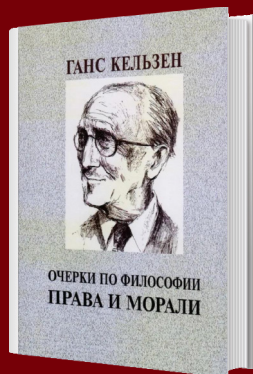
1. Alexy, Robert. 1999. A Defence of Radbruch's Formula. In David Dyzenhaus, ed., *Recrafting the Rule of Law. The Limits of the Legal Order*, 15-39. Oxford: Hart Publishing.
2. Blackburn, Simon. 1984. *Spreading the Word. Groundings in the Philosophy of Language*. Oxford: Oxford University Press.
3. Blackburn, Simon. 1993. *Essays in Quasi-Realism*. Oxford: Oxford University Press.
4. Brandt, Richard. 2001. Ethical Relativism. In Paul K. Moser and Thomas L. Carson, eds., 2001, *Moral Relativism: A Reader*, 25-31. Oxford: Oxford University Press.
5. Davidson, Donald. 1984. On the Very Idea of a Conceptual Scheme. In Donald Davidson, *Inquiries into Truth and Interpretation*, 183-198. Oxford: Oxford University Press. См. На русском языке: Дэвидсон, Дональд. Об идее концептуальной схемы. Перевод на русский язык: А.Л. Золкин. В сборнике: Аналитическая философия: Избранные тексты. Сост.: А.Ф. Грязнов. М., Изд-во МГУ, 1993. С. 144-159.

6. Doppelt, Gerald. 1982. Kuhn's Epistemological Relativism: An Interpretation and Defense. In Michael Krausz and Jack W. Meiland, eds., *Relativism. Cognitive and Moral*, 113-146. Notre Dame and London. University of Notre Dame Press.
7. Fish, Stanley. 1980. *Is There a Text in This Class?* Cambridge, MA: Harvard University Press.
8. Fish, Stanley. 1989. *Doing What Comes Naturally*. Durham: North Carolina. USA: Duke University Press.
9. Frankena, William. 1973. *Ethics*. 2nd. ed. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
10. Gowans, Chris. 2015. Moral Relativism, *The Stanford Encyclopedia of Philosophy*, Edward N. Zalta (ed.), URL <https://plato.stanford.edu/archives/sum2018/entries/moral-relativism/>
11. Harman, Gilbert. 1982. Moral Relativism Defended. In Krausz and Meiland, eds., *Relativism: Cognitive and Moral*, 189-204.
12. Harman, Gilbert. 1996. Moral Relativism. In Gilbert Harman & Judith Jarvis Thomson, *Moral Relativism and Moral Objectivity*, 3-64. Oxford, UK & Cambridge, USA: Blackwell.
13. Harrison, Geoffrey. 1982. Relativism and Tolerance. In Krausz and Meiland, eds., *Relativism: Cognitive and Moral*, 229-243.
14. Hart, H. L. A. 1982. *Essays on Bentham*. Oxford: Oxford University Press.
15. Kelsen, Hans. 1948. *Absolutism and Relativism in Philosophy and Politics*. The American Political Science Review 42: 906-914. См. на русском языке перевод А.Б. Дидикина. Кельзен Г. Абсолютизм и релятивизм в философии и политике. Дидикин А.Б. Философия права Ганса Кельзена. М., Проспект, 2021. С. 125-137.
16. Kelsen, Hans. 1960. *Reine Rechtslehre*. 2nd. ed. Wien: Österreichische Staatsdruckerei. См. на русском языке перевод М.В. Антонова, С.В. Лезова. Кельзен Г. Чистое учение о праве. СПб, ИД Алеф-Пресс, 2023. 542 с.
17. Kelsen, Hans. 1992. *An Introduction to the Problems of Legal Theory*. Trans. Bonnie
18. Litschewski Paulson and Stanley L. Paulson. Oxford: Oxford University Press. (Originally published 1934 in German under the title *Reine Rechtslehre. Einleitung in die rechtswissenschaftliche Problematik* by Franz Deudicke, Vienna.)
19. Kelsen, Hans. 1999. *General Theory of Law and State*. Trans. Anders Wedberg. Union, New Jersey: The Lawbook Exchange. (Originally published 1945 by Harvard University Press, Cambridge, Mass.)
20. Krausz, Michael and Jack W. Meiland. 1982. Introduction. In Krausz and Meiland, eds., *Relativism. Cognitive and Moral*, 1-9.
21. Kuhn, Thomas S. 1970a. *The Structure of Scientific Revolutions*. 2nd. ed. Chicago: The University of Chicago Press. См. на русском языке: Кун Т. Структура научных революций. М., Аст, 2020. 320 с.
22. Kuhn, Thomas S. 1970b. *Logic of Discovery or Psychology of Research?* In Imre Lakatos and Alan Musgrave, eds., *Criticism and the Growth of Knowledge*, 1-23. Cambridge: Cambridge University Press. См. На русском языке перевод О.А. Балла. Кун Т. Логика открытия или психология исследования? Философия науки. Вып. 3. М.: ИФ РАН, 1997.
23. Lyons, David. 1982. Ethical Relativism and the Problem of Incoherence. In Krausz and Meiland, eds., *Relativism. Cognitive and Moral*, 209-225.
24. Mackie, John. 1977. *Ethics. Inventing Right and Wrong*. London: Penguin Books.
25. O'Grady, Paul. 2002. *Relativism*. Chesham: Acumen.
26. Olivecrona, Karl. 1951. *Realism and Idealism: Some Reflections on the Cardinal Point in Legal Philosophy*. New York University Law Review 26: 120-31.
27. Radbruch, Gustav. 1950. *Legal Philosophy*. In Edwin W. Patterson, ed., *The Legal Philosophies of Lask, Radbruch, and Dabin*, 43-224. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press. (This is a translation into English of Gustav Radbruch, *Rechtsphilosophie*, 3rd ed. Leipzig: Quelle & Meyer, 1932). См. перевод Ю.М. Юмашева. Радбрух Г. Философия права. М., Межд. отношения, 2004. 240 с.

28. Ю.М. Юмашева. Радбрух Г. Философия права. М., Межд. отношения, 2004. 240 с.
29. Radbruch, Gustav. 2006. *Statutory Lawlessness and Supra-Statutory Law*. Oxford Journal of Legal Studies 26: 1-11. (Translated into English by Bonnie Litschewski Paulson and Stanley L. Paulson. This article was first published in *Süddeutsche Juristen-Zeitung* 1: 105-8 (1946) under the title 'Gesetzliches Unrecht und Übergesetzliches Recht'). См. на русском языке перевод Ю.М. Юмашева. Радбрух Г. Законное неправо и надзаконное право. В книге: Радбрух Г. Философия права. М., 2004. С. 228-240.
30. Raz, Joseph. 1979. *The Authority of Law*. Oxford: Oxford University Press. См. на русском языке перевод И. Дягиловой. Раз Дж. Авторитет права. М., 2021. 552 с.
31. Raz, Joseph. 1990. *Practical Reason and Norms*. Princeton: Princeton University Press.
32. Ross, Alf. 1959. *On Law and Justice*. Berkeley and Los Angeles: University of California Press.
33. Spaak, Torben. 2008. *Stanley Fish and the Concept of an Interpretive Community*. Ratio Juris 21: 157-171.
34. Spaak, Torben. 2009. *Meta-Ethics and Legal Theory: the Case of Gustav Radbruch*. Law and Philosophy 28: 261-290.
35. Vinx, Lars. 2007. *Hans Kelsen's Pure Theory of Law. Legality and Legitimacy*. Oxford: Oxford University Press.
36. Williams, Bernard. 1982a. An Inconsistent Form of Relativism. In Krausz and Meiland, eds., *Relativism*, 171-174.

Для цитирования и библиографии: Спаак Т. Релятивизм в философии права // Право и государство. № 2(103), 2024. – С. 34-44. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_2_34

Материал поступил в редакцию 03.06.2024.

НОВЫЕ КНИГИ

Кельзен Г. Очерки по философии права и морали. Изд.: Алеф-Пресс, 2024 г. – 292 с.

ISBN 978-5-905966-38-5

Этот сборник был опубликован в 1973 году австрийским философом Ото Вайнбергером. В книге собраны преимущественно те работы Ганса Кельзена, в которых обсуждается логика норм, ценностный релятивизм в праве и политике. В настоящем издании сохраняется, с некоторыми исключениями, структура сборника 1973 года. На русском языке тексты публикуются впервые. Книга будет интересна всем, кто интересуется историей политико-правовых идей, вопросами логики в праве, изучением взаимосвязи между политическими

идеологиями и мировоззренческими установками.

КИБЕРКЕҢІСТІКТЕГІ ЮРИСДИКЦИЯ ҚАЙШЫЛЫҒЫ: МӘСЕЛЕЛЕР МЕН МҮМКІН БОЛАТЫН ШЕШІМДЕР (ҰЛЫБРИТАНИЯ МЕН КАНАДА МЫСАЛЫНДА)

А.Ө. ШАМШИЕВА,
Maqсут Narikbayev University
Құқық жоғары мектебі
магистранты (Астана қ.,
Қазақстан Республикасы)
e-mail. asylzatshamshieva_00@
mail.ru

Қазіргі заманның ерекшелігі – ақпараттық технологиялардың қарқынды дамуы және олардың адам өміріне етене енуі. Сәйкесінше, қоғамда қалыптасқан ережелерге қайшы келетін әрекеттер орын алуы мүмкіндігі ұлғайды. Заңға қайшы әрекеттер орын алған жағдайда, соттық юрисдикцияны орнату мәселесі қандай? Тіпті, интернет және жалпы киберкеңістік бұл тұрғыда «қараңғылықты» тудырады. Қарқынды дамып жатқан ақпараттық технологияларға қолданыстағы заңнамалардың ілеспеуі мәселе тудырады. Мысалы, киберкеңістікпен байланысты дауларға қатысты соттық юрисдикцияны орнату мәселесі. Киберкеңістік және оның айналасына қатысты тақырыптар бойынша көптеген зерттеу жұмыстары болғанымен де, өкінішке орай отандық доктриналар үнсіз. Сонымен қатар, цифрлық дәуірде сот юрисдикциясын құру да күрделене түсетінін атап өткен жөн. Мысалы, интернеттің шексіз сипаты, пайдаланушылардың анонимділігі және т.б. Сондықтан осы тақырып бойынша зерттеулер жүргізу өзекті. Айтылып өткендей, отандық доктринада киберкеңістік және соттық юрисдикция тақырыбына қатысты қандай да бір зерттеу жұмыстары жоқ. Сондықтан, зерттеу жұмысын жүргізу барысында шетел заңнамалары, сот істері және осы тақырып бойынша беделді деген авторлардың жұмыстары қарастырылды. Нәтижесінде, соттық юрисдикцияны орнату барысында киберкеңістіктің ерекшелігін ескеру қажеттілігі анықталды. Яғни, қазіргі таңда бұл ерекше ортаны елемей кетуіміз мүмкін емес. Сонымен қатар, киберкеңістіктің «бір мезетте барлық жерде бола тұра, бір жерде болмау» ерекшелігі *forum non conveniens* принципінің одан әрі қатаң қолданылуына жол ашты.

Түйінді сөздер. Киберкеңістік, соттық юрисдикция, forum non conveniens, онлайн-диффамация, Қазақстан Республикасының Азаматтық процесстік кодексі, 1968 жылғы Брюссель конвенциясы (EO Регламенти 1215/2012 (Брюссель I-bis)).

Кіріспе

Интернет желісінде жарияланған мақалада Сіз туралы жалған ақпарат жазылды. Сіздің келесі әрекетіңіз? Сіз тұрған мемлекет мұндай жағдайда сот юрисдикциясын белгілей ала ма?

Келтірілген бұл мысал киберкеңістікте орын алуы мүмкін даулардың ішіндегі бірі. Бірақ, цифрлық дәуірде болып жатқан дауларға қатысты сот юрисдикциясын белгілейтін заңнаманың сәйкестігі - көптің бірі. Мысалы, Қазақстан Республикасының Азаматтық процесстік кодексінің (әрі қарай – ҚР АПК) 466-бабы бұл сұрақ бойынша жауап қатпайды.

Ал егер киберкеңістік енгізіп отырған жаңа ережелерді ескеретін болсақ, соттық юрисдикцияны орнату мәселесін қарастыру өзекті болып табылады. Бұл мақсатқа қол жеткізу үшін шетел доктриналары, заңнамалары, тәжірибелері және сот істері зерттеледі. Ең

алдымен, киберкеңістік соттық юрисдикцияны анықтауға қандай қиындықтар туғызып отыр деген сұраққа жауап берген абзал. Одан кейін туындаған сұрақтың жауабына сәйкес соттық юрисдикцияны анықтауға мүмкін болатын және қазіргі таңда жүзеге асырылып жатқан теориялар қарастырылады.

Материалдар мен әдістер

Отандық академиялық доктринасында киберкеңістік және оның соттық юрисдикциямен байланысы қарастырылмаса да, шетелде бұл тақырып аясында көптеген ғылыми материалдар жазылған. Мақаланы жазу барысында шетелдік ғылыми еңбектері, халықаралық актілер, ұлттық және шетел заңнамалары, сол сияқты бұқаралық ақпарат көздері талданды.

Мақаланы жазу барысында негізінен диалектикалық және салыстырмалы-құқықтық зерттеу әдістері қолданылған болатын. Диалектикалық әдістің ішінде анализ және синтез зерттеу тәсілдері орын алған. Яғни, әр түрлі теориялар мен принциптер жеке және жан-жақты зерттеліп, ұсынылатын біртұтас, жалпы және қолайлы теория мен принцип үшін негіз болды. Ал зерттеудің салыстырмалы-құқықтық әдісі салыстырмалы талдау жүргізуге, шетелдік тәжірибені зерделеуге, сондай-ақ бірқатар мемлекеттердің нормативтік базаларын қарастыруға септігін тигізді. Бұл зерттеуді қолдану арқылы шет мемлекеттердің тәсілдерін ұлттық заңнама тәжірибесінде қолдануға мүмкіндік туғызды.

І Киберкеңістік салдарынан туындаған мәселелер?

Киберкеңістік және соттық юрисдикция мәселесін анықтаудағы қиындықтар. Соттық юрисдикцияны орнату цифрлық дәуірде қалай қиындатылды?

- Шексіз сипат. Интернеттің шексіз сипаты – ұлттық заңнамалардың қолданылуын шектейтін бірден бір себеп болып табылады. Ұлттық құқықтық жүйелер мен Интернет арасындағы байланысты Джулия Хернле (Julia Hömle) жақсы сипаттады. Хернледің пайымдауынша, Интернет батпақты, ал өз шашын тартып тұратын адамдар Интернеттің шекарасыз юрисдикция мәселесін шешуге тырысатын ұлттық құқықтық жүйелерді белгілейді [1, 1 б.]. Бұл арқылы, Хернле ұлттық құқықтық жүйелер Интернеттің шексіздік мәселесін өздері шеше алмайды деген пікірді білдірді.

- Қолданушылардың анонимдігі. Әдетте интернет-қолданушылар бұл ортада белгісіз болып қалады.

- Интернет-технологиялардың қарқынды дамуы. Интернет-технологиялардың қарқынды дамуы салдарынан, қолданыстағы заңнамалар киберкеңістікпен байланысты туындаған кейбір дауларға қолданылмауы мүмкін.

- Lex loci delicti қағидатында орын алатын белгісіздік факторы. Дәстүрлі түрде бұл принципте зиян келтіру орны мен юрисдикция арасында қандай да бір байланыс орын алады. Алайда, Интернет желісінде таралған ақпараттардың салдары тек қана бір мемлекетте ғана орын алмауы мүмкін [2, 9 б.].

Цифрлық дәуірді ескере отырып, киберкеңістіктің қазіргі таңдағы белгісіздігін тудыру ықтималдығы орын алуда. Себебі, киберкеңістік деген кезде «ол не?» және «қайда орналасқан?» деген сұрақтар орын алады. Ал соттық юрисдикция мәселесін қоссақ, тіптен «қалай?» деген сұрақ пайда болады. Яғни, киберкеңістіктің айналасында жүрген белгісіздік мәселесіне тоқтала кетсек.

Белгісіздік? Сәйкесінше, ең алдымен киберкеңістік қайда орналасқан деген сұрақ туындайды. Атап айтқанда, заңгерлердің айтуынша киберкеңістіктің проблемасы – онда «ол жерде» деген жоқ [3, 81 б.]. Адамзаттың әрбір бастамасы секілді, киберкеңістік те шексіз заңи проблема туғызады. Мысалы, заң технологиялардың трансұлттық аспектілерін ескеретін дәйекті доктринаға сәйкестігін әлі қамтамасыз еткен жоқ. Яғни, киберкеңістікте әр түрлі мүдделердің орын алуын ескеру қажет. Онымен қоса, сол мүдделердің арасында дұрыс тепе-теңдігін табу қажет. Яғни, киберкеңістікпен байланысқан дауларды қарастыру барысында юрисдикцияны орнату мәселесі тек қана ұлттық соттарда туындамайды, сонымен қатар шетел соттарында да аталған сұрақ орын алады. Басқаша айтқанда, кибер-

кеңістікпен байланысты туындайтын дауларға соттық юрисдикция орнату өте маңызды. Сонымен қатар, киберкеңістік пен юрисдикцияның маңыздылығын атап өткен Генрик Хансен (Henrik Spang-Hanssen) интернетке қатысты әрбір істе юрисдикция орнату негізгі мәселе болады [4, 1 б.]. Себебі, бұндай дауларға соттық юрисдикцияны орнатуға қатысты құқықтық белгісіздік бірнеше мәселеге алып келеді. Мысалы:

1. АҚШ-та тұратын қазақстандық Бразилияда онлайн жүйе арқылы Италияға ұшатын ұшаққа билет сатып алады. Бұл сайттың сервері Қытайда орналасқан, ал авиакомпания Грецияда. Егер де осы билет аясында қандай да бір дау туындаса, қазақстандық сот өз юрисдикциясын орната алады ма? Қай елдің юрисдикциясы орын алуы қажет?

2. Индия тұрғыны өзінің Facebook, Instagram немесе басқа да әлеуметтік жүйелерінде жала жабу ақпаратын жариялады. Бұл ақпарат 30 елде, сонымен қатар Қазақстанда оқилуға таратылды. Сонда, қазақстандықтың ар-намысына залал келтірілген жағдайда қай елдің сотына талап арыз жазады? Кімге қарсы? Жарияланған жалған ақпарат Қазақстанда ғана жалған болса, барлық елдің әлеуметтік жүйелерінде өшірілу қажет пе?

3. Бразилия мемлекетіндегі дүкен өз қызметін онлайн атқару мүмкіндігі бар. Сайт толықтай португал тілінде. Бұл байланыс арқылы Еуропалық Сотта бразилиялық бизнеске қарсы талап арыз жазуға болады ма, жоқ па?

Яғни, киберкеңістіктің кеңеюі тек адам өмірін жақсартып қана қоймай, сонымен қатар потенциалды түрде зардап шегушілердің шеңберін кеңейтті [5, 5 б.]. Сонда көріп отырғанымыздай, киберкеңістіктің трансшекаралық сипаты сонда, бір мемлекетте орналасып ақпараттық технологияларды заңсыз пайдалана отырып, салдары басқа мемлекеттегі азаматқа тиеді. Ал, сонда зардап шеккен тарап бұзылған құқығын қалпына келтіру үшін басқа елдің сотына талап арыз жазуы қажет пе?!

Киберкеңістікте жүзеге асырылатын іс-әрекеттер геофизикалық шекаралармен шектелмейтінін ескеретін болсақ, интернет іс жүзінде әлемді «цифрлық ауылға» айналдырды [6, 15 б.]. Бұл өз кезегінде дәстүрлі юрисдикцияның негізін құрайтын демаркациялардың бұлыңғырлануына әкелді. Белгілі бір географиялық территорияны иеленбеген интернеттің пайда болуы, дәстүрлі заң ережелерін қолдану үшін қиын болып қалады. Себебі, белгілі бір салада орын алған мәмілелер бірнеше юрисдикцияларға әсер етуі мүмкін, өйткені субъектілер әлемнің кез келген нүктесінде өзара әрекетке түсе алады. Ал, мәмілеге қатысы бар ақпараттар, деректер әртүрлі жерлерде сақтауға және өңдеуге болады [6, 15 б.]. Сәйкесінше, логикалық түрде орын алатын сұрақ, киберкеңістік өз табиғаты бойынша жаһандық болса, оның негізінде туындаған дауларға қатысты соттық юрисдикция қалыптасқан құқықтық нормалармен реттеледі ме? [6, 15 б.]

eDate Advertising GmbH v X ісінде сот, өткен ғасырдың соңғы онжылдығында интернеттің, атап айтқанда дүниежүзілік желінің (World Wide Web) пайда болуы мен дамуы ақпараттарды тарату мен алу әдістері мен технологияларында терең өзгерістерге алып келді. Осы құбылыстың нәтижесінде қазіргі таңда көптеген құқықтық категориялардың тұжырымдамасы мен қолданылу аясына әсер етті. Бұл белгісіздік халықаралық юрисдикция мәселесіне де келіп тірелді [7].

II Киберкеңістіктегі юрисдикцияға байланысты қалыптасқан теориялар.

Киберкеңістікте әртүрлі жағдайда және амалмен орын алуы мүмкін дауларға қатысты соттық юрисдикцияны орнату қажеттілігі туындап отыр. Осыған байланысты құқықтану үш негізгі мектепке бөлінеді:

Джон Перри Барлоу бастаған мектеп ұстанымына сай, киберкеңістік тәуелсіз болуы қажет. Осылайша, киберкеңістік өзіне қатысты кез-келген мемлекеттік құқықтық юрисдикциядан бас тартады. Сәйкесінше, оның өзіндік бірегей ережелері мен заңдары болуы керек [8].

Келесі мектептің ұстанымына келсек, Джонсон мен Посттың пікірлерінше, киберкеңістікті жаңадан қалыптасқан бөлек бір «кеңістік» ретінде санау қажет. Сәйкесінше, бұл «кеңістіктің» реттелу жолы жаңадан нормалардың шығуын қажет етеді», – деп пай-

ымдаған [9]. Адамс пен Альбакаджай қолданыстағы құқықтық жүйелерді сынайды. Себебі, киберкеңістіктен туындайтын дауларды қарастырған кезде қолданыстағы құқықтық нормалармен мәселені шешу күрделі. Сондықтан да, кибер даулар нақты ережелермен реттелуі керек [10, 258 б.].

Лоуренс Лессинг бастаған үшінші мектеп, киберкеңістік ережелерден тыс қарастырыла алмайды. Алайда, бұндай ережелер технологиялардың ерекшелігі тұрғысынан қарастырылуы қажет [11, 124-125 б.].

Әлде бұл мәселені шешу үшін, Голдсмиттің пікірін ұстанған жөн бе? Голдсмиттің пайымдауынша, киберкеңістікте орын алатын жағдайлар «нақты кеңістікте» орын алатын жағдайлармен ұқсас. Мәселен, интернетте орын алатын транзакциялар мен нақты кеңістікте орын алатын транзакциялардың арасында еш айырмашылық жоқ. Транзакция белгілі бір пайда алып келеді немесе кей жағдайда зиянын келтіреді. Және киберкеңістіктегі транзакцияға мемлекеттер нормативтік жүйе арқылы аумақтық күшін жүзеге асыра алады» [12].

Киберкеңістікте орын алған әрекет тек қана бір мемлекетпен байланысты болмайды, ол әдетте трансшекаралық сипатқа ие. Сол себепті де, туындап отырған бұндай белгісіздікті реттеу маңызды сұраққа ие. Ал реттеу әрекеті әрине де ең алдымен юрисдикцияның анықталуымен жүзеге асады.

Соттық юрисдикцияны орнату теориялары

Киберкеңістік өзінің сипаты бойынша «барлық жерде бола тұра бір жерде жоқ» дегенді білдірсе, сол сияқты әртүрлі даулардың туындауына мүмкіндік береді. Оның ішінде шарттан және шарттан тыс міндеттемелерге қатысты даулар, интеллектуалдық меншік құқығынан туындайтын даулар. Ал осындай істерге қатысты соттық юрисдикцияны орнату мәселесін қарастыру үшін – Ұлыбритания мемлекетінің ұстанымын мысал келтірейік.

Ұлыбритания Еуропалық Одақтың мүшелігінен шыққанын ескерсек [13], қазіргі таңда аталған мемлекетте екі схема бойынша соттық юрисдикция орнатылады.

- Еуропалық схема.

- Ортақ құқық схемасы.

Еуропалық схема. Әлбетте соттық юрисдикцияны орнату барысында халықаралық жеке құқықтың ережелері қолданылады. Алайда, халықаралық шарттардың да барын естен шығармау керек. Мысалы, Еуропа Одағында жауапкердің тұрғылықты жеріне байланысты келесідей ережелер қолданылады:

- ЕО-да немесе Брюссель¹ немесе Лугано конвенцияларына қатысушы мемлекетте тұратын жауапкерлер үшін Еуропалық схема қолданылады.²

- Басқа аумақта тұратын жауапкерлерге қатысты ортақ құқық қолданылады [14, 108 б.].

Жалпы алған юрисдикцияны анықтаудың негізгі ережесі келесідей:

- Жауапкердің тұрғылықты жері бойынша (2-бап) [15]; бірақ

- Балама амал ретінде «зиянды әрекет орын алған жерде» қарастырылады. Еуропалық сот бұл мүмкіндікті келесідей түсіндірді:

- залал келтіруге әкеп соққан оқиға орны бойынша, немесе

- залал орын алған жер бойынша (5 (3)-бап) [15].

Киберкеңістікте орын алатын даулардың ерекшелігін ескеретін болсақ, залал бірнеше мемлекеттің аумағында келтірілген факт орын алуы мүмкін. *Shevill v. Alliance SA (1995)* ісінде, Еуропалық сот жалған жарияланған ақпарат салдарынан бірнеше жерде туындаған залалды Брюссель конвенциясының 5 (3) – бабына сәйкес келесідей талдау қажет деп түсіндірген:

- Ақпарат басылған және айналымға шығарылған жер; немесе

¹Өтпелі кезеңге дейін орын алған жағдайларға қатысты Ұлыбританияда Брюссель Конвенциясы қолданылады. Ал жалпы қазіргі таңда Брюссель Конвенциясы Брюссель Ibis Регламенті болып саналады.

²Іс бойынша іс жүргізу өтпелі кезең аяқталғанға дейін басталуы керек. Өтпелі кезең 2020 жылдың 32 желтоқсаны сағат 11-ге дейін.

- Ақпарат нақты оқылған орын немесе орындар; немесе

- Талап қоюшының айтарлықтай беделі қалыптасқан орын немесе орын [16, s.16].

Егер де жалған ақпарат Брюссель конвенциясының қатысушысы емес мемлекетте жарияланған болса, онда ақпаратқа қатысы бар жеке немесе заңды тұлға орналасқан жер залал орын алған жер деп қарастырылуы қажет. Бірақ ескерілетін жағдай, ол – жеке немесе заңды тұлғаның айтарлықтай беделінің қалыптасу факторы [16, s.29].

Ортақ және жалпы құқық схемасы. Дей келгенмен, жауапкердің Брюссель конвенциясына қатысушысы мемлекетте тұрақты тұрғылықты жері болмаса, *forum non conveniens* ережесін естен шығармау қажет. *Spiliada Maritime Corp v Cansulex Ltd 1987* ісінде «тиісті юрисдикцияның жарамдылығын (the suitability) немесе орындылығын (the appropriateness)» орнату қажеттілігі белгіленді. Ағылшын сотынан басқа сот қолайлы болса, сот істі қарастыруын тоқтады. Ал қолайлы форумды анықтау, іс-әрекеттің ең нақты және маңызды байланысы бар елді анықтаумен байланысты [17, 104-110].

Канада. Канада мемлекетінің мысалында қарастыратын болсақ, аталған мемлекеттің қолданыстағы заңнамасына сәйкес, үшінші тарап беделді түсіретін ақпаратқа қол жеткізген, оқыған немесе жүктеген кез келген жер жала жабу фактісі орын алған жер ретінде танылады. Алайда, киберкеңістік тұрғысынан бұл мәселеге нақты жауап табу қиындық тудырады. Себебі, интернет арқылы жарияланған ақпарат әлемнің кез келген нүктесінде пайда болатынын ескерген жөн. Сонда, Канада мемлекетінде орналасқан Онтарио провинциясының соты кез келген мемлекеттің юрисдикциясына жату ықтималдығы бар істі қай кезде қабылдай алады? Бұл тұрғыда заңнамада олқылық бар. Мысалы, *Goldhar vs. Haaretz.com (2018)* ісін қарастырсақ. Канадалық бизнесмен Голдхар мырза израильдік футбол командасын сатып алады. Торонтода және Израильде тұрғылықты жері болады. Ал Израильде едәуір беделі қалыптасады. Израильдік «Haaretz» газеті Голдхар мырзаның бизнесті басқаруға қабілеті жеткіліксіз деп ағылшын тілінде мақала жазады. Мақала онлайн (газеттің ресми сайтында) және оффлайн қолжетімді болды. Интернет желісі арқылы аталған мақаланы 200-300-ге жуық Канада тұрғындары және 70 000-ға жуық Израиль тұрғындары оқыған. Голдхар мырза Онтарио провинциясының сотына Haaretz газетіне қарсы талап арыз жазады. Апелляциялық соттың шешімін Канаданың Жоғарғы Соты күшін жойды. Себебі, Жоғарғы Соттың шешіміне сәйкес, Онтарио өз юрисдикциясын орнатуға құқығы болғанымен, Израиль ыңғайлы форум ретінде қарастырылуы қажет еді [18].

Интернет салдарынан жала жабу фактісінің таралу аумағының ұлғаюына байланысты Канадада фундаменталды іс ретінде – *Goldhar vs. Haaretz.com (2018)* ісі қарастырылады. Аталған істің соттық юрисдикцияны орнату мәселесін келесідей схема арқылы жүзеге асыру өзгерісін енгізді.

- Болжамды юрисдикция – соттың сот ісіне қатысты болжамды юрисдикциясы бар ма?

- Теріске шығару – егер жауап ИӘ болса, бұл жағдайда да болжамды юрисдикцияны жоққа шығаруға мүмкін бе?

- Ыңғайсыз форум – егер жауап ЖОҚ болса, сот өз юрисдикциясын орнату керек пе немесе сот ісі басқа ыңғайлы (қолайлы) форумға берілуі керек пе? [19]

Болжамды юрисдикция. Белгіленген критерийлердің біріне сай келсе, сот өзінің болжамды юрисдикциясын орната алады. Олар: жауапкердің форум орналасқан жерде домицилийі болса, жауапкер сол жерде кәсіпкерлік қызметпен айналысса, деликттік әрекет орын алған жер болса немесе дауға байланысты шарт форум орналасқан жерде жасалынса. Интернетпен байланысты туындаған дауға қатысты деликттік әрекет бойынша соттық юрисдикцияны орнату мүмкіндігі жеңілдеу. Алайда, сол сияқты бұл жауапкерге болжамды юрисдикцияның дұрыстығын теріске шығаруға мүмкіндік туғызады.

Теріске шығару. Іс пен сот арасындағы байланыстырушы факторлардың аздығы жауапкерге юрисдикцияны теріске шығаруға мүмкіндік береді. Алайда, бұл тек қана жауапкер дәл осы сотқа бұл іс бойынша жауап беру үшін шақырылады деп күту ақылға қонымсыздықпен байланысты.

Ыңғайсыз форум. Екі тараптың теңдік құқығын сақтауға мүмкіндік беретін *forum non conveniens* қағидаты. Егер бастапқы екі кезеңде сот өзінің юрисдикциясын орнатқан жағдайда, жауапкер істің бұл сотта емес, басқа қолайлы сотта қарастырылу қажеттігін дәлелдеу керек.

Қорытынды

Қорытындылай келе, цифрлық дәуір енгізіп отырған жаңа ережелер қазіргі таңда соттық юрисдикцияны анықтау мәселесіне де өз өзгерістерін енгізді. Ең алдымен, киберкеңістік бұрын соңды болмаған кеңістік ретінде қалыптасып, сәйкесінше бұл кеңістікті елейтін нормалар да қалыптасуы абзал. Әрине де, белгілі бір тұрғыда соттық юрисдикцияны орнату қиындық туғызады. Атап айтқанда, киберкеңістіктің шексіз сипаты, ондағы қолданушылардың анонимдігі, ақпараттық технологиялардың қарқынды дамуы және *Lex loci delicti* қағидатында орын алатын белгісіздік факторы. Әлбетте, бұл тізімді жабық қалдыру орынсыз. Дей келгенмен де, бастапқы қиындықтарды ескере отырып, киберкеңістік мәселесінде соттық юрисдикцияны орнату кезінде аталған органы елемей кету мүмкіндігі жоқ. Сол себептен де, интернет желісінің барлық дерлік жерде қол жетімділігін ескерсек, заңға қайшы әрекет орын алған кезде, талап қоюшының өзіне ыңғайлы кез келген сотқа талап арыз жазу мүмкіндігі едәуір көп. Екі тараптың теңдік құқығын сақтау үшін *forum non conveniens* қағидатын да ескеру қажеттігі туындап отыр. Алайда, қалыптасқан теория Ұлыбритания мен Канаданың мысалында алынғанын ескерген жөн.

А.Ө. Шамшиева, Магистрант Высшей школы права Maqsut Narikbayev University (г. Астана, Республика Казахстан): Конфликт юрисдикций в киберпространстве: существующие проблемы и возможные пути решения на примере Великобритании и Канады.

Особенностью современности является стремительное развитие информационных технологий и их интеграция в жизнь человека. Соответственно, увеличилась территория, на которой могут происходить действия, противоречащие правилам, сложившимся в обществе. Какова проблема установления судебной юрисдикции в случае противоправных действий? Даже интернет и киберпространство в целом создают в этом отношении «тьму». Проблема заключается в несоблюдении действующего законодательства к динамично развивающимся информационным технологиям. Например, вопрос установления судебной юрисдикции в отношении споров, связанных с киберпространством. Хотя существует множество исследовательских работ по темам, связанным с киберпространством и его окружением, к сожалению, отечественные доктрины молчат. Кроме того, следует отметить, что установление судебной юрисдикции в эпоху цифровых технологий также усложняется. Например, бесконечный характер интернета, анонимность пользователей и многое другое. Поэтому проведение исследований по данной теме актуально. Как уже было упомянуто, в отечественной доктрине отсутствуют какие-либо исследовательские работы по теме киберпространства и судебной юрисдикции. Поэтому в ходе проведения исследовательской работы были рассмотрены зарубежное законодательство, судебные дела и работы авторитетных авторов по данной теме. В результате в ходе установления судебной юрисдикции была выявлена необходимость учета специфики киберпространства. То есть в настоящее время мы не можем игнорировать эту особую среду. Кроме того, специфика киберпространства «быть в одном месте, но не везде одновременно» проложила путь к дальнейшему строгому применению принципа *forum non conveniens*.

Ключевые слова. Киберпространство, судебная юрисдикция, forum non conveniens, онлайн-диффамация, гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан, Брюссельская конвенция 1968 года (Регламент ЕС 1215/2012 (Брюссель I-bis)).

A.U. Shamshiyeva, Master's student of the Higher School of Law of the Maqsut Narikbayev University (Astana, Kazakhstan): Conflict of jurisdictions in cyberspace: existing problems and possible solutions using the example of Great Britain and Canada.

A feature of modernity is the rapid development of information technologies and their integration into human life. Accordingly, the territory has increased in which actions that contradict the rules established in society can take place. What is the problem of establishing judicial jurisdiction in the case of illegal actions? Even the Internet and cyberspace in general create «darkness» in this regard. The problem lies in non-compliance with the current legislation on dynamically developing information technologies. For example, the issue of establishing judicial jurisdiction over disputes related to cyberspace. Although there are many research papers on topics related to cyberspace and its environment, unfortunately, domestic doctrines are silent. In addition, it should be noted that the establishment of judicial jurisdiction in the digital age is also becoming more complicated. For instance, the endless nature of the Internet, the anonymity of users, and much more. Therefore, researching this topic is relevant. As already mentioned, there are no research papers on the topic of cyberspace and judicial jurisdiction in the domestic doctrine. Therefore, during the research work, foreign legislation, court cases, and the work of reputable authors on this topic were considered. As a result, during the establishment of judicial jurisdiction, the need to take into account the specifics of cyberspace was revealed. That is, we cannot ignore this special environment at the moment. In addition, the specifics of cyberspace «to be in one place, but not everywhere at the same time» paved the way for further strict application of the principle of *forum non conveniens*.

Keywords: Cyberspace, judicial jurisdiction, forum non conveniens, online defamation, Code of Civil Procedure of the Republic of Kazakhstan, Brussels Convention of 1968 (EU Regulation 1215/2012 (Brussels I-bis)).

Пайдаланылған әдебиеттер:

1. Hörnle J. Internet jurisdiction law and practice. Oxford University Press, 2021.
2. Raut B. K. Determining the Judicial Jurisdiction in the Transnational Cyberspace : дис. Queensland University of Technology, 2004.
3. Burnstein M. R. Conflicts on the net: Choice of law in transnational cyberspace. *Vand. J. Transnat'l L.* 1996. Т. 29;
4. Resnick R. Cyber-tort: The New Era. *Nat LJ*, 1994, July, 18, note 25.
5. Spang-Hanssen H. S. Cyberspace Jurisdiction in the US (From an Alien's Point of View). *The International Dimension of Due Process. COMPLEX SERIES.* 2001. №. 5/01.
6. Finklea K. M. The interplay of borders, turf, cyberspace, and jurisdiction: Issues confronting US law enforcement. Congressional Research Service, Library of Congress, 2011.
7. Сафоева С. М. Границы юрисдикции в киберпространстве: трансформация гражданско-правовых отношений. *Universum: экономика и юриспруденция.* 2023. №. 8 (107). С. 13-21.
8. *eDate Advertising GmbH v X (C-509/09) and Olivier Martinez and Robert Martinez v Société MGN Limited (C-161/10)* <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX:62009CC0509> s.31.
9. Barlow J. P. A Declaration of the Independence of Cyberspace. *Duke L. & Tech. Rev.* 2019. V. 18;
10. Barlow J. P. A Declaration of the Independence of Cyberspace. *Electronic Frontier Foundation.* 2018.
11. Johnson D. R., Post D. Law and borders: The rise of law in cyberspace. *Stanford Law Review.* 1996. P. 1367-1402.
12. Adams J., Albakajai M. Cyberspace: A new threat to the sovereignty of the state. *Management Studies.* 2016. V. 4. №. 6.
13. Lessig L. *Code: And other laws of cyberspace* Version 2.0. Basic Books, New York, 2006.
14. Goldsmith J. L. Against cyberanarchy. *The University of Chicago Law Review.* 1998. V. 65. №. 4. P. 1199-1250.
15. Agreement on the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community (2019/C 384 I/01)

16. Lambert P. Gringras: The laws of the internet. Gringras. 2022. P. 1-696.
17. Brussels Convention on jurisdiction and the enforcement of judgments in civil and commercial matters 1968 <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX-%3A41968A0927%2801%29>
18. Fiona Shevill, Ixora Trading Inc., Chequepoint SARL and Chequepoint International Ltd v Presse Alliance SA (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX-%3A61993CJ0068> March 7, 1995).
19. Mohan R. C. New Rules on Forum Conveniens: Spiliada Maritime Corporation v. Cansulex Limited. Malaya L. Rev. 1987. V. 29.
20. Haaretz.com v. Goldhar (Supreme Court June 6, 2018). Retrieved from <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/sccscsc/en/item/17115/index.do>
21. Ontario, Law Commission of, Defamation Law in the Internet Age: Final Report (March 1, 2020). Law Commission of Ontario, Defamation Law in the Internet Age: Final Report (Toronto: March 2020), Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3565327>

References:

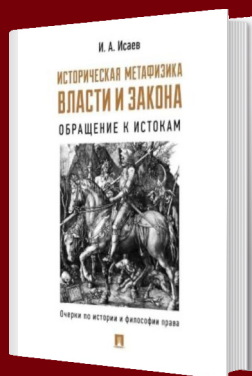
1. Hörnle J. Internet jurisdiction law and practice. Oxford University Press, 2021.
2. Raut B. K. Determining the Judicial Jurisdiction in the Transnational Cyberspace: Doctoral dissertation. Queensland University of Technology, 2004.
3. Burnstein M. R. Conflicts on the net: Choice of law in transnational cyberspace. Vand. J. Transnat'l L. 1996. V. 29;
4. Resnick R. (1994). Cyber-tort: The New Era. Nat LJ, July, 18, note 25.
5. Spang-Hanssen H. S. Cyberspace Jurisdiction in the US (From an Alien's Point of View)-The International Dimension of Due Process. COMPLEX SERIES. 2001. №. 5/01.
6. Finklea K. M. The interplay of borders, turf, cyberspace, and jurisdiction: Issues confronting US law enforcement. Congressional Research Service, Library of Congress, 2011.
7. Safoeva S.M. C. M. Borders of jurisdiction in cyberspace: transformation of civil legal relations. Universum: Economics and law. 2023. №. 8 (107). C. 13-21.
8. eDate Advertising GmbH v X (C-509/09) and Olivier Martinez and Robert Martinez v Société MGN Limited (C-161/10) <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX-%3A62009CC0509>
9. Barlow J. P. A Declaration of the Independence of Cyberspace. Duke L. & Tech. Rev. 2019. T. 18;
10. Barlow J. P. A Declaration of the Independence of Cyberspace. Electronic Frontier Foundation. 2018.
11. Johnson D. R., Post D. Law and borders: The rise of law in cyberspace. Stanford law review. 1996. C. 1367-1402.
12. Adams J., Albakajai M. Cyberspace: A new threat to the sovereignty of the state. Management Studies. 2016. T. 4. №. 6.
13. Lessig L. Code: And other laws of cyberspace Version 2.0.. Basic Books, New York, 2006.
14. Goldsmith J. L. Against cyberanarchy. The University of Chicago Law Review. 1998. T. 65. №. 4. C. 1199-1250.
15. Agreement on the withdrawal of the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland from the European Union and the European Atomic Energy Community (2019/C 384 I/01)
16. Lambert P. Gringras: The laws of the internet. Gringras. 2022.
17. Brussels Convention on jurisdiction and the enforcement of judgments in civil and commercial matters 1968 <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX-%3A41968A0927%2801%29>
18. Fiona Shevill, Ixora Trading Inc., Chequepoint SARL and Chequepoint International Ltd v Presse Alliance SA (<https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX-%3A61993CJ0068> March 7, 1995). s.16
19. Mohan R. C. New Rules on Forum Conveniens: Spiliada Maritime Corporation v. Cansulex Limited. Malaya L. Rev. 1987. T. 29.

20. Haaretz.com v. Goldhar (Supreme Court June 6, 2018). Retrieved from <https://scc-csc.lexum.com/scc-csc/sccsc/en/item/17115/index.do>.

21. Ontario, Law Commission of, Defamation Law in the Internet Age: Final Report (March 1, 2020). Law Commission of Ontario, Defamation Law in the Internet Age: Final Report (Toronto: March 2020), Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3565327>

Для цитирования и библиографии: Шамшиева А.Ө. Киберкеңістіктегі юрисдикция қақтығысы: мәселелер мен мүмкін болатын шешімдер (Ұлыбритания мен Канада мысалында) // Право и государство. № 2(103), 2024. – С. 45-53. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_2_45

Материал поступил в редакцию 08.03.2024.

НОВЫЕ КНИГИ

Исаев И.А. Историческая метафизика власти и закона: обращение к истокам. Очерки по истории и философии права. Изд.: Проспект, 2024 г. – 432 с.

ISBN 978-5-392-40042-3

Все государства формировались и развивались под непосредственным влиянием двух великих сил — власти и закона. На протяжении всей истории человечества прослеживается их взаимодействие. Очерки по истории и философии права характеризуют главным образом Новое и Новейшее время европейской цивилизации, уходящей своими корнями еще в Античность. Хотя, безусловно, каждая историческая эпоха воздвигала собственные политико-правовые культы, создавая политические мифы и актуальные идеологические концепты государства и права.

Издание представляет интерес для всех, кого волнуют актуальные вопросы истории и теории государства и права, философии и социологии права, политико-правовой мысли, истории, политологии и пр. Несомненную пользу оно принесет специалистам более широкого, междисциплинарного профиля, изучающим политическую и социальную философию.

Книга «Историческая метафизика власти и закона: обращение к истокам. Очерки по истории и философии права» представляет глубокое исследование эволюции власти и закона через призму истории и философии права. Авторы анализируют ключевые периоды истории, воздействовавшие на формирование правовых институтов, обращаясь к классическим источникам и философским концепциям, которые легли в основу законодательства и политической власти. Книга проводит параллели между прошлыми и современными политическими реалиями, рассматривая историческую метафизику, эволюцию власти, философские концепции права и актуальные тенденции правовой философии.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ И ТЕРРИТОРИАЛЬНАЯ ПОДСУДНОСТЬ СУДОВ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН: ПРОБЕЛЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

М.А. МОТТАЛЕБ,
Teaching & Research Assistant
Высшей школы права
Maqsut Narikbayev University
(г. Астана, Республика
Казахстан)
E-mail: mohamed_mottaleb@
outlook.com

Актуальность данной статьи состоит в рассмотрении положений статьи 466 Гражданский процессуальный кодекс Республики Казахстан, касающихся рассмотрения дел с участием иностранных лиц, находящихся на территории Республики Казахстан. Согласно вышеуказанной статье, субъектами выступают организации или граждане в качестве ответчиков с местонахождением или проживанием на территории Казахстана. Касательно граждан-ответчиков подчёркивается важность устойчивого места жительства как основание определения места жительства согласно статье 16 Гражданского кодекса Республики Казахстан. Тем не менее исследование отмечает возможные трудности в толковании понятия «преимущественного проживания» и его взаимосвязи с временной регистрацией. Вместе с тем исследование рассматривает все одиннадцать оснований, предусмотренных пунктом 2 статьи 466 Гражданско-процессуального кодекса о международной компетенции, и анализирует их с точки зрения соотношения с нормами о территориальной подсудности, предусмотренных статьями 29 и 30 Гражданско-процессуального кодекса.

Предметом исследования является анализ положений внутренней (территориальной) и международной юрисдикции судов Республики Казахстан.

Цель настоящего исследования заключается в проведении сравнительного анализа механизмов определения компетенции судов по территориальной подсудности в различных категориях дел в контексте их международной компетенции с целью выявления практических недостатков действующего законодательства.

Ключевые слова: Гражданский процессуальный кодекс, юрисдикция казахстанский судов, международная компетенция, территориальная подсудность, иностранный элемент, организация-ответчик, гражданин-ответчик, местонахождение юридического лица, место жительства физического лица, возврат государству незаконно приобретённых активов

Введение

Гражданский процессуальный кодекс РК (*далее – ГПК РК*) закрепляет основания для установления юрисдикции судов РК. В случае возникновения спора, имеющего иностранный элемент, законодательство предусматривает сначала рассмотрение международной компетенции казахстанского суда, которая регламентирована в Разделе 4 ГПК РК, и затем предусматривает территориальную подсудность согласно Главе 3 ГПК РК. Следовательно, суду сначала необходимо рассмотреть, могут ли суды РК рассматривать какой-либо спор в рамках международной компетенции, и лишь потом рассматривается вопрос о том,

в каком суде должен рассматриваться спор. Тем не менее положения о международной компетенции, определяющие подсудность спора судам РК, указанные в Разделе 4, не всегда синхронизируются с территориальной подсудностью. Аналогично наоборот, имеется территориальная подсудность определенных категорий дел, но не имеется международная компетенция судов РК.

Вышеуказанную проблему отмечает Н.С. Ешниязов, который указывает на недостатки норм ГПК РК, касающихся международной компетенции суда в соответствии с положениями статей о территориальной подсудности. [1, с.16-34].

Материалы и методы

В статье в качестве источников использованы нормативные правовые акты Республики Казахстан, научная литература по теме, а также характерный для юридической науки формально-юридический метод.

Основные положения

Статья 466.1 ГПК РК предусматривает, что суды Республики Казахстан рассматривают дела с участием иностранных лиц, если организация-ответчик находится или гражданин-ответчик имеет место жительства на территории Республики Казахстан. Субъектами рассмотрения выступают:

1. Организация-ответчик;
2. Гражданин-ответчик.

Под организацией-ответчиком понимается юридическое лицо, в то время как под гражданином-ответчиком – физическое лицо. Обязательным условием является местонахождение юридического лица или места жительства физического лица на территории РК.

Местонахождением казахстанского юридического лица согласно ч. 2 ст. 29 ГПК РК является место регистрации учредительных документов и (или) адрес, внесённый в Национальный реестр бизнес-идентификационных номеров. В отношении местонахождения юридического лица отсутствует противоречие между международной компетенцией и территориальной подсудностью.

Касательно граждан-ответчиков место жительства определяется согласно ч. 1 ст. 29 ГПК РК, которая в свою очередь отсылает к нормам Гражданского кодекса РК (*далее – ГК РК*). Согласно п. 1 ст. 16 ГК РК местом жительства признается тот населённый пункт, где гражданин постоянно или преимущественно проживает. Соответственно, физическое лицо должно иметь постоянное место жительства согласно первой формулировке. Однако, *«преимущественно проживает»* может быть истолковано никак иначе как временное проживание и (или) временная регистрация (ст. 51 Закона Республики Казахстан «О миграции населения») [2]. Однако суд РК не сможет рассматривать граждан в качестве временно пребывающих/имеющих временную регистрацию на территории РК:

- 1) лиц, которые прибывают на территории РК не более 3 дней (п. 9 Правил) [3],
- 2) обладающих дипломатическим или служебным паспортом; прибывших в Республику Казахстан с визой Республики Казахстан категории «дипломатическая», «служебная», «инвесторская» или при подтверждении статуса «инвестора» от уполномоченного органа (для стран с безвизовым режимом пребывания) (ч. 10 Правил), и
- 3) граждан Российской Федерации (ст. 1) [4] и иностранцев, являющихся гражданами стран-участниц Евразийского экономического союза (ст. 5) [5].

Тем самым если вышеперечисленные лица не имеют постоянного места жительства в РК и освобождены и (или) не проходят временную регистрацию, то каким образом определяется статус их нахождения на территории РК, остаётся не совсем ясным. В случае если вышеупомянутые лица осуществляют действия частноправового характера (и (или) иные действия) и де-факто находятся на территории РК, то встаёт вопрос, имеет ли суд РК международную компетенцию, согласно ч.1 ст.466 ГПК РК, ввиду фактического нахождения физического лица (в качестве ответчика) в РК.

Статья 466.2 ГПК РК предусматривает, что суды РК также рассматривают дела с участием иностранных лиц в случае наличия одного из одиннадцати оснований, указанных в статье.

Статья 466.2.2 ГПК РК гласит, что суды РК рассматривают дела, если орган управления, филиал или представительство иностранного лица находятся на территории Республики Казахстан. Однако, = положение ст. 30.3 ГПК РК не предусматривает понятия «орган управления», соответственно территориальная подсудность не предусматривает предъявление иска по месту нахождения органа управления в РК. Учитывая положение ст. 63 Налогового кодекса РК *«юридическое лицо-нерезидент при наличии у него в Республике Казахстан постоянного учреждения без открытия структурного подразделения и принятия решения о переносе места эффективного управления (места нахождения фактического органа управления) ...находится в Республике Казахстан»* [6], то необходимо руководствоваться ст. 30.3 ГПК РК и толковать более расширительно, предусматривая нахождение органа управления как основание подачи иска по территориальному признаку.

Статья 466.2.3 ГПК РК устанавливает, что суды РК рассматривают иски, если ответчик имеет имущество на территории РК. Статья 30.2 ГПК РК предусматривает аналогичное положение, однако она затрагивает исключительно юридических лиц. Тем не менее ст.30.1 ГПК РК предполагает формулировку понятия «ответчик», что включает в себя как юридическое лицо, так и физическое лицо. Но положение вышеуказанной статьи указывает, что «иск к ответчику, ...может быть предъявлен по месту нахождения его *недвижимого имущества...*». Соответственно, суд РК имеет международную компетенцию по месту нахождения имущества физического лица-ответчика на территории РК, а территориальная подсудность предусматривает предъявления иска только в случае нахождения в РК недвижимого имущества.

Положение ст. 466.2.3 ГПК РК и ст. 30.4 ГПК РК не имеет противоречий, а лишь рокировку оснований.

Статья 466.2.4 ГПК РК, которая предусматривает дела о возмещении вреда, причинённого увечьем, иным повреждением здоровья или смертью кормильца отражает положение ст. 30.5 ГПК РК. Однако территориальная подсудность дополняет основание по предъявлению иска в суд РК, чего нет в международной компетенции.

Так, в ст. 30.5 ГПК РК предусмотрено, что случае *ликвидации* юридического лица, признанного в установленном порядке ответственным за вред, причинённый жизни или здоровью, иски предъявляются по месту нахождения соответствующего администратора бюджетной программы. Соответственно, в случае спора по трансграничной несостоятельности, положение о международной компетенции не имеет никакого правового регулирования, что является упущением ст. 466 ГПК РК.

Дела о возмещении вреда, причинённого имуществу, предусмотренные ст. 466.5 ГПК РК не имеют территориальную подсудность. Хотя положение ст. 30.5 ГПК РК содержит формулировку «возмещение вреда», однако это затрагивает лишь возмещение вреда, причинённого *увечьем, повреждением здоровья и смертью кормильца*.

В ст.466.2.6 ГПК РК указано, что суды РК рассматривают споры, которые вытекают из договора, согласно которому полное или частичное исполнение должно иметь место или имело место на территории РК. Статья 30.6 ГПК РК предусматривает такое же положение, однако не содержит формулировки *«полное или частичное исполнение»*, что в целом не столь существенно. Обусловлено это тем, что исполнение и неисполнение договорных обязательств в целом регламентируется разделом 3 ГК РК, что предусматривает уже как полное или частичное исполнение договорных обязательств [7].

По следующим категориям дел не имеется территориальной подсудности у судов:

- 1) иск, вытекающий из неосновательного обогащения,
- 2) иск о защите прав субъектов персональных данных, в том числе о возмещении убытков и (или) компенсации морального вреда.

А по следующим категориям дел не имеется международной компетенции:

- 1) иски о защите прав потребителей,
- 2) иски о возмещении убытков, причинённых столкновением судов, а также о взыскании вознаграждения за оказание помощи и спасание на море,
- 3) иски о взыскании страховой выплаты по договору страхования.

Статья 466.8 ГПК РК устанавливает компетенцию казахстанских судов по расторжению брака в случаях, если истец имеет место жительства в РК или хотя бы один из супругов является гражданином РК. В свою очередь, ст. 30.7 ГПК РК также регламентирует, что иски подаются по месту жительства истца, однако предусматривает обязательное условие как «*при проживании с ним совместно несовершеннолетних детей*». В связи с чем территориальная подсудность сужает основание юрисдикции суда РК, несмотря на то, что международная компетенция рассматривает права истца на рассмотрении по месту своего жительства. Тем не менее формулировка «*за исключением исков по делам, подсудным районным (городским) судам, находящимся в пределах городов республиканского значения и столицы, областных центров*» возможно предусматривает наличие юрисдикции у судов РК, невзирая на наличие несовершеннолетних детей.

Заключение

Статья 30.8 ГПК РК не может быть предусмотрена в международной компетенции, так как иски, связанные с незаконным привлечением к уголовной или административной ответственности, являются исключительно действием *jure imperii* (действия публичного характера). Соответственно, данная категория дел ограничивается в рамках суверенитета РК и незаконное привлечение к уголовной или административной ответственности за рубежом не может являться предметом рассмотрения в казахстанском суде.

Касательно ст. 466.11 ГПК РК о возврате государству незаконно приобретённых активов, то также можно утверждать об отсутствии территориальной подсудности, так как ст.16.2 Закона «О возврате государству незаконно приобретённых активов» отсылает на положение ГПК РК [8]. В свою очередь, ГПК РК предусматривает международную компетенцию, однако в главе 3 ГПК РК не указано, в какой казахстанский суд прокурор должен подать иск, и в каком суде должны рассматриваться подобные категории дел.

М.А. Мотталеб, Teaching & Research Assistantship Жоғары құқық мектебі Maqsut Narikbayev University (Астана қ., Қазақстан Республикасы): Қазақстан Республикасы соттарының халықаралық құзыреті және аумақтық соттылығы: азаматтық іс жүргізу заңнамасындағы олқылықтар.

Аталған мақаланың *өзектілігі* Қазақстан Республикасының аумағында орналасқан шетелдік тұлғалардың қатысуымен істерді қарауға қатысты Қазақстан Республикасының Азаматтық процестік кодексінің 466-бабын қарастыруда жатыр. Жоғарыда аталған бапқа сәйкес, субъектілер ретінде Қазақстан Республикасының аумағында орналасқан немесе тұратын ұйымдар немесе азаматтар жауапкерлер ретінде қаралады. Азаматтар-жауапкерлерге қатысты тұрақты тұрғылықты жердің маңыздылығы ерекше атап өтіледі, ол Қазақстан Республикасының Азаматтық кодексінің 16-бабына сәйкес тұрғылықты жерді анықтаудың негізі болып табылады. Дегенмен, зерттеу барысында «негізгі тұру орны» ұғымын түсіндіруде және оның уақытша тіркеумен байланысын анықтауда мүмкін болатын қиындықтарды атап өтеді. Сонымен бірге, зерттеу Халықаралық құзыреттілік туралы Азаматтық іс жүргізу Кодексінің 466-бабының 2-тармағында көзделген барлық он бір негіздемені қарайды және оларды азаматтық іс жүргізу кодексінің 29 және 30-баптарында көзделген аумақтық соттылық туралы нормалармен арақатынасы тұрғысынан талдайды.

Зерттеу *пәні* – Қазақстан Республикасы соттарының ішкі (аумақтық) және халықаралық юрисдикциясының ережелерін талдау болып табылады.

Зерттеудің *мақсаты* – қолданыстағы заңнаманың практикалық кемшіліктерін анықтау мақсатында соттардың әртүрлі санаттағы істер бойынша аумақтық соттылық аясында құзыретін анықтау механизмдерін олардың халықаралық құзыретімен салыстыра отырып талдау.

Түйінді сөздер: ҚР Азаматтық процестік кодексі, ҚР соттарының юрисдикциясы, халықаралық құзырет, аумақтық соттылық, шетелдік элемент, жауапкер ұйым, жауапкер азамат, заңды тұлғаның орналасқан жері, жеке тұлғаның тұрғылықты жері, заңсыз иемденілген активтерді мемлекетке қайтару.

M.A. Mottaleb, Teaching & Research Assistant at the Higher Law School, Maqсут Narikbayev University (Astana, the Republic of Kazakhstan): International Competence and Territorial Jurisdiction of the Courts of the Republic of Kazakhstan: gaps in civil procedure legislation.

The relevance of this paper lies in the consideration of the provisions of Article 466 of the Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan regarding the consideration of cases with the participation of foreign persons located on the territory of the Republic of Kazakhstan. According to the above article the subjects are organizations or citizens as defendants with location or residence in the territory of the Republic of Kazakhstan. Regarding the defendant citizens, the importance of a stable place of residence is emphasized as the basis for determining the place of residence in accordance with Article 16 of the Civil Code of the Republic of Kazakhstan. However the study notes possible difficulties in interpreting the concept of “predominant residence” and its relationship with temporary registration. At the same time the study examines all 11 grounds provided for in paragraph 2 of Article 466 of the Code of Civil Procedure on international competence, and analyzes their relationship with the rules on territorial jurisdiction provided for in Articles 29 and 30 of the Code of Civil Procedure. Concerning the determination of the location of Kazakhstani legal entities, taking into account the provisions of Part 2 of Article 29 of the CPC RK, it can be argued that international jurisdiction regarding legal entities does not contradict territorial jurisdiction.

The subject of the research is to analyze of provisions of internal (territorial) and international jurisdiction of the courts of the Republic of Kazakhstan.

The purpose of this research is to conduct a comparative analysis of the mechanisms for determining the competence of courts according to territorial jurisdiction in various categories of cases in the context of their international competence in order to identify practical shortcomings of the current legislation.

Keywords: Civil Procedure Code of the Republic of Kazakhstan, jurisdiction of Kazakhstani courts, international jurisdiction, territorial jurisdiction, foreign element, organization-defendant, citizen-defendant, location of legal entity, place of residence of a person, return of illegally acquired assets to the state.

Список литературы:

1. Ешниязов Н.С. Комментарий к нормам законодательства Республики Казахстан в области международного частного права. Практическое и учебное пособие. Maqсут Narikbayev University.

2. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть), принят Верховным Советом Республики Казахстан 27 декабря 1994 года (с изменениями и дополнениями по состоянию на 12.09.2023 г.).

3. Постановление Правительства Республики Казахстан от 21 января 2012 года № 148 «Об утверждении Правил въезда и пребывания иммигрантов в Республике Казахстан, а также их выезда из Республики Казахстан и Правил осуществления миграционного контроля, а также учета иностранцев и лиц без гражданства, незаконно пересекающих Государственную границу Республики Казахстан, незаконно пребывающих на территории Республики Казахстан, а также лиц, которым запрещён въезд на территорию Республики Казахстан».

4. Указ Президента Республики Казахстан от 20 апреля 2012 года № 301 «О подписании Соглашения между Республикой Казахстан и Российской Федерацией о порядке пребывания граждан Республики Казахстан на территории Российской Федерации и граждан Российской Федерации на территории Республики Казахстан».

5. Постановление Правительства Республики Казахстан от 8 октября 2010 года № 1044 «О подписании Соглашения о правовом статусе трудящихся-мигрантов и членов их семей».

6. Кодекс Республики Казахстан «О налогах и других обязательных платежах в бюджет (Налоговый кодекс)».

7. Гражданский кодекс Республики Казахстан (Общая часть), принят Верховным Советом Республики Казахстан 27 декабря 1994 года. Раздел 3. Обязательственное право / Глава 17. Исполнение обязательства.

8. Закон Республики Казахстан от 12 июля 2023 года № 21-VIII ЗРК «О возврате государству незаконно приобретенных активов».

References:

1. Yeshniyazov N.S. Commentary on the norms of legislation of the Republic of Kazakhstan in the field of private international law. Practical and educational guide. Maqsut Narikbayev University.

2. Civil Code of the Republic of Kazakhstan (General Part), adopted by the Supreme Council of the Republic of Kazakhstan on December 27, 1994 (with amendments and additions as of September 12, 2023).

3. Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated January 21, 2012 No. 148 “On approval of the Rules for the entry and stay of immigrants in the Republic of Kazakhstan, as well as their departure from the Republic of Kazakhstan and the Rules for the implementation of migration control, as well as registration of foreigners and stateless persons illegally crossing the State border of the Republic of Kazakhstan, illegally staying on the territory of the Republic of Kazakhstan, as well as persons who are prohibited from entering the territory of the Republic of Kazakhstan.”

4. Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated April 20, 2012 No. 301 On the signing of an Agreement between the Republic of Kazakhstan and the Russian Federation on the procedure for the stay of citizens of the Republic of Kazakhstan on the territory of the Russian Federation and citizens of the Russian Federation on the territory of the Republic of Kazakhstan.

5. Decree of the Government of the Republic of Kazakhstan dated October 8, 2010 No. 1044 On the signing of the Agreement on the legal status of migrant workers and members of their families.

6. Code of the Republic of Kazakhstan “On taxes and other obligatory payments to the budget (Tax Code)”.

7. Civil Code of the Republic of Kazakhstan (General Part). Section 3. Law of Obligations / Chapter 17. Fulfillment of an obligation.

8. Law of the Republic of Kazakhstan dated July 12, 2023 No. 21-VIII ZRK “On the return of illegally acquired assets to the state.”

Для цитирования и библиографии: Мотталёб М.А., Международная компетенция и территориальная подсудность судов Республики Казахстан: пробелы гражданского процессуального законодательства // Право и государство. № 2(103), 2024. – С. 54-59. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_2_54

Материал поступил в редакцию 10.12.2023.

К 300-ЛЕТИЮ ИММАНУИЛА КАНТА. ИММАНУИЛ КАНТТЫҢ 300 ЖЫЛДЫҒЫНА ОРАЙ. КАНТТЫҢ ҚҰҚЫҚ, ЗАҢ ЖӘНЕ ӘДІЛЕТТІЛІК ТУРАЛЫ ІЛІМДЕРІНІҢ ФИЛОСОФИЯЛЫҚ СӨЗДІГІ

Б. СЕРІКБАЙ,

Құқық Жоғары мектебінің студенті, Maqsut Narikbayev University құқық теориясы және философиясының ғылыми мектебіндегі жобасының қатысушысы (Астана қ., Қазақстан Республикасы)
e-mail: beket_serikbay@kazguu.kz

Неміс философы Иммануил Канттың 300 жылдығының қарсаңында «Норма» баспасында заңгер-ғалым С.С. Алексеевтің «Құдайдың жер бетіндегі ең қасиетті нәрсе. Иммануил Кант және қазіргі дәуірдегі заң мәселелері» [Алексеев С.С. (2024) Самое святое, что есть у Бога на земле. Иммануил Кант и проблемы права в современную эпоху. М., Изд-во Норма]. Бұл кітапта Канттың мұрасын заңды қоғамдастық үшін пайдалы ететін негізгі құқықтық идеялардың егжей-тегжейлі талдауы келтірілген. Бұл идеяларды философиялық глоссарий форматында толығырақ қарастырайық.

И. Кант өзінің философиялық мұрасында азаматтық құрылым мен принциптер арқылы заңдарға және әділеттілік тұжырымдамасына жүгінеді. Кант қоғамдағы әділеттіліктің негізгі принциптеріне әр адамның бостандығы, теңдігі және тәуелсіздігі кіретінін атап көрсетеді [Алексеев С.С. (2024), с. 113; Кант И. (1994) Сочинения на русском и немецком языках. Т. 1. Трактаты и статьи. М., с. 283].

Бостандық. Кант бостандық туралы мәжбүрлеусіз бақыт құқығы және басқалардың бостандықтарын құрметтеу туралы айтады. Құқық пен әділеттілік контекстінде бұл заңдар әр адамның жеке бостандықтарын қорғауы және қолдауы керек, олардың мақсаттары мен ұмтылыстарын жүзеге асыруға мүмкіндік береді. Осылайша, адам өз мақсатына жету үшін – ерік автономды таңдауға ие болуы керек [Алексеев С.С. (2024), с. 111; Кант И. (1994), с. 291].

Теңдік. Кант мемлекет Басшысын қоса алғанда, заң алдындағы теңдік қағидатын атап көрсетеді. Әділеттілік қағидаттарының шеңберінде бұл заңдар әр адамға тең дәрежеде, әлеуметтік мәртебеге немесе жағдайына негізделген артықшылықтарсыз немесе ерекшеліктерсіз қолданылуы керек – деп, айтады [Кант И. (1994), с. 283].

Ерік автономиясы. Кант сонымен қатар өзінің таланты, еңбекқорлығы және бақытқа ұмтылысы арқылы мүмкін болатын ең жоғары күйге жетудегі әрбір жеке тұлғаның тәуелсіздігін атап өтеді. Әділеттілік қағидаттары қоғамның барлық мүшелеріне тең мүмкіндіктер бере отырып, осы тәуелсіздікті қолдау, қорғау керек. Кант әр адам өз бетінше өмірде сәттілікке ұмтылуы жайлы және Заң оған ықпал етуі керек екеніне сенімді болды [Алексеев С.С. (2024), с. 230-231; Кант И. (1994), с. 281].

Осылайша, құқық пен әділеттілік контекстінде бұл принциптер әлеуметтік немесе басқа сипаттамаларға негізделген артықшылықтарға да, кемсітушілікке де жол бермей, әрбір жеке тұлғаның бостандығын, теңдігі мен тәуелсіздігін қамтамасыз ететін заңдарды құру және қолдану қажеттілігін көрсетеді.

Сонымен қатар, құқық философиясында Кант заң мен әділеттілік тұжырымдамасына бастапқы шарттың объективі және заң шығарушының міндеттемесі арқылы халықтың жалпы ерік-жігерін білдіру арқылы жүгінеді.

Бастапқы келісім және халықтың жалпы еркі. Кант заңдар бастапқы келісім арқылы көрінетін халықтың жалпы еркінен туындауы керек – деп, санайды. Бұл заңдар белгілі бір топтардың немесе жеке тұлғалардың ғана емес, қоғамның барлық мүшелерінің мүдделері мен құндылықтарын көрінісі үшін жасалуы керегі жайлы болжайды [Кант И. (1994), с. 303].

Дауыс беру құқығы және азаматтық. Кант заңға сәйкес мемлекет азаматтарының дауыс беру құқығы болуы керек екенін атап көрсетеді. Бұл құқық олардың мүдделерін білдіру және заңдарды қалыптастыруға қатысу үшін қажет. Дауыс беру құқығы азаматтық мәртебенің маңыздылығын көрсететін еркін болу және табыс көзіне немесе меншікке ие болу шартымен байланысты [Алексеев С.С. (2024), с. 114].

Көпшілік принципі және азаматтық құрлым. Кант көпшілік принципін азаматтық құрылымның ең жоғарғы негізі ретінде қарастырады. Бұл заңдар халықтың ортақ еркін білдіретін көпшілік дауыспен қабылдануы керек дегенді білдіреді. Бұл қағида заңнаманың құқыққа сәйкестігін қамтамасыз етеді және құқықтық мәселелер бойынша даулардың туындау мүмкіндігін барынша азайтады [Алексеев С.С. (2024), с. 118].

Заңдардың әділдігі. Кант заңның әділ және бүкіл халық қабылдауы керек екенін атап өтті. Бұл заң жалпыға бірдей келісім немесе халықтың көпшілігінің қолдауына ие болған жағдайда ғана әділ деп саналады дегенді білдіреді [Алексеев С.С. (2024), с. 228-229].

Жалпы, Кант заңдар бүкіл халықтың мүдделері мен қалауын ескере отырып құрылуы, қабылдануы және Заң осы жалпы еріктілігінің қажеттілігін көрсетіп, қоғамда кең қолдау тапқан кезде ғана әділ болып саналады деген идеяға жүгінеді [Кант И. (1994), с. 439].

Мысалы үшін, азаматтарға Ұлттық армияны қаржыландыру салық төлеу арқылы тура келеді десек, олар сол салықты төлеуден бас тарта алмайды. Өйткені соғыс жағдайында барлық қаражат әділ бөлінуі керек. Бірақ, кейбір жер иелері салық төлеуі керек, ал басқалары төлемеуі керек деп елестетіп көрейік. Бұл жағдайда халық мұндай шешіммен келіспейді және оны әділетсіз деп санап, оған қарсы шығады.

Бұл шектеу, әрине, субъектінің емес, заң шығарушының пікіріне ғана қатысты. Сонда, егер де халық қазіргі заңнама олардың әл-ауқатына қауіп төндіреді деп санаса, олар не істеуі керек? Қарсы немесе мойынсұну керек пе? Канттың жауабы: оған мойынсұну керек. Өйткені ол бақытқа деген үміт туралы емес, әр адамға кепілдік берілген құқық туралы – бұл қол жетпейтін және ештеңемен шектелмейтін қоғам үшін ең жоғарғы ереже. Заңдарға ортақ әділеттілік принциптері жоқ, өйткені уақыт шарттары мен Бақыт туралы көптеген субъективті көзқарастар заңнама принциптерін берік орнатуға мүмкіндік бермейді. Маңыздылығы тек «*Salus publica Suprema civitatis Lex est*» позициясын сақтайды, онда барлығының әл-ауқаты әр адамның бостандығын қамтамасыз ету үшін негіз болады, бірақ ол басқа азаматтардың құқықтарын бұзбай, дұрыс деп санайтындай бақыт іздейді.

Кант биліктің легитимділігі және олардың қоғамдық тәртіп пен әділеттілік қағидаттарымен байланысы мәселелеріне жүгінеді.

Заңдар мен биліктің мақсаты. Кант заңдар мен биліктің мақсаты әрқашан азаматтардың әл-ауқатын қамтамасыз ету емес, қоғамның ішкі және сыртқы қауіп-қатерлерге қарсы күші мен беріктігін қамтамасыз етуге бағытталуын көрсетеді.

Бұл жеке құқықтар мен бостандықтар тұрғысынан құрбандықты қажет етсе де, қоғамның тұрақтылығы мен қауіпсіздігін сақтау қажеттілігі туралы идеяны көздейді [Кант И. (1994), с. 303].

Заңнама мен биліктің құқықтылығы. Кант заңдар мен биліктің құқықтылығы олардың халықтың жалпы еркіне және құқықтық принциптерге сәйкестігіне байланысты екенін атап көрсетеді. Ол халық мақұлдаған заң ықтимал ауыр зардаптарға қарамастан құқықты деп санайды. Бұл заңнаманы қалыптастыруда заңдар мен қоғамдық келісімді кеңінен қолдаудың маңыздылығын көрсетеді [Алексеев С.С. (2024), с. 230-231].

Кант билікке мойынсұнбау мен бүлік шығаруға шақырудан сақтандырады, оларды қоғамды Құртуға қабілетті қолайсыз қылмыстар деп санайды. Бұл тәртіп тұрақтылықты, заңдылықты сақтау мен билікті құрметтеудің маңыздылығын көрсетеді.

Мемлекет басшысының ролі. Кант жанжал немесе дау туындаған жағдайда проблемаларды шешу функциясы мемлекет Басшысына тиесілі болуы керек дейді. Бұл хаос пен анархияның алдын алу үшін біртұтас иерархиялық биліктің қажеттілігі туралы идеяны көрсетеді.

Оның идеяларының жалпы векторы – заңдарды сақтау және билікті құрметтеу қоғамның тәртібі мен тұрақтылығын қамтамасыз ету үшін қажет. Тіпті егер бұл жеке құқықтар мен бостандықтар тұрғысынан құрбандықты қажет етсе де, бұл идеялар И. Канттың әлеуметтік келісім теориясының негізін құрайды [Кант И. (1994), с. 439].

Қоғамдық келісім және заңдылық. Кант қоғамдық Шарттың заңдылығына және оны Үкіметтің легитимдігін тікелей байланыстыру идеясына күмән келтіреді. Ол әлеуметтік келісімшартты жарамды деп қате түсіндіруге болатындығын және оны абсолютті шындық ретінде қабылдау жағымсыз салдарға әкелуі мүмкін екенін мойындайды.

Бақыт пен адамгершіліктің ролі. Кант Үкіметтің еркіне қарамастан, халықтың өз бақыты мен бостандығына құқығы бар екенін атап көрсетеді.

Қоғамдық ерік принципі. Кант қоғамдық ерік принципін әлеуметтік келісімшартқа қарағанда маңыздырақ деп көрсетеді. Ол халықтың өз заңдарын қалыптастыруға және өз болашағын Үкімет белгілеген ережелермен келісуден гөрі өз мүдделері мен құндылықтары негізінде басқаруға құқығы бар деп санайды [Кант И. (1994), с. 304-305].

Халықтың құқықтары мен Билеушінің міндеттері бір-бірімен тығыз байланысты. Халық билеушінің әділетсіз деп санайтын әрекеттеріне дауласуға құқылы. Сонымен қатар билеушінің халықты ренжітуге құқығы жоқ. Бұл сөз бостандығы мен Үкіметпен ашық келіспеушіліктің маңыздылығын көрсетеді. Халықтың келіспеушілік құқығы оның еркіне қайшы келетін заңдар қоғамдық талқылауға ұшырауы керек дегенді білдіреді, бірақ мұндай заңдарға ашық қарсы тұруға жол берілмейді [Алексеев С.С. (2024), с. 228].

Кез-келген қоғамдық тәртіпте мемлекеттік құрылымға бағыну және міндетті ережелерді сақтау қажет, бірақ азаматтық міндеттерге қатысты ой еркіндігі мен көзқарастың Тәуелсіздігі де маңызды [Алексеев С.С. (2024), с. 229]. Толық бағыну кезінде ой еркіндігінің жойылып, құпия қоғамдардың пайда болуына себеп келтіруі мүмкін. Егер адамдар бостандық пен тәуелсіздік рухын көрсете бастаса, құпия қоғамдар тоқтайды. Тек еркін, тәуелсіз қоғамда ғана адам табиғатының барлық нюанстарын ашуға болады. Егер сіз адам бостандығы идеясын құрметтемесеңіз және қолдамасаңыз, прогреске қалай қол жеткізуге болады? Ешқандай қолданыстағы мемлекеттік құрылғы қоғамның мінсіз құрылымына кепілдік бермейді. Сонымен қатар, адамдар көбінесе ең жақсы жағдайды белсенді іздеуден гөрі пассивті күйді артық көреді. Нәтижесінде, адамдардың көбісі жаңа, ерекше нәрсеге ұмтылмай, қазіргі жағдайға қанағаттанады. Олардың мінез-құлқын теория емес, әл-ауқат пен тәртіп туралы практикалық ойлар анықтайды. Осылайша, қолданыстағы басқару жүйесі практикалық қолдану мен тәжірибеге сүйенеді.

Алайда, тәжірибеден анықтау мүмкін емес белгілі бір теориялық компонент бар, ол жақсылық пен жамандықтың этикалық категорияларында жүзеге асырылғанына қарамастан, міндетті сипаттағы құқықтар мен бостандықтар идеяларына негізделген. Бұл априорлық (міндетті) принципті адамдар өз құқықтарына сәйкес оларға қарсы тұруға жарамсыз деген тұжырыммен ғана дауласуға болады, сондықтан оларды басқару үшін тек сақтық ережелеріне сәйкес жұмыс істейтін билік болуы керек. Бірақ бұл тәсіл негізсіз, өйткені ол халықтың мойынсұнбауына байланысты қолданыстағы басқару жүйесінің тұрақтылығына нұқсан келтіруі мүмкін. Осылайша, ақыл-ой адам өміріне қаншалықты әсер етсе де, ол әрқашан адамдар қабылданған ережелер мен қағидаларға қарсы тұра алады және өз еркіндігін сақтай алады деген мәселеге тап болады. Бірақ, қоғам еркін болған кезде адамдар ақыл-ой идеяларын, соның ішінде адам құқығы идеясын құрметтеуге тырысады және елдегі қоғамдық тәртіп пен тұрақтылықты сақтай алады.

Жоғарыда атап айтылғанының қорытындылай келе, Канттың Құқық философиясы оның жалпы философиялық көзқарастар жүйесінде шешуші рөл атқаратынын атап өткен жөн. Ол құқықты адам дамуының негізгі максаттарын қорғауға және ілгерілетуге бағытталған әлеуметтік құрылымның негізгі элементі ретінде қарастырады.

Кант өркениетті қоғамның ажырамас бөлігі деп санай отырып, құқыққа үлкен мән береді. Ол құқықты тәртіп пен әділеттіліктің негізі ретінде қоғамдық келісімге енгізуге міндетті нәрсе ретінде қарастырады. Канттың пікірінше, құқық қоғамның жалпы еркінің көрінісі болып табылады және оның барлық мүшелері үшін міндетті.

Канттың құқық туралы идеялары қазіргі қоғамда да өзектілігі мен маңыздылығын сақтайды. Олар заңдарды сақтаудың және әр адамның құқықтары мен бостандықтарын құрметтеудің маңыздылығын еске салады. Канттың заң жайлы тұжырымдамасы әділеттілік пен теңдік принциптерін назарға алатын философтар мен заңгерлерді шабыттандыруды жалғастыруда.

Канттың заң философиясы қазіргі заманғы қоғамдық және құқықтық пікірталастар аясында өзекті және маңызды шабыт пен пікірталас көзі болып қала береді. Оның құндылығы – бұл әр адамның құқықтары мен бостандықтарын қорғаудың маңыздылығын, сондай-ақ қоғамдағы әділеттілік пен заңдылық нормаларын сақтау қажеттілігін еске салады.

Для цитирования и библиографии: Серікбай Б. Иммануил Канттың 300 жылдығына орай. Канттың құқық, заң және әділеттілік туралы ілімдерінің философиялық сөздігі // Право и государство. № 2(103), 2024. – С. 60-63. DOI: 10.51634/2307-5201_2024_2_60

Материал поступил в редакцию 10.05.2024.

НОВЫЕ КНИГИ

Майшекина Э.С. Жумадилов А.К. Егежанова Д.Р. Мемлекет және құқық теориясы: оқу құралы. Alikhan Bokeikhan University. – Алматы: Дарын, 2023. – 93 б.

ISBN: 978-601-269-474-1

Оқу құралы «Құқықтану» бағыты мен мамандығы бойынша оқитын жоғары оқу орындарының студенттеріне арналған «Мемлекет және құқық теориясы» пәні шеңберінде оқылатын негізгі тақырыптардың сипаттамасы, өзіндік жұмысты орындауға арналған ситуациялық тапсырма мен тест сұрақтары қамтылған. Құрастырушылар оқу құралының сарапшыларға – PhD докторы А.Б. Бимбетовке, Т.Қ. Нүрекешовқа осы басылымды дайындауға ат салысқан үшін алғыс білдіреді.

МАЗМҰНЫ

• *Ж.Р. Темірбеков*. Трансұлттық зиянды кибероперациялар дәуіріндегі жаһандық денсаулық қауіпсіздігі: мемлекеттік емес және мемлекеттер демеушілік ететін киберқауіптердің таксономиялық талдауы. Б. 6 • *А.В. Нехаев*. New classical natural law теорияларындағы табиғи құқықтарды негіздеу мәселесі. Б. 18 • *Д.Г. Алова*. Құқықтану саласындағы түсіну мен түсіндірудің арақатынасы. Б. 26 • *Т. Спаак*. Құқық философиясындағы Релятивизм. Б. 34 • *А.Ө Шамшиева*. Киберкеңістіктегі юрисдикциялардың қайшылығы: мәселелер мен мүмкін болатын шешімдер (Ұлыбритания мен Канада мысалдарында).Б. 45 • *М. А. Мотталеб*. Қазақстан Республикасы соттарының халықаралық құзыреті және аумақтық соттылығы: азаматтық іс жүргізу заңнамасындағы олқылықтар. Б. 54 • *Б. Серікбай*, Иммануил Канттың 300 жылдығына орай. Канттың құқық, заң және әділеттілік туралы ілімдерінің философиялық сөздігі. Б. 60

CONTENTS

• *Zh. Temirbekov*. Global Health Security in the Age of Transnational Malicious Cyber Operations: A Taxonomic Analysis of Non-State and State-Backed Cyber Threats. P. 6 • *A.V. Nekhaev*. The Problem of Natural Rights Justification in the New Classical Natural Law Theories. P. 18 • *D.G. Alova*. The relationship of understanding and explanation in legal theory. P. 26 • *T. Spaak*. Relativism in the Philosophy of Law. P. 34 • *A.U. Shamshiyeva*. Conflict of jurisdictions in cyberspace: existing problems and possible solutions using the example of Great Britain and Canada. P. 45 • *M. A. Mottaleb*. International Competence and Territorial Jurisdiction of the Courts of the Republic of Kazakhstan: gaps in civil procedure legislation. P. 54 • *B. Serikbai*. On the 300th anniversary of Immanuel Kant. Dictionary of Kant, s Theory on Law, Legislation and Justice. P. 60

АВТОРЛАРҒА АРНАЛҒАН АҚПАРАТ

«Құқық және мемлекет» журналына бұрын жарияланбаған ғылыми мақалалар, жазбалар, құқықтанудың әртүрлі салаларындағы зерттеулер нәтижелері туралы хабарламалар (жақсырақ салыстырмалы-құқықтық сипаттағы), жаңа ғылыми заң басылымдарына шолулар, мемлекет және құқық мәселелері жөніндегі маңызды ғылыми конференциялар туралы мақалалар қабылданады.

Жариялану үшін ұсынылатын материалдар келесі талаптарға жауап беруі тиіс:

1. Мемлекет және құқық саласындағы жаңа өзекті ақпаратты және бұрын жарияланбаған және басқа басылымдарда жариялауға арналмаған бірегей ғылыми зерттеулердің нәтижелерін қамтуға тиіс. Автор мақаланы және басқа материалдарды ұсынған кезде редакциялық кеңеске олардың жарияланған-жарияланбағанын әлде басқа басылымдарға ұсынылған-ұсынылмағандығын хабарлауға міндетті.

2. ҚР БҒМ талаптарына сәйкес (2016 жылғы 4 наурыздағы № 13409 бұйрық, өзгертулер және толықтырулармен) Ғылыми мақала – бұрын жарияланбаған және жаңалығы бар авторлық өзірлемелерді, қорытындыларды, ұсынымдарды қамтитын; немесе ортақ тақырыпқа байланысты бұрын жарияланған ғылыми мақалаларды қарауға арналған (жүйелі шолу) ғылыми зерттеудің, эксперименттік немесе талдамалық қызметтің өзіндік тұжырымдары мен аралық немесе түпкілікті нәтижелерін баяндау. Ғылыми мақаланың құрылымы атауынан, аннотациядан, түйін сөздерден, негізгі ережелерден, кіріспеден, материалдан мен әдістерден, нәтижелерден (мақаланың негізгі бөлігі, әдетте, 3-4 бөлімнен тұрады – ред.) талқылаудан, қорытындыдан, қаржыландыру туралы ақпараттан (бар болған жағдайда), әдебиеттер тізімінен тұрады.»

3. Мақалалар қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде жарияланады. Мақалалар қазақ, орыс, ағылшын тілдерінде жарияланады. Мақаланың басында автордың аты – жөні мен тегі (мақала аудармашысы болған жағдайда аудармашы туралы ақпарат, мақаланың бірнеше авторының жанында корреспондент-автор көрсетіледі), ғылыми дәрежесі, ғылыми атағы, лауазымы, кафедрасы, ЖОО, автордың жұмыс орны, қаласы, елі, электрондық мекенжайы туралы өзге де ақпарат орналастырылады. Автордың тегінен кейін мақаланың атауы, орыс, қазақ және ағылшын тілдеріндегі үш аннотация (кемінде 5-8 ұсыныс) (авторлардың тегін, аты-жөнін, әр автордың жұмыс орнын және мақала атауын аударып отырып). Аннотацияда тақырыптың өзектілігі, зерттеу тақырыбы, жұмыстың мақсаты, әдістері, жаңалығы және мақаланың негізгі тұжырымдары ашылады. Әр аннотациядан кейін тиісті тілдегі 10 негізгі сөз.

4. А4 форматындағы 10-16 беттен тұратын мақала Microsoft Word мәтіндік редакторында Times New Roman шрифтімен терілуі керек, өлшемі 14, бір интервал арқылы және мақаланың барлық қажетті құрылымдық элементтері болуы керек (жоғарыдағы 2-тармақты қараңыз). Көлемі 16 беттен асатын мақалалар бас редактормен келісіледі.

5. Дереккөздерге сілтемелер мақаланың мәтінде төртбұрышты жақшада беріледі және қажет болған жағдайда бетті көрсете отырып, «Әдебиет» тізімінде келтірілген дереккөзге тиісті библиографиялық сілтеменің нөмірі түрінде ресімделеді, мысалы: [9, 12-бет]. Бірнеше дереккөз нөмірлерін көрсететін мәтіндік сілтемелерде соңғылары бір-бірінен нүктелі үтірмен бөлінеді, мысалы: [7; 19, б. 45; 37, Б.201]. Келтірілетін статистикалық деректерді, нормативтік актілерді, оның ішінде халықаралық және шетелдік актілерді жариялау көздеріне сілтемелер міндетті болып табылады. Мақаланың соңында осы тақырып бойынша негізгі ғылыми, оның ішінде ең жаңа (түпнұсқа тілінде және латын транслитерациясында бөлек) әдебиеттер тізімі берілген. «Құқық және мемлекет» журналының редакциясы бірқатар елдер бойынша салыстырмалы-құқықтық материалды пайдалануды, біздің журналдағы сабақтас тақырыптар бойынша жарияланымдарды зерделеуді (журнал сайтындағы мұрағатты қараңыз) және сіздің жұмысыңыз үшін пайдалыларын әдебиеттер тізіміне енгізуді ұсынады. УДК, ГРНТИ нөмірлері, әдебиеттер тізімі (Алфавиттік тәртіппен) және ескертпелер ГОСТ сәйкес ресімделеді. Интернет-ресурстарға сілтеме жасау кезінде автор, мәтіннің атауы, сайт/портал, материалдың толық электрондық мекенжайы, оның ашылған күні көрсетіледі.

6. Мақаланың соңында «мақала бірінші рет жарияланады, басқа басылымдарға ұсынылмады және ұсынылмайды» деген жазба болуы керек, автордың (авторлардың) күні мен қолы қойылады. Мұнда автор (авторлар) туралы мәліметтер орналастырылады: тегі, аты және әкесінің аты, электрондық мекенжайы, байланыс телефондары.

7. Мақаланың электрондық нұсқасы, автордың фотосуреті (дұрысы деректі емес, көркем сурет) редакцияға онлайн ұсынылады.

Толығырақ ақпарат Журнал сайтында (Сілтеме: <https://km.mnu.kz/ru/info>).

Редакция мекенжайы және байланыс деректері:
010000, Қазақстан Республикасы, Астана қ.
Maqsut Narikbayev University, Қорғалжын тас жолы, 8,
тел: 8 (7172) 70 30 07
www.km.mnu.kz e-mail: pravoigos@kazguu.kz

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

В журнал «Право и государство» принимаются ранее неопубликованные научные статьи, заметки, сообщения о результатах исследований в различных областях юриспруденции (желательно сравнительно-правового характера), рецензии на новые научные юридические издания, статьи о значимых научных конференциях по проблемам государства и права.

Представленные для опубликования материалы должны отвечать следующим требованиям:

1. Содержать новую актуальную информацию в области государства и права и результаты оригинальных научных исследований, ранее неопубликованных и не предназначенных для публикации в других изданиях. Автор обязан сообщить редколлегии при представлении статьи и других материалов – были ли они опубликованы или представлены в иные издания.

2. В соответствии с требованиями МОН РК (приказ от 4 марта 2016 г. № 13409 с последующими изменениями и дополнениями) «Научная статья – изложение собственных выводов и промежуточных или окончательных результатов научного исследования, экспериментальной или аналитической деятельности, содержащее авторские разработки, выводы, рекомендации ранее не опубликованные и обладающие новизной; или посвященное рассмотрению ранее опубликованных научных статей, связанных общей темой (систематический обзор). Структура научной статьи включает название, аннотации, ключевые слова, основные положения, введение, материалы и методы, результаты (основная часть статьи, как правило, из 3-х – 4-х подразделов – ред.), обсуждение, заключение, информацию о финансировании (при наличии), список литературы».

3. Статьи публикуются на казахском, русском, английском языках. В начале статьи помещаются инициалы и фамилия автора (при наличии переводчика статьи – также информация о переводчике, при нескольких авторах статьи указывается автор-корреспондент), ученая степень, ученое звание, должность, кафедра, вуз, иная информация о месте работы автора, город, страна, электронный адрес. После фамилии автора – название статьи, три аннотации (не менее 5-8 предложений) на русском, казахском и английском языках (с переводом фамилии, инициалов авторов, места работы каждого автора и названия статьи). В аннотации раскрываются актуальность темы, предмет исследования, цель работы, методы, новизна и основные выводы статьи. После каждой аннотации – 10 ключевых слов на соответствующем языке.

4. Статья объемом 10-16 страниц формата А4 должна быть набрана в текстовом редакторе Microsoft Word шрифтом Times New Roman, размером 14, через один интервал и иметь все необходимые структурные элементы статьи (см. выше пункт 2). Статьи объемом более 16 страниц согласовываются с главным редактором.

5. Отсылки на источники даются в тексте статьи в квадратных скобках и оформляются в виде номера соответствующей библиографической ссылки на источник, приведенной в списке «Литература», с указанием при необходимости страницы, например: [9, с. 12]. В текстовых ссылках, содержащих указание на несколько номеров источников, последние отделяются друг от друга точкой с запятой, например: [7; 19, с. 45; 37, р. 201]. Обязательны ссылки на источники опубликования приводимых статистических данных, нормативных актов, в том числе международных и зарубежных. В конце статьи дается список литературы – основной научной по данной теме, в том числе новейшей (на языке оригинала и отдельно в латинской транслитерации). Редакция журнала «Право и государство» рекомендует использовать сравнительно-правовой материал по ряду стран, изучить публикации по смежным темам в нашем журнале (см. архив на сайте журнала) и включить полезные из них для Вашей работы в список литературы. Номера УДК, ГРНТИ, список литературы (в алфавитном порядке) и примечания оформляются в соответствии с ГОСТом. При ссылках на интернет-ресурсы указывается автор, название текста, сайт/портал, полный электронный адрес материала, дата его открытия.

6. В конце статьи должна быть запись: «статья публикуется впервые, не представлялась и не будет представлена в другие издания», ставится дата и подпись автора (авторов). Здесь же помещаются сведения об авторе (авторах): фамилия, имя и отчество полностью, электронный адрес, контактные телефоны.

7. В редакцию представляются онлайн: электронная версия статьи, фото автора (желательно – художественный, не документальный портрет).

Более подробная информация на сайте журнала (См.: <https://km.mnu.kz/ru/info>).

Адрес и контактные данные редакции:
010000, г. Астана, шоссе Қорғалжын, 8,
Maqsut Narikbayev University,
тел.: 8 (7172) 70 30 07
www.km.mnu.kz e-mail: pavoigos@kazguu.kz

INFORMATION FOR AUTHORS

The journal «Law and State» accepts previously unpublished scientific articles, notes, reports on the results of research in various fields of jurisprudence (preferably of a comparative legal nature), reviews of new scientific legal publications, articles on significant scientific conferences on problems of state and law.

The materials submitted for publication must meet the following requirements:

1. To contain new relevant information in the field of state and law and the results of original scientific research, previously unpublished and not intended for publication in other publications. The author is obliged to inform the editorial board when submitting the article and other materials – whether they have been published or submitted to other publications.

2. In accordance with the requirements of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan (Order No. 13409 dated March 4, 2016, with subsequent amendments and additions) «Scientific article – a statement of one’s own conclusions and intermediate or final results of scientific research, experimental or analytical activities, containing author’s developments, conclusions, recommendations not previously published and having novelty; or devoted to consideration previously published scientific articles related to a common topic (systematic review). The structure of the scientific article includes the title, annotations, keywords, main provisions, introduction, materials and methods, results (the main part of the article, as a rule, consists of 3 to 4 subsections - ed.), discussion, conclusion, information on financing (if available), references.»

3. Articles are published in Kazakh, Russian, and English. The initials and surname of the author are placed at the beginning of the article (if there is a translator of the article, information about the translator is also provided, with several authors of the article, the corresponding author is indicated), academic degree, academic title, position, department, university, other information about the author’s place of work, city, country, e-mail address. After the author’s surname – the title of the article, three annotations (at least 5-8 sentences) in Russian, Kazakh and English (with translation of the surname, initials of the authors, place of work of each author and the title of the article). The abstract reveals the relevance of the topic, the subject of the study, the purpose of the work, methods, novelty and the main conclusions of the article. After each annotation there are 10 keywords in the corresponding language.

4. An article of 10-16 A4 pages should be typed in a Microsoft Word text editor in Times New Roman font, size 14, with one interval and have all the necessary structural elements of the article (see paragraph 2 above). Articles of more than 16 pages are coordinated with the editor-in-chief.

5. References to sources are given in the text of the article in square brackets and are made out in the form of the number of the corresponding bibliographic reference to the source given in the list of «Literature», indicating, if necessary, the page, for example: [9, p. 12]. In text links containing an indication of several source numbers, the latter are separated from each other by a semicolon, for example: [7; 19, p. 45; 37, p. 201]. References to the sources of publication of the cited statistical data and regulations, including international and foreign ones, are mandatory. At the end of the article, a list of literature is given – the main scientific literature on this topic, including the latest (in the original language and separately in Latin transliteration). The editorial board of the journal «Law and the State» recommends using comparative legal material on a number of countries, study publications on related topics in our journal (see the archive on the journal’s website) and include useful ones for your work in the list of references. The numbers of the UDC, GRNTI, the list of references (in alphabetical order) and notes are drawn up in accordance with GOST. When linking to Internet resources, the author, the title of the text, the website /portal, the full email address of the material, and the date of its opening are indicated.

6. At the end of the article there should be an entry: «the article is published for the first time, has not been submitted and will not be submitted to other publications,» the date and signature of the author(s) are put. Information about the author(s) is also placed here: surname, first name and patronymic in full, e-mail address, contact phone numbers.

7. To the editorial office you must submit online: electronic version of your article and your photo (preferably - casual, not official (3x4) photo).

More detailed information is available on the journal’s website (See: <https://km.mnu.kz/ru/info>).

Editorial office address and contact details:
010000, Republic of Kazakhstan, Astana.
Maqсут Narikbayev University, Korgalzhyn highway, 8.
Tel.: 8 (7172) 70 30 07
www.km.mnu.kz e-mail: pravoigos@kazguu.kz

«Университет кітабы-2019: әлеуметтік-гуманитарлық ғылымдар» басылымдардың халықаралық байқауында (Қазан қ.) «Мемлекет және құқық» журналы «Ең үздік мерзімдік басылым» номинациясында жеңімпаз атанды.

На Международном конкурсе изданий «Университетская книга-2019: социально-гуманитарные науки» (г. Казань), журнал «Право и государство» победил в номинации: «Лучшее периодическое издание».

РЫЛТАЙШЫ: **Maqsut Narikbayev University**

Журнал Қазақстан Республикасы Мәдениет және ақпарат министрлігінің Ақпарат және мұрағаттар комитетінде тіркеліп, 25.05.2006 жылы №7742-Ж кәуәлігі берілген.

Журнал РФҚД халықаралық ғылым өлшем жүйесіне енген.

ЖУРНАЛ РЕДАКЦИЯСЫ:

А.Б. Дидикин (бас редактор);
Р.А. Жакина (жауапты хатшы);
Н.М. Акпеисова (компьютерлік беттеу және әрлендірме);
А.А. Ускенбаев (қазақ тіліндегі мәтіннің редакторы).

РЕДАКЦИЯНЫҢ МЕКЕНЖАЙЫ:

010000, Астана қ.,
Қорғалжын тас жолы, 8,
Maqsut Narikbayev University,
тел. 8 (7172) 70 30 07
web-site: www.km.mnu.kz
E-mail: pravoigos@kazguu.kz

Журналдың толық электрондық нұсқасы және әр жеке мақала журналдың сайтында, РИНЦ-те, IPRbooks-та, Maqsut Narikbayev University репозиторинде орналастырылады және жалпыға қолжетімді болып табылады.

ISSN 2307-5201.

Материалдарды қолдану кезінде «Құқық және мемлекет» журналына сілтеме жасалу міндетті.

Журналдың материалдарында білдірілген пікірлер редакцияның көзқарасымен сәйкес келе бермейді.

Қолжазба қайтарылмайды.

Бірінші бетті жобалау кезінде пайдаланылған мұқаба фотосуреті Интернеттен.

Жарияланған: 28.06.2024

© Maqsut Narikbayev University, 2024
© «Құқық және мемлекет» журналы, 2024.

УЧРЕДИТЕЛЬ: **Maqsut Narikbayev University**

Государственный регистрационный №7742-Ж выдан 25.05.2006 г. Комитетом информации и архивов Министерства культуры и информации Республики Казахстан.

Журнал включен в международную наукометрическую систему РИНЦ.

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА:

А.Б. Дидикин (главный редактор);
Р.А. Жакина (ответственный секретарь);
Н.М. Акпеисова (компьютерная верстка и дизайн);
А.А. Ускенбаев (редактор текста на казахском языке).

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

010000, г. Астана,
шоссе Коргалжын, 8,
Maqsut Narikbayev University
тел. 8 (7172) 70 30 07
web-site: www.km.mnu.kz
E-mail: pravoigos@kazguu.kz

Полная электронная версия журнала и каждая статья отдельно размещаются на сайте журнала, в РИНЦ, IPRbooks, в репозитории Maqsut Narikbayev University и являются общедоступными.

ISSN 2307-5201.

При использовании материалов ссылка на журнал «Право и государство» обязательна.

Мнения, высказываемые в материалах журнала, не всегда совпадают с точкой зрения редакции.

Рукописи редакцией не возвращаются.

При оформлении первой страницы обложки журнала использовалось фото из Интернета.

Издан: 28.06.2024

© Maqsut Narikbayev University, 2024
© Журнал «Право и государство», 2024.

CHAIRMAN: **Maqsut Narikbayev University**

The state registration №7742-ZH was given on 25.05.2006 by Committee of information and archive of Ministry of culture and information of the Republic of Kazakhstan.

The journal is included in international RSCI (Russian Science Citation Index) system.

THE EDITORS OF THE JOURNAL:

A.B. Didikin (Editor-in-chief);
R. A. Zhakina (Executive secretary);
N.M. Akpeissova (Technical and design manager);
A.A. Uskenbaev (Text editor of the Kazakh version).

EDITORIAL ADDRESS:

010000, Astana,
8 Korgalzhyn highway
Maqsut Narikbayev University
tel. 8 (7172) 70 30 07
web-site: www.km.mnu.kz
E-mail: pravoigos@kazguu.kz

The full e-journal and articles separately are publicly available on the journal's website, Russian Science Citation Index (RINCI), IPRbooks, and in Maqsut Narikbayev University's repository.

ISSN 2307-5201.

In case of citing materials reference to the journal «Law and State» is required.

Opinions expressed in the materials of the journal do not always coincide with the point of view of the editorial office.

Manuscripts will not be returned.

When designing the first page cover photo used from the Internet.

Published: 28.06.2024

© Maqsut Narikbayev University, 2024
© «Law and state» journal, 2024.

